

837

КАРЛЪ МАРКСЪ
и ФР. ЭНГЕЛЬСЪ.

БУРЖУАЗІЯ,

ПРОЛЕТАРИАТЪ

Турция
и КОММУНИЗМЪ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЯМИ
АВТОРОВЪ КЪ НѢМЕЦКОМУ ИЗД.
и ПРЕДИСЛОВІЕМЪ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ
Г. ПЛЕХАНОВА

ВЪЯСНЕНИЕ СЪСТА

ИЗДАНИЕ Е. М. АЛЕКСѢЕВОЙ.

Карлъ Марксъ и Фр. Энгельсъ.

ВУРЖУАЗІЯ, ПРОЛЕТАРІАТЪ И КОММУНИЗМЪ.

Съ ПРЕДИСЛОВІЯМИ АВТОРОВЪ КЪ НѢМЕЦКОМУ ИЗДАНІЮ
И ПРЕДИСЛОВІЕМЪ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ

Г. ПЛЕХАНОВА.

ИЗДАНИЕ 2. ДОПОЛНЕННОЕ.

== Изданіе Е. М. АЛЕКСѢВОВОЙ. ==
1905.

Дозволено цензурою. Одесса, 15 іюня 1905 года.

ПРЕДИСЛОВІЯ.

I.

Въ ноябрѣ 1847 г., на конгрессѣ въ Лондонѣ, извѣстный «Союзъ», — международная организація рабочихъ, — поручилъ нижеподписавшимся выработать подробную теоретическую и практическую программу партіи; эту программу конгрессъ рѣшилъ обнародовать. Такова исторія возникновенія предлагаемаго произведенія.

Рукопись была отправлена для напечатанія въ Лондонѣ за нѣсколько недѣль до февральской революціи. Обнародованное первоначально на нѣмецкомъ языкѣ, настоящее произведеніе вышло на этомъ языкѣ, по меньшей мѣрѣ, двѣнадцатью различными изданіями, — въ Германіи, Англіи и Америкѣ. На англійскомъ языкѣ оно появилось впервые въ 1850 г. въ лондонскомъ «Red Republican», въ переводѣ миссъ Эленъ Макферлонъ, а въ 1871 году вышло въ Америкѣ не менѣе, чѣмъ въ трехъ различныхъ переводахъ. На французскомъ оно вышло впервые незадолго передъ іюньскимъ возстаніемъ 1848 г., а недавно было напечатано въ нью-іоркскомъ «Le Socialiste»; кромѣ того, готовится къ печати новый переводъ. На польскомъ языкѣ оно появилось въ Лондонѣ вскорѣ послѣ перваго нѣмецкаго изданія, а въ русскомъ переводѣ — впервые въ 60-хъ годахъ. На датскомъ языкѣ — также вскорѣ послѣ своего выхода въ свѣтъ.

Изложенныя въ немъ общія положенія, въ существенныхъ своихъ чертахъ, сохранили свое значеніе въ полномъ объемѣ и по настоящій день, несмотря на то, что въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ

условія значительно змінились. Но въ деталяхъ кое-гдѣ поправки необходимы. Какъ сказано въ самомъ текстѣ, практическое примѣненіе этихъ положеній всегда и повсюду будетъ зависѣть отъ исторически сложившихся условій, а потому предлагаемымъ въ концѣ главы II мѣропріятіямъ отнюдь не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія. Этотъ отрывокъ въ настоящее время пришлось бы видоизмѣнить во многомъ. Въ виду совершившагося за послѣднее 25-лѣтіе огромнаго прогресса въ области крупной промышленности и параллельныхъ успѣховъ партійной организаціи рабочаго класса, въ виду практическаго опыта,—прежде всего, февральской революціи, а еще въ значительно большей степени—парижской коммуны, когда пролетаріатъ впервые въ теченіе двухъ мѣсяцевъ имѣлъ въ своихъ рукахъ политическую власть,—эта программа въ настоящее время въ нѣкоторыхъ пунктахъ устарѣла. Коммуна, въ особенности, показала, что «рабочій классъ не можетъ просто взять въ свои руки государственную машину въ готовомъ видѣ и воспользоваться ею для достиженія своихъ цѣлей». (См. «Гражданская война во Франціи, адресъ генеральнаго совѣта Международной ассоціаціи рабочихъ», нѣмецкое изданіе стр. 19; тамъ эта мысль развита полнѣе). Далѣе, яено само собой, что критика социалистической литературы для настоящаго времени страдаетъ неполнотой, такъ какъ она доведена только до 1847 года, и что точно такъ-же устарѣли замѣчанія объ отношеніи коммунистовъ къ различнымъ оппозиціоннымъ партіямъ (глава IV): они, правда, вѣрны въ основныхъ своихъ чертахъ и понинѣ, но въ деталяхъ являются устарѣлыми, хотя-бы уже потому, что политическое положеніе совершенно преобразилось съ тѣхъ поръ, и ходъ исторіи попросту уничтожилъ большую часть перечисленныхъ здѣсь партій.

Однако, настоящее произведеніе представляет собой историческій документъ, и мы считаемъ уже себя не вправѣ измѣнять въ немъ что-бы то ни было. Возможно, что въ одномъ изъ позднѣйшихъ изданій мы снабдимъ его предисловіемъ, которое будетъ посвящено періоду времени съ 1847 г. до нашихъ дней. Теперь же мы не успѣли этого сдѣлать, такъ какъ настоящее изданіе выходитъ слишкомъ неожиданно для насъ.

Лондонъ, 24 іюня 1872 г.

Карлъ Марксъ. Фридрихъ Энгельсъ.

II.

Предисловіе къ настоящему изданію, къ прискорбію моему, будетъ подвѣсано однимъ только мною. Маркса не стало. Тотъ, которому рабочій классъ Европы и Америки обязанъ больше, чѣмъ кому-бы то ни было, покоится на кладбищѣ въ Гайгетъ, и его могила уже заросла первой травой. () переработкѣ или дополненіи настоящаго труда теперь, послѣ его смерти, уже не можетъ быть рѣчи. А потому мнѣ кажется теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимымъ заявить слѣдующее.

(Основная идея этого произведенія, проходящая черезъ него красной нитью:—что производство хозяйственныхъ благъ и необходимо вытекающая изъ него общественная группировка образуютъ въ каждую историческую эпоху основной базисъ для политической и интеллектуальной исторіи данной эпохи; что сообразно съ этимъ вся исторія человѣчества (съ момента разложенія первобытной земельной общины) была исторіей борьбы классовъ, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія; и что въ настоящій моментъ эта борьба дошла до той ступени, на которой эксплуатируемый и угнетенный классъ (пролетаріатъ)

можетъ освободиться изъ тисковъ эксплуатирующаго и угнетающаго его класса (буржуазин) но иначе, какъ за-одно освободивши разъ навсегда всеобщество отъ эксплуатаціи, угнетенія и классовой борьбы, эта основная идея принадлежитъ исклю и исключительно одному Марксу *).

(Объ этомъ я высказывался уже неоднократно. Но въ настоящій моментъ я счелъ необходимымъ помѣстить такое заявленіе передъ самымъ текстомъ книги.

Лондонъ, 28 іюня 1883 г.

Ф. Энгельсъ.

III.

Прошло нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ написаны были предыдущія строки, и понадобилось новое нѣмецкое изданіе. Тѣмъ временемъ произошло съ предлагаемымъ произведеніемъ многое, о чемъ не мѣшаетъ здѣсь упомянуть.

Въ 1882 году вышелъ второй русскій переводъ— В. З. **) Предисловіе къ этому изданію было написано Марксомъ и мною.....

Около того же времени появился новый польскій переводъ.

Далѣе въ копенгагенскомъ «Socialdemokratisk Bibliothek» за 1885 г. напечатанъ новый датскій переводъ. Къ сожалѣнію, въ немъ имѣются пробѣлы; переводчикъ выпустилъ нѣсколько важныхъ мѣстъ, очевидно, затрудняясь перевести ихъ; кромѣ того, мѣстами замѣтны слѣды

*) Въ моемъ предисловіи къ англійскому изданію я писалъ: «Къ этой идеѣ, составляющей, на мой взглядъ, такой же успѣхъ исторической науки, каковымъ была теорія Дарвина для естествознанія, мы оба постепенно стали приближаться уже за нѣсколько лѣтъ до 1845 г. Насколько далеко я пошелъ самостоятельно въ этомъ направленіи, можно судить по моей работѣ: «Положеніе рабочаго класса въ Англіи». Но когда я весной 1845 г. снова встрѣтился съ Марксомъ въ Брюссель, у него эта идея созрѣла окончательно, и онъ преподнесъ мнѣ ее почти въ такихъ же ясныхъ выраженіяхъ, какъ я формулировалъ ее выше».

**) Ошибка: второй русскій переводъ сдѣланъ не В. З., а Г. П. Перев.

поспѣшности, тѣмъ болѣе досадные, что, судя по работѣ, переводчикъ при нѣсколько большемъ вниманіи къ дѣлу могъ бы дать блестящій переводъ.

Въ 1886 г. вышелъ новый французскій переводъ, напечатанный въ парижскомъ «Le Socialiste»; изъ всѣхъ появившихся до сихъ поръ переводовъ это—наилучшій.

Въ томъ же году это сочиненіе было переведено на испанскій языкъ. Переводъ былъ помѣщенъ сначала въ мадридскомъ «El Socialista», а затѣмъ былъ изданъ отдѣльной брошюрою.

Какъ курьезъ, я упомяну еще, что въ 1887 г. одному изъ константинопольскихъ издателей была предложена для изданія рукопись армянскаго перевода настоящаго произведенія. Но купецъ не рѣшился напечатать произведеніе за подписью Карла Маркса и предложилъ переводчику выдать себя за автора, на что послѣдній не счелъ возможнымъ согласиться.

Въ Англии, послѣ цѣлаго ряда болѣе или менѣе неправильныхъ переводовъ американскаго происхожденія, въ 1888 г. появился наконецъ авторизованный переводъ,—трудъ моего друга Самуэля Мура, просмотрѣнный нами вдвоемъ передъ напечатаніемъ. Изъ этого изданія я перенесъ въ настоящее нѣмецкое нѣкоторыя примѣчанія.

Своеобразна была судьба нашего труда. Въ моментъ появленія его встрѣтилъ съ энтузіазмомъ малочисленный еще въ то время авангардъ научнаго социализма (какъ видно изъ перечисленныхъ въ предисловіи I переводовъ); но скоро онъ былъ затертъ реакціей, поднявшей голову послѣ пораженія парижскихъ рабочихъ въ іюнѣ 1848 г., и наконецъ осужденіемъ кѣльнскихъ коммунистовъ въ ноябрѣ 1852 г. онъ былъ объявленъ вѣнъ закона. Когда сошло съ общественной арены рабочее движеніе, ведущее свое начало отъ февральской революціи, то вмѣстѣ съ нимъ отошелъ на задній планъ и нашъ трудъ.

Когда же рабочій класъ въ Европѣ почувствовалъ себя достаточно окрѣпшимъ для новаго похода противъ

господствующих классовъ, тогда возникла Международная ассоціація рабочихъ. Задачей ея было—слить въ одну огромную армію весь паличный составъ борцовъ-рабочниковъ Европы и Америки. Въ силу этого она не могла сдѣлать *исходными пунктами* своей программы положенія, изложенныя здѣсь. Ей необходима была программа, которая не преградила бы доступа въ организацію англійскимъ трэдъ-юніонистамъ, французскимъ, бельгійскимъ, итальянскимъ и испанскимъ прудонистамъ и нѣмецкимъ лассальянцамъ *). Эта программа—мотивировка устава «Интернаціонала»—была написана Марксомъ съ мастерствомъ, котораго не оспаривали даже Бакунины и анархисты. Въ конечномъ торжествѣ принциповъ, провозглашенныхъ въ этомъ трудѣ, онъ не сомнѣвался. Въ этомъ отношеніи онъ возлагалъ свои надежды исключительно на интеллектуальное развитіе рабочаго класса, которое необходимо должно было получиться въ результатѣ объединенной практической дѣятельности и систематическаго обмѣна мыслей. Событія и превратности въ борьбѣ съ капиталомъ, пораженія еще въ большой мѣрѣ, нежели успѣхи, должны были уяснить борющимся недостаточность ихъ прежнихъ панацей, подготовить ихъ умы къ постиженію истинныхъ условій эманципаціи рабочаго класса. И Марксъ былъ правъ. Въ 1874 г., при ликвидаціи Международной ассоціаціи, рабочій классъ былъ уже совсѣмъ не тотъ, что въ 1864 г., при основаніи ея. Прудонизмъ въ романскихъ странахъ и специфическое нѣмецкое лассальянство уже вымирали,

*) Лассаль лично, въ бесѣдѣ съ нами, всегда заявлялъ себя «ученикомъ» Маркса и, какъ таковой, онъ, само собой понятно, раздѣлялъ изложенныя здѣсь взгляды. Этого нельзя, однако, сказать о тѣхъ изъ его приверженцевъ, которые не шли дальше его требованія производительныхъ ассоціацій съ государственнымъ кредитомъ и дѣлили весь рабочій классъ на сторонниковъ государственной помощи и сторонниковъ самопомощи.

и даже архи-консервативные англійскіе трэдъ-юніоны того времени постепенно подверглись такой метаморфозѣ, что въ 1887 г. президентъ ихъ конгресса, въ Свэнзи, могъ заявить отъ ихъ имени: «Континентальный коллективизмъ пересталъ быть для насъ страшилищемъ». А континентальный коллективизмъ къ этому времени (къ 1887 г.) состоялъ почти исключительно изъ теоріи, провозглашенной въ этомъ произведеніи. Такъ исторія этой книги является, въ извѣстной степени, отраженіемъ исторіи современнаго рабочаго движенія, начиная съ 1848 года. Въ настоящее время это, безъ сомнѣнія, истинно-международное и самое распространенное изъ произведеній социалистической литературы, общая программа миллионѣвъ рабочихъ всѣхъ странъ, отъ крайней оконечности Азіи до Калифорніи.

И тѣмъ не менѣе, при появленіи этого сочиненія мы не рѣшились бы назвать его социалистическимъ. Подъ социалистами въ 1847 году разумѣли двоякаго рода людей. Съ одной стороны—сторонниковъ различныхъ утопическихъ системъ, въ частности—англійскихъ овенистовъ и французскихъ фурьеристовъ, которые къ этому времени уже успѣли выродиться въ постепенно вымирающія секты; съ другой стороны—разнообразнѣйшихъ цѣлителей социальныхъ недуговъ, предполагавшихъ устранить общественныя неустройства при помощи различныхъ универсальныхъ средствъ и всякаго рода заплатъ, ни мало не затрагивая капитала или прибыли; и тѣ, и другіе стояли внѣ рабочаго движенія, и даже наоборотъ, искали поддержки у «образованныхъ» классовъ. Та же часть рабочихъ, которая, исходя изъ убѣжденія въ недостаточности однихъ политическихъ переворотовъ, требовала кореннаго преобразованія общества, въ тѣ времена присвоила себѣ кличку коммунистовъ. То былъ какой-то необдѣланный, инстинктивный, подчасъ нѣсколько грубый коммунизмъ; но онъ былъ достаточно силенъ, чтобы вы-

звать къ жизни двѣ системы утопическаго коммунизма: во Франціи «икарійскій» коммунизмъ Каба и въ Германіи ученіе Вейтлинга. Соціализмъ былъ въ 1847 г. буржуазнымъ движеніемъ, коммунизмъ—рабочимъ. Соціализмъ—по крайней мѣрѣ, на континентѣ—имѣлъ доступъ въ салоны; коммунизмъ какъ разъ наоборотъ. И такъ какъ мы уже въ то время рѣшительно придерживались того взгляда, что «освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ», то мы ни минуты не колебались насчетъ того, какое намъ избрать изъ обоихъ названій. Да и позже намъ никогда не приходило въ голову замѣнить выбранное нами названіе другимъ.

Лишь немного голосовъ откликнулось, когда мы призывали къ международному объединенію рабочихъ 42 года тому назадъ, наканунѣ первой парижской революціи, въ которой пролетаріатъ выступилъ съ самостоятельными требованіями. Но уже въ 1864 году, 28 сентября, пролетаріи большинства западно-европейскихъ странъ объединились въ покрытую неуvidaемой славой Международную ассоціацію рабочихъ. Правда, самъ «Интернаціональ» просуществовалъ не болѣе девяти лѣтъ. Но что созданный имъ вѣчный союзъ пролетаріевъ всѣхъ странъ и понынѣ живъ и процвѣтаетъ больше, чѣмъ когда-либо,—объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ сегодняшній день.

Лондонъ, 1 мая 1890 г.

Ф. Энгельсъ.

Предисловіе къ русскому переводу.

Въ сентябрѣ 1843 г. Марксъ писалъ Руге:

«До сихъ поръ философы имѣли въ своемъ портфельѣ разрѣшеніе всѣхъ загадокъ, и глупому міру непосвященныхъ оставалось только раскрыть ротъ, чтобы ловить жареныхъ рыбчиковъ абсолютной науки. Теперь философія сдѣлалась свѣтской... Если конструированіе будущаго и окончательные результаты для всѣхъ грядущихъ временъ не наше дѣло, то тѣмъ опредѣленнѣе мы знаемъ, что намъ нужно совершить въ настоящемъ: я говорю о беспощадной критикѣ всего существующаго, беспощадной въ двухъ смыслахъ: въ томъ, что эта критика не боится собственныхъ результатовъ, и въ томъ, что она не отступаетъ отъ столкновенія съ предрержащими властями».

Этому критическому настроенію одного изъ будущихъ авторовъ настоящаго произведенія вполне соответствовало настроеніе другого его автора, Фридриха Энгельса, какъ это хорошо видно изъ его интересной статьи «Die Lage Englands», которая была напечатана въ «Deutsch-Französische Jahrbücher», и въ которой много мѣста отведено изложенію взглядовъ Карлейля.

Карлейль призывался, что у него нѣтъ никакихъ «Морисоновыхъ пилюль», никакихъ папацей для лѣченія общественныхъ бѣдствій. Указавъ на это признаніе, Энгельсъ замѣчаетъ: «Въ этомъ онъ тоже правъ. Еще очень несовершенна та общественная философія, которая

выдаетъ два-три положенія за свой конечный результатъ и предлагаетъ «Мориссоновы пилюли». Намъ не такъ нужны голые результаты, какъ *изученіе*. Результаты безъ развитія, которое ведетъ къ нимъ—ничто; это мы уже знаемъ со временъ Гегеля. А результаты, которые фиксируются, какъ неизмѣнные, и не кладутся въ основу дальнѣйшаго развитія, хуже, чѣмъ бесполезны. Но результаты все-таки должны принять опредѣленную, хотя и временную форму; развитіе должно вывести ихъ изъ туманной неопредѣленности и сдѣлать изъ нихъ ясныя мысли»⁶⁾.

Въ теченіе времени, протекшаго съ тѣхъ поръ, какъ написаны были эти строки, социальная философія Маркса и Энгельса тоже пришла въ своемъ развитіи къ извѣстнымъ результатамъ, которые получили первое систематическое выраженіе въ настоящемъ произведеніи и затѣмъ пополнились въ другихъ сочиненіяхъ его авторовъ. Эти результаты никогда не грѣшили «туманной неопредѣленностью». Напротивъ, даже люди, не сочувствовавшіе имъ и пугавшіеся ихъ, вынуждены были признать, что «изученіе» привело Маркса и Энгельса къ цѣлому ряду ясныхъ и оригинальныхъ мыслей. Но если справедливо замѣчаніе Энгельса о томъ, что надо дорожить не столько *результатами*, сколько тѣмъ *развитіемъ*, которые ведетъ къ нимъ, и что вообще результаты имѣютъ лишь *временное значеніе*, то можно спросить себя: не устарѣли-ли результаты, изложенные въ этой работѣ, и не осуждены-ли они дальнѣйшимъ ходомъ того самаго развитія, которое нѣкогда привело къ нимъ? Одинъ остроумный французъ замѣтилъ, что онъ не хотѣлъ бы думать, какъ Вольтеръ, въ такое время, когда Вольтеръ думалъ бы иначе. Мы должны послѣдовать

⁶⁾ Deutsch-Französische Jahrbücher, SS. 167—168.

примѣру этого француза. Если бы мы захотѣли думать, какъ Марксъ и Энгельсъ, въ такое время, когда Марксъ и Энгельсъ думали бы иначе, то мы показали бы этимъ полную неспособность усвоить живой критическій *духъ* ихъ ученія и, отстаивая его мертвую *букву*, мы были бы отъ него гораздо дальше, чѣмъ тѣ догматики, о которыхъ говорилъ Марксъ въ цитированномъ выше письмѣ къ Арпольду Руге.

Марксъ и Энгельсъ беспощадно критиковали все существующее и не боялись результатовъ своей критики. Ученики Маркса и Энгельса не должны бояться критиковать результаты, добытые ихъ учителями.

Казалось бы, что это само собой разумѣется, и что говорить объ этомъ излишне, въ особенности теперь, когда во всей Европѣ,—отъ Петербурга до Неаполя и отъ Самары до Дублина,—развелось такъ много марксистовъ, стоящихъ *«подъ знакомъ критики»*. Но въ томъ то и дѣло, что бываютъ разные *«знаки критики»*. Давно уже было сказано, что не всякій, повторяющій: «Господи, Господи!», войдетъ въ царствіе небесное. Теперь приходится сказать, что не всякій, твердящій: «критика, критика», способенъ возвыситься надъ *догматизмомъ*. Люди, «критикующіе» Маркса и Энгельса, многочислены теперь, какъ песчинки на днѣ морскомъ. Критика марксизма стала модой въ нѣкоторыхъ кругахъ интеллигенціи всѣхъ странъ. Но мода и критика плохо уживаются одна съ другою. И чѣмъ болѣе критика марксизма становится дѣломъ моды, тѣмъ болѣе утрачиваетъ она *всякое критическое содержаніе*. Объявляя устарѣлыми тѣ результаты, къ которымъ пришли Марксъ и Энгельсъ, господа критики не ставятъ на ихъ мѣсто ничего *новаго* и частью ограничиваются безсодержательнымъ и скучнымъ повтореніемъ слова «критика», а частью возвращаются на точку зрѣнія *буржуаз-*

мысль современников или даже *предшественников* Маркса и Энгельса. Само собой разумеется, что *таким* критика несколько не спасает от догматизма, и что *такое* движение ни в каком случае не может быть названо *поступательным*.

(Слабость «критической» мысли господь критиковъ Маркса съ особенной яркостью обнаруживается въ области философіи. Здѣсь они противопоставляютъ такъ называемому ими догматизму матеріалистовъ довольно уже пожилую догму кантіанцевъ о непознаваемости вѣшняго міра. Разбирать здѣсь эту догму было бы неумѣстно, и потому только мы замѣтимъ, что, отвергая матеріализмъ, господа критики не даютъ себѣ труда хорошенько ознакомиться съ этой теоріей и довольствуются тѣмъ представленіемъ о ней, которое усердно культивируется во славу религіи учеными, полуучеными и совѣмъ неучеными флистерами и попами разныхъ странъ, и въ основѣ котораго лежитъ христіанское противоположеніе матеріи духу⁷⁾).

Въ настоящей работѣ мы имѣемъ дѣло исключительно съ «*соціальной философійей*» Маркса и Энгельса. О пей и пойдетъ у насъ рѣчь въ нашемъ предисловіи. Но и она очень обширна. Всестороннее разсмотрѣніе ея невозможно въ этомъ предисловіи. Поэтому мы разсмотримъ здѣсь лишь *основную мысль* этого труда, а отдѣльныя его положенія разсмотримъ въ брошюрѣ «Критика нашихъ критиковъ», подготовляемой нами къ печати.

⁷⁾ Главнымъ научнымъ источникомъ, изъ котораго черпаютъ теперь эти господа свои свѣдѣнія о матеріализмѣ, является извѣстная «Исторія матеріализма» Ланге. Но Ланге самъ никогда не могъ взглянуть на матеріализмъ глазами трезваго и безпристрастнаго изслѣдователя. Его книга сдѣлала очень много не для критики матеріализма, а для распространенія и укрѣпленія въ публикѣ неправильнаго взгляда на его историческое развитіе и на его значеніе для общественной науки нашего времени.

«Основная мысль, пропитывающая собою весь этот трудъ,—та мысль, что въ каждую данную историческую эпоху экономическое производство и неизбежно обусловленное имъ строеніе общества составляетъ основу политической и умственной исторіи; что, соотвѣтственно этому, вся исторія, съ тѣхъ поръ какъ разложилось первобытное общинное землевладѣніе, была исторіей классовой борьбы;... но что эта борьба достигла теперь той ступени, на которой эксплуатируемый и угнетаемый классъ... не можетъ освободиться отъ эксплуатирующаго и угнетающаго его класса..., не освободивъ въ то же время и навсегда всего общества отъ эксплуатаціи, угнетенія и классовой борьбы,—эта основная мысль принадлежитъ единственно и исключительно Марксу».

Такъ говорить Энгельсъ. Правъ-ли онъ? Не сомнѣемъ.

Во-первыхъ, Энгельсъ не правъ, сводя къ нулю свое собственное участіе въ разработкѣ этой основной мысли. Во-вторыхъ, нѣкоторые очень важные *элементы* этой мысли встрѣчаются въ гораздо болѣе ранней социаль-но-политической литературѣ.

Профессоръ Антонио Лабріола въ своемъ прекрасномъ опытѣ, посвященномъ настоящему произведенію Маркса и Энгельса, справедливо замѣчаетъ, что уже древніе историки, а въ новое время итальянскіе историки эпохи Возрожденія хорошо понимали значеніе классовой борьбы, происходившей на ихъ глазахъ въ тѣсныхъ предѣлахъ городскихъ республикъ. Не менѣе справедливо и то замѣчаніе Лабріолы, что классовая борьба, принявшая гораздо болѣе широкіе размѣры въ современномъ государствѣ, все болѣе и болѣе бросалась въ глаза въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія. Но онъ ошибается, полагая, что историческое значеніе этой борьбы съ наибольшей

ясностью сознано было въ концѣ этого періода, — именно въ промежутокъ времени отъ 1830 до 1850 года. Въ дѣйствительности, пониманіе классовой борьбы, какъ важнѣйшаго двигателя историческаго развитія, уже въ двадцатыхъ годахъ достигло такой степени ясности, которая была превзойдена развѣ только въ сочиненіяхъ Маркса и Энгельса. Въ эпоху же 1830—1850 г.г. пониманіе это отчасти затемнилось подъ вліяніемъ причинъ, которыя мы укажемъ ниже.

Уже въ своихъ «Lettres d'un habitant de Genève», вышедшихъ въ 1802 г., Сень-Симонъ говоритъ объ отношеніяхъ между «имущимъ» и «неимущимъ» классами и *борьбой этихъ классовъ* объясняетъ ходъ и исходъ французской революціи. Но это сочиненіе содержитъ въ себѣ лишь зародыши взглядовъ Сень-Симона. Гораздо полнѣе высказываются они въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, — напр., въ «Organisateur» (знаменитая «Парабола»), въ «Lettres à Messieurs les jurés», «Du système industriel», «Catechisme des industriels» и «Opinions littéraires, philosophiques et industrielles». Производство есть цѣль общественнаго союза, а потому люди, руководящіе производствомъ, всегда стояли и всегда будутъ стоять во главѣ общественнаго союза. До XV столѣтія свѣтская власть находилась въ рукахъ дворянства. Это не могло быть иначе потому, что дворянство руководило тогда земледѣльческими работами, а земледѣльческія работы были тогда единственно важной отраслью промышленной дѣятельности⁸⁾. Но мало по малу, въ періодъ отъ перваго крестоваго похода до Людовика XI, возникъ и организовался въ независимую отъ дворянства силу новый общественный классъ, — промыш-

⁸⁾ Opinions littéraires, philosophiques et industrielles. Paris 1825, pp. 144—145. Ср. Catechisme des industriels въ Oeuvres de Saint-Simon, изданныхъ О. Родригозомъ, Paris 1832, p. 18.

шленники въ собственномъ смыслѣ слова,—который еще больше окрѣпъ и выросъ въ эпоху, отдѣляющую царствованіе Людовика XI отъ царствованія Людовика XIV. Въ теченіе всей этой эпохи промышленный классъ не переставалъ бороться съ дворянствомъ и отнимать у него одну экономическую позицію за другой. Нуждаясь въ сильной поддержкѣ, онъ заключилъ союзъ съ королевской властью, и этотъ союзъ опредѣлилъ собою дальнѣйшее политическое развитіе Франціи вплоть до того времени, когда королевская власть, въ лицѣ Людовика XIV, измѣнила своему вѣрному союзнику и сдѣлалась покровительницей аристократіи. Это была ошибка, дорого стоившая Бурбонамъ, но не остановившая развитія промышленнаго класса. Французская революція и послѣдовавшія за нею событія вызваны были борьбой новаго промышленнаго порядка со старой феодальной системой, сторонники которой сдѣлали во время реставраціи новую попытку вернуть свое старое вліяніе и значеніе. Но ихъ усилія осуждены на неудачу; ихъ вліяніе навсегда утрачено. «Въ теченіе пятнадцати вѣковъ,—говоритъ Сень-Симонъ,—феодальная система постепенно дезорганизовалась, а промышленная система постепенно организовалась. Достаточно будетъ тактичнаго поведенія главныхъ представителей промышленности, чтобы окончательно установить промышленную систему и очистить общество отъ развалинъ того феодальнаго зданія, въ которомъ жили когда-то наши предки»⁹⁾.

Историческіе взгляды Сень-Симона были почти цѣликомъ усвоены его «пріемнымъ сыномъ», Огюстэномъ Тьерри, такъ много сдѣлавшимъ впоследствии для французской исторической науки. Огюстэнъ Тьерри стоялъ на

⁹⁾ Oeuvres, p. 59.

точкѣ зрѣнія третьяго сословія и хорошо понималъ это. Въ 1818 г. онъ писалъ въ «*Censeur Europeen*»:

«Кто изъ насъ слышалъ о томъ классѣ людей, который сохранилъ для человѣчества промышленное искусство и привычку къ труду во время наводненія Европы варварами? Постоянно подвергаясь притѣсненіямъ и грабежу со стороны своихъ побѣдителей и повелителей, эти люди вели тягостное существованіе, получая въ вознагражденіе за свой трудъ лишь сознаніе того, что они поступаютъ хорошо и сохраняютъ цивилизацію для своихъ дѣтей и для всего міра. Эти спасители нашихъ искусствъ были нашими отцами. Мы дѣти тѣхъ крѣпостныхъ, тѣхъ данниковъ, тѣхъ буржуа, которыхъ безпощадно попирали завоеватели. Мы всѣмъ обязаны имъ... Но, недавно освобожденные рабы, мы хранили память лишь о семьяхъ и о дѣйствіяхъ своихъ господъ. Только тридцать лѣтъ тому назадъ мы вспомнили, что наши отцы составляли націю. Мы всѣмъ восхищались и все изучали, за исключеніемъ того, что было совершено ими. Мы были патриотами и забывали тѣхъ, которые въ теченіе четырнадцати вѣковъ воздѣлывали почву нашего отечества, которую такъ часто опустошали другія руки»¹⁰⁾.

Два года спустя Тьерри возвращается къ той-же темѣ и доказываетъ, что французы еще не имѣютъ настоящей исторіи своего *народа*. Исторія гражданъ, исторія подданныхъ еще не написана, а между тѣмъ она гораздо интереснѣе и способна вызвать гораздо больше симпатій, чѣмъ исторія высокопоставленныхъ лицъ и королей, — «единственная исторія, о которой намъ говорятъ». Движеніе народныхъ массъ къ свободѣ и благосостоянію представляетъ собою болѣе величественное зрѣ-

¹⁰⁾ Цитировано имъ самимъ въ его «*Dix ans d'études historiques*». Paris 1837, préface, p. VIII.

лице, чѣмъ походы завоевателей, а бѣдствія народа трогательнѣе бѣдствій королей, лишившихся своихъ престоловъ. Если-бы нашлось перо, достойное написать исторію народныхъ массъ, то французы узнали-бы, что ихъ города могутъ гордиться «не только тѣмъ, что въ нихъ жили тѣ или другіе аристократы, или что черезъ нихъ проходилъ тотъ или иной король. Они узнали-бы также, что политическая жизнь народа не ограничивалась уплатой податей и поставкой рекрутъ» ¹¹⁾).

Уже эти краснорѣчивыя тирады ясно показываютъ, какимъ образомъ ростъ самосознанія третьяго сословія во Франціи вызвалъ коренную перемену во взглядахъ французскихъ историковъ. Для ученыхъ плебеевъ того времени исторія третьяго сословія была интереснѣе исторіи двора и аристократіи, и потому они почувствовали потребность разработать именно исторію третьяго сословія. А такъ какъ эта исторія въ теченіе многихъ столѣтій была исторіей всего народа, за исключеніемъ дворянства и духовенства, то неудивительно, что народная жизнь прошлыхъ вѣковъ стала привлекать къ себѣ главное вниманіе исторической науки, прежде занимавшейся лишь королями и аристократами. Въ исторической наукѣ время реставраціи сказалось то же самое настроеніе третьяго сословія, которое еще въ XVIII вѣкѣ начало сказываться въ области изящной литературы и литературной критики. Извѣстны психологическіе мотивы, вызвавшіе появленіе такъ называемой *мѣцанской драмы*. «Что за дѣло мнѣ, мирному гражданину монархическаго государства 18-го столѣтія — писалъ Бомарше — до смерти какого-нибудь пелопонезскаго тирана или до принесенія въ жертву царской дочери въ Авлидѣ? Все это совершенно до меня не касается, во всемъ этомъ нѣтъ ни-

¹¹⁾ См. первое письмо объ исторіи Франціи, перепечатанное въ «Dix ans d'études historiques», p. 325.

чего поучительнаго для меня»¹²⁾. Бомарше и его единомышленники хотѣли, чтобы на сценѣ съ любовью и вниманіемъ изображались бытъ и страданія людей современнаго имъ третьяго сословія. Классическая трагедія раздражала и оскорбляла ихъ своимъ пристрастіемъ къ высокопоставленнымъ героямъ. «Изображать горо и несчастія людей средняго состоянія!—съ горечью восклицалъ Бомарше.—*Fi donc!* Ихъ можно только осмѣивать! Смѣшныя граждане и несчастныя короли — вотъ чѣмъ ограничивается область, доступная театру. Такъ мы и будемъ знать»¹³⁾.

Буржуазія 18-го столѣтія хотѣла «имѣть свой портретъ», и ея литературные представители попытались изобразить ея тогдашнія черты въ герояхъ мѣщанской драмы¹⁴⁾. Подобно этому, во время реставраціи, буржуазія, отстаивавшая свои соціально-политическія завоеванія отъ настойчивыхъ посягательствъ со стороны приверженцевъ стараго порядка, хотѣла слышать разсказъ объ ея собственныхъ дѣтскихъ и юношескихъ годахъ, и ея ученые представители принялись писать для нея назидательное и интересное повѣствованіе о притѣсненіяхъ, которымъ она нѣкогда подвергалась, объ ея успіяхъ завоевать себѣ лучшую долю и объ ея успѣхахъ въ борьбѣ противъ притѣснителей. Такъ создалось новое направленіе въ исторической наукѣ, представлявшее собою огромный шагъ впередъ въ ея развитіи.

Историки прежняго времени, интересовавшіеся преимущественно королями и аристократами, видѣли въ подвигахъ своихъ высокопоставленныхъ героевъ главныхъ

¹²⁾ *Essai sur le genre dramatique sérieux* въ *Oeuvres complètes* Paris 1828, t. I. p. 11.

¹³⁾ *Lettre sur la critique de Barbier de Seville* въ *Oeuvres complètes*, t. I, p. 258.

¹⁴⁾ Ср. Брюнетьера, *Les époques du théâtre français*, Paris 1896, p. 297.

двигателей историческаго развитія. Этотъ взглядъ усвоенъ былъ и просвѣтителями 18-го вѣка, у которыхъ онъ, согласно ихъ революціонному настроенію, видоизмѣнился въ ученіе о томъ, что мнѣнія правятъ міромъ. Несостоятельное въ теоретическомъ отношеніи, ученіе это имѣло то преимущество, что отводило широкое мѣсто воздѣйствію революціонныхъ *героевъ* интеллигенціи на угнетаемую государствомъ и высшими сословіями *толпу* средняго сословія. Но буржуазія временъ реставраціи, незадолго передъ тѣмъ нанесшая смертельный ударъ старому порядку, уже не походила на подавленную толпу. Ея идеологи, проникнутые сознаниемъ ея силы и значенія, увидѣли въ ней самой главнаго героя историческаго движенія. Мы уже знаемъ, съ какимъ восторгомъ говорилъ Тьерри объ ея заслугахъ передъ человѣчествомъ и цивилизаціей.

Но разъ заинтересовавшись исторіей своихъ «отцовъ», ученые представители буржуазіи необходимо должны были составить себѣ совершенно новый взглядъ на историческое происхожденіе и развитіе общественныхъ учреждений.

«Удивительна—говоритъ Огностэнъ Тьерри—упорная склонность историковъ не признавать за массой никакой самодѣятельности, никакого творчества. Если какой-нибудь народъ выселяется, ища себѣ новаго мѣстожителства, то наши исторіографы и поэты объясняютъ это тѣмъ, что какой-нибудь герой рѣшился основать новую имперію съ цѣлью прославить свое имя; если возникаетъ какое-нибудь новое государство, то это объясняется инициативой того или другаго государя. Народъ, граждане всегда представляютъ собою лишь матерію, одухотворяемую мыслью отдѣльныхъ людей. Хотите въ самомъ дѣлѣ узнать, кто создалъ данное учрежденіе, кому принадлежитъ мысль даннаго общественнаго

предпріятія? Ищите тѣхъ, кому оно было нужно: имъ, навѣрное, принадлежитъ и первая мысль о немъ, и желаніе дѣйствовать, и значительная часть въ выполненіи. *Is fecit, cui prodest*,—эта аксіома примѣнима въ исторіи не менѣе, чѣмъ въ юриспруденціи»¹⁵⁾.

Эта новая точка зрѣнія — точка зрѣнія *общественнаго или классоваго интереса*—въ связи съ сочувствіемъ къ «отцамъ», вынесшимъ на своихъ плечахъ многовѣковую борьбу противъ высшихъ сословій, неизбѣжно должна была привести къ признанію важнаго историческаго значенія борьбы различныхъ общественныхъ классовъ за свои интересы, т. е., короче, *классовой борьбы*. И дѣйствительно, уже въ началѣ своей литературной дѣятельности Огюстенъ Тьерри указываетъ на «борьбу классовъ и интересовъ» въ Англіи (*lutte des classes d'hommes et d'intérêts*), какъ на одно изъ главныхъ послѣдствій завоеванія ея норманнами¹⁶⁾. Революціонное движеніе въ Англіи 17-го вѣка изображается имъ, какъ борьба третьяго сословія съ аристократіей. «Всякій, чьи предки принадлежали къ числу завоевателей Англіи,—говоритъ онъ о первой англійской революціи—покидалъ свой замокъ и ѣхалъ въ королевскій лагерь, гдѣ и занималъ положеніе, соответствующее его званію. Жители городовъ толпами шли въ противоположный лагерь. Тогда можно было сказать, что армія собиралась, — одна во имя *праздности и власти*, другая во имя *труда и свободы*. Всѣ праздношатающіеся, каково-бы ни было ихъ происхожденіе, всѣ тѣ, которые искали въ жизни лишь достающихся безъ труда наслажденій, становились подъ королевскія знамена, защищая интересы, подобные ихъ собственнымъ интересамъ».

¹⁵⁾ Dix ans d'études historiques, p. 348.

¹⁶⁾ Въ статьѣ Vue des révolutions d'Angleterre. Dix ans d'études historiques, p. 16.

самъ; и наоборотъ, тѣ изъ потомковъ прежнихъ завоевателей, которые занимались тогда промышленностью, присоединились къ партіи общинъ»¹⁷⁾.

Но особенно замѣчательно то, что и въ религіозномъ движеніи того времени Тьерри видѣлъ лишь отраженіе «положительныхъ», житейскихъ интересовъ. «Съ обѣихъ сторонъ—говорить онъ—война велась за положительные интересы. Все остальное было внѣшностью или предлогомъ. Люди, отстававшіе дѣло *подданныхъ*, были по большей части пресвитеріанами, т. е. не хотѣли никакого подчиненія, даже въ религіи. Тѣ же, которые примыкали къ противной партіи, принадлежали къ англиканскому или католическому исповѣданію; это было потому, что даже въ религіозной области они стремились къ власти и къ обложенію людей налогами»¹⁸⁾

Переходя къ современнику Тьерри, Минье, мы встрѣчаемъ совершенно тотъ-же взглядъ на значеніе имущественныхъ интересовъ и на роль классовой борьбы въ исторіи цивилизованныхъ странъ. По словамъ Минье, «наиболѣе многочисленные и наиболѣе сильные интересы диктуютъ законы и достигаютъ своей цѣли» (*dirent la loi et arrivent à leur but*)¹⁹⁾. Легко понять отсюда, какое вліяніе имѣютъ, по его мнѣнію, интересы на развитіе общества. «Общественное движеніе—говоритъ онъ—опредѣляется господствующими интересами. Движеніе это стремится къ своей цѣли посреди разныхъ препятствій, останавливается, разъ достигнута эта цѣль, и уступаетъ мѣсто другому движенію, которое сначала остается незамѣтнымъ и обнаруживается только тогда, когда дѣлается преобладающимъ. Таковъ былъ ходъ развитія

¹⁷⁾ Ibidem.

¹⁸⁾ Ibidem.

¹⁹⁾ De la féodalité, des institutions de St-Louis et de l'influence de la législation de ce prince. Paris 1822, p. 47.

феодализма. Феодализмъ существовалъ въ нуждахъ людей, еще не существуя фактически,—первая эпоха; во вторую эпоху онъ существовалъ фактически, постепенно переставая соотвѣтствовать нуждамъ, и это послѣднее обстоятельство положило конецъ его фактическому существованію. Еще ни одна революція не совершалась другимъ путемъ»²⁰⁾. Появленіе на исторической сценѣ городскихъ коммунъ измѣнило все внутреннія отношенія тогдашнихъ обществъ. Въ Италіи коммуны добиваются полнаго господства, и тамъ возникаетъ демократія. Во Франціи онѣ оказываются вынужденными соединиться съ королевскою властью и тѣмъ положить основаніе абсолютизму. Наконецъ, въ Англій, гдѣ онѣ соединяются съ феодалами противъ короля, возникаетъ конституціонная монархія²¹⁾. Такимъ образомъ, взаимное отношеніе важнѣйшихъ социальныхъ элементовъ европейскаго общества—т. е. аристократіи и третьяго сословія—опредѣлило собою политическое развитіе Европы. Чѣмъ болѣе росло третье сословіе, тѣмъ болѣе приближалось окончательное паденіе стараго общественнаго порядка. Во Франціи эпоха этого паденія была эпохой революціи, къ которой Минье всегда относился съ самымъ горячимъ сочувствіемъ. Его «Исторія французской революціи» лучше всѣхъ другихъ его сочиненій показываетъ, до какой степени ясно сознавалъ онъ историческое значеніе классовой борьбы. Онъ прекрасно понимаетъ, что борьба политическихъ партій во время революціи выражала собою лишь противорѣчіе классовыхъ интересовъ. «Аристократическіе классы—говоритъ онъ—имѣли интересы, противоположные интересамъ національной партіи. Поэтому дворянство и высшее духовенство, сидѣвшіе на правой сторонѣ, были въ посто-

²⁰⁾ Ibidem, pp. 77-78.

²¹⁾ Ibidem, p. 83.

янной оппозиціи противъ этой партіи, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней всеобщаго увлеченія» ²²). Партія Дюпора, Барнава и Ламэтта представляла собою «родъ оппозиціи внутри средняго класса» ²³). Конституція 1791 года была дѣломъ средняго класса, оказавшагося тогда сильнѣе другихъ; «извѣстно, — прибавляетъ Минье, — что сила, достигшая господства, всегда овладѣваетъ учрежденіями» ²⁴). Антиреволюціонныя возстанія въ Кальвадосѣ, Жеводанѣ и Вандеѣ онъ объясняетъ тѣмъ, что эти мѣстности не сочувствовали революціи, «такъ какъ въ нихъ не было многочисленнаго средняго и образованнаго класса» ²⁵). Жирондисты являются въ его глазахъ партіей перехода отъ средняго класса къ простонародью (la multitude), между тѣмъ какъ въ Дантонѣ, Робеспьерѣ, Камиллѣ Демуланѣ, Ф. д'Эглантинѣ, Маратѣ и т. д. онъ видѣлъ истинныхъ вождей новаго движенія, начавшагося при посредствѣ высшаго общественнаго класса и направлявшагося противъ средняго класса, къ которому принадлежали жирондисты по своему положенію и по своимъ привычкамъ ²⁶). Десятое августа было «возстаніемъ простонародья противъ средняго класса и конституціоннаго трона подобно тому, какъ 14-е іюля было возстаніемъ средняго класса противъ привилегированныхъ классовъ и противъ абсолютной власти короны» ²⁷). Короче сказать, вся исторія французской революціи служить у Минье иллюстраціей того положенія, которое можно съ полнымъ основаніемъ назвать *формулой прогресса*, совершающагося въ цивилизованныхъ обще-

²²) Histoire de la revolution française. Paris 1827, t. I, p. 105.

²³) Ibid., p. 111.

²⁴) Ibid., p. 210.

²⁵) Ibid., p. 227.

²⁶) Ibid., p. 276.

²⁷) Ibid., p. 290.

ствахъ: «перемѣны нарушаютъ интересы; интересы создаютъ партіи; партіи вступаютъ въ борьбу»²⁸⁾. Огюстенъ Тьерри не даромъ говорилъ, что Минье былъ одаренъ большимъ талантомъ обобщенія фактовъ и исторической индукціи.

Въ теченіе всей своей жизни Минье былъ сознательнымъ, откровеннымъ и послѣдовательнымъ представителемъ «средняго класса». Его идеаломъ было социальное и политическое господство этого класса. Онъ былъ рѣшительнымъ врагомъ «просто народа», поскольку оно угрожало этому господству. «*Les desordres de la Commune lui furent odieux*» (безчинства Коммуны были ему омерзительны) — говоритъ его біографъ Эдуардъ Пти²⁹⁾. Но этотъ другъ жестокаго усмирителя Коммуны, Тьера, не испытывалъ передъ революционнымъ способомъ дѣйствій того жалкаго чувства страха, смѣшаннаго со злобой, которое испытываютъ предъ нимъ крупные и мелкіе буржуа нашего времени. «Только силой можно добиться признанія своихъ правъ», — замѣчаетъ онъ въ самомъ началѣ своей «Исторіи революціи», прибавляя нѣсколькими страницами ниже, что до сихъ поръ «нѣтъ другого верховнаго владыки, кромѣ силы»³⁰⁾. Нынѣшніе историки не любятъ такихъ сентенцій. Старый Гизо объяснить намъ эту особенность ихъ вкуса.

Взглядъ Гизо на коренную причину общественнаго развитія ничѣмъ не отличается отъ взгляда Огюстэна Тьерри и Минье. Соціальныя отношенія и въ его глазахъ являются основой политическихъ отношеній. «Большая часть писателей, ученыхъ, историковъ и публици-

²⁸⁾ Ibid., p. 213.

²⁹⁾ François Mignet, par Edouard Petit. Paris 1889, p. 286.

³⁰⁾ Histoire de la révolution française, t. I, pp. 3, 13. Эти выраженія напоминаютъ извѣстное выраженіе Маркса: сила всегда была повивальной бабкой стараго общества, бережениаго новымъ.

стовъ—говорить онъ въ своихъ «Essais sur l'histoire de France»—старались объяснить данное состояніе общества, степень или родъ его цивилизаціи политическими учрежденіями этого общества. Было-бы благоразумнѣе начинать съ изученія самого общества, для того чтобы узнать и понять его политическія учрежденія. Прежде, чѣмъ стать причиной, учрежденія являются слѣдствіемъ; общество создаетъ ихъ прежде, чѣмъ начинаетъ измѣняться подъ ихъ вліяніемъ; и вмѣсто того, чтобы судить о состояніи народа по формамъ его правительства, надо прежде всего изслѣдовать состояніе народа, чтобы судить, каково должно было быть, каково могло быть его правительство... Общество, его составъ, образъ жизни отдѣльныхъ лицъ въ зависимости отъ ихъ социальнаго положенія; отношенія различныхъ классовъ лицъ, словомъ *гражданскій бытъ людей* (l'état des personnes), — таковъ, безъ сомнѣнія, первый вопросъ, который привлекаетъ къ себѣ вниманіе историка, желающаго знать, какъ люди жили, и публициста, желающаго знать, какъ люди управлялись»³¹⁾.

По словамъ Гизо, у всѣхъ народовъ, явившихся на историческую сцену Европы послѣ паденія Западной Римской имперіи, гражданскій бытъ находился въ тѣсной причинной связи съ поземельными отношеніями, а потому изученіе поземельныхъ отношеній должно предшествовать изученію гражданского быта. «Чтобы понять политическія учрежденія, надо изучить различные слои, существующіе въ обществахъ, и ихъ взаимныя отношенія. Чтобы понять эти различные общественные слои, надо знать природу поземельныхъ отношеній»³²⁾. Съ этой точки зрѣнія Гизо и смотритъ на исторію первыхъ

³¹⁾ Essais sur l'histoire de France, dixième édition (первое изданіе вышло въ 1821 году), pp. 73—74.

³²⁾ Ibid., pp. 75—76.

двухъ династій. Она является у него исторіей борьбы между «слоями» тогдашняго населенія этой страны.

Исторія англійской революціи изображается имъ, какъ борьба буржуазіи съ аристократіей. Онъ называетъ остроумнымъ, но поверхностнымъ тотъ взглядъ, согласно которому «англійская революція была болѣе политической, чѣмъ соціальной, между тѣмъ какъ французская стремилась измѣнить всю совокупность общества и правительства»³³). На самомъ дѣлѣ обѣ революціи имѣли одинаковое происхожденіе и одинаковую цѣль. Револуціонное движеніе въ Англии началось подъ вліяніемъ измѣненій въ соціальныхъ отношеніяхъ и въ нравахъ англійскаго народа. Между тѣмъ какъ высшая аристократія утрачивала свое вліяніе на народъ и развращалась, мелкіе дворяне, фригольдеры и буржуа, занятые исключительно своими имущественными дѣлами, все болѣе богатыли и все болѣе подчиняли народъ своему вліянію. Постепенно, безъ шума и почти безъ собственнаго вѣдома, они сосредоточили въ своихъ рукахъ почти всѣ общественныя силы, — «истинные источники власти»³⁴). И по мѣрѣ того, какъ совершалась эта коронная перемѣна въ общественныхъ отношеніяхъ, среднее сословіе («les communes») начало нетерпѣливо относиться къ тиранніи. «Увеличеніе благосостоянія вызвало нужду въ ограниченіи произвола. Королевскія права, въ теченіе долгаго времени не вызывавшія никакихъ протестовъ, стали казаться злоупотребленіемъ»³⁵). Такъ завязалась революціонная борьба, имѣвшая множество разнообразныхъ перипетій, но закончившаяся полнымъ торжествомъ средняго класса.

³³) Histoire de la révolution d'Angleterre, Paris 1841, t. I, préface, p. XXI (предисловіе подписано: апрѣль 1826).

³⁴) Ibid., pp. 9—10.

³⁵) Ibid., pp. 11—12, ср. также Discours sur l'histoire de la révolution d'Angleterre.

Гизо умѣетъ прослѣдить вліяніе «общественнаго состава» не только на политическій строй общества, но также и на совершающіяся въ немъ *умственные течения*. Соображенія объ исторіи французской литературы, высказанныя имъ еще во время первой имперіи, заслуживали бы подробнаго разсмотрѣнія. Но по недостатку мѣста мы напомнимъ здѣсь только его разсужденія о театрѣ. По его мнѣнію, судьбы театра отражаютъ собою развитіе общественныхъ отношеній. Въ древней Греціи, гдѣ общественныя дѣла находились въ завѣдываніи всего народа, театръ служилъ всенароднымъ развлеченіемъ, отражавшимъ привычки и вкусы всѣхъ свободныхъ гражданъ. Напротивъ, въ обществахъ поваго времени, представляющихъ собою сложное сочетаніе различныхъ классовъ, занятыхъ трудомъ и вѣчно борющихся между собой за преобладаніе, театръ становится развлеченіемъ высшихъ классовъ. Отъ этого много страдаютъ его достоинства. Упрочивъ свое положеніе, высшіе классы стремятся обыкновенно отдѣлаться и удалиться отъ остальной части общества. Они утрачиваютъ свойственныя народу простыя и естественныя привычки и проникаются искусственностью. Поэтому область художественнаго творчества суживается и бѣднѣетъ. Для примѣра Гизо указываетъ на судьбы англійскаго театра послѣ реставраціи 1660 г.: въ своемъ презрѣніи къ народу англійская аристократія стала пренебрегать даже Шекспиромъ, объявивъ его неблаговоспитаннымъ. Французская трагедія тоже была созданіемъ высшихъ классовъ, и потому ея время прошло вмѣстѣ съ паденіемъ стараго порядка. Революція расчистила мѣсто для «новой драматической системы»³⁶⁾.

³⁶⁾ См. чрезвычайно интересный Etude sur Shakspeare, въ первомъ томѣ французскаго перевода сочиненій Шекспира. Paris 1821.

Конечно, здѣсь можно не согласиться съ отдѣльными частностями. Но нельзя не признать, что путь изслѣдованія причинной связи явленій намѣченъ здѣсь совершенно вѣрно. И именно по этому пути пошли впоследствии наиболѣе даровитые критики и историки французской литературы, такъ хорошо подготовившіе почву для матеріалистическаго объясненія умственной исторіи цивилизованнаго человѣчества.

Политическая дѣятельность Гизо еще ярче обнаруживаетъ его классовую точку зрѣнія. Онъ самъ говорить въ своихъ «Воспоминаніяхъ», что упроченіе господства среднихъ классовъ (*des classes moyennes*) было неизмѣннымъ его политическимъ стремленіемъ³⁷⁾. И онъ не только горячо и неустрашимо защищалъ интересы этихъ классовъ, но, по его собственнымъ словамъ, онъ хотѣлъ еще болѣе возвеличить ихъ дѣло, «перенеся его въ прошлое и обнаруживъ его интересы и превратности во всемъ теченіи французской исторіи»³⁸⁾. Это намѣреніе было блестяще выполнено имъ въ его политическихъ памфлетахъ. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ памфлетъ, озаглавленный: «*Du Gouvernement de la France et du ministère actuel*» и вышедшій въ сентябрѣ 1820 г. Здѣсь Гизо выступаетъ убѣжденнымъ защитникомъ французской революціи. Революція эта была войной, совершенно подобной международнымъ войнамъ. «Въ теченіе тринадцати столѣтій во Франціи было два народа: народъ - побѣдитель и народъ - побѣжденный. Въ теченіе тринадцати столѣтій побѣжденный народъ боролся для того, чтобы свергнуть иго народа-побѣдителя. Наша исторія есть исторія этой борьбы. Въ наши дни произошла рѣшительная битва. Эта битва называется ре-

³⁷⁾ *Memoires*, Paris 1858, t. I, p. 8.

³⁸⁾ *Ibid.*, pp. 296—297.

волюцій»³⁹⁾. Результатъ ся очевиденъ. Народъ, бывшій когда-то побѣжденнымъ, сталъ побѣдителемъ и, въ свою очередь, завоевалъ Францію. Пресловутая хартія только признала, по словамъ Гизо, этотъ несомнѣнный *фактъ* и объявила его *правомъ*. Представительное правленіе было гарантіей этого новаго права⁴⁰⁾. Споры, происходившіе въ палатѣ депутатовъ, могли казаться странными и непонятными лишь тому, кто смотрѣлъ на нихъ съ точки зрѣнія теоретика, не умѣя приурочить ихъ къ породившимъ ихъ обстоятельствамъ. Въ дѣйствительности споры велись «между равенствомъ и привиллегіей, между среднимъ классомъ и старой аристократіей»⁴¹⁾. Старый порядокъ и новая Франція ведутъ борьбу не на жизнь, а на смерть. Всякая мысль объ ихъ примиреніи — химера⁴²⁾.

Мы уже знаемъ, что Гизо понималъ причинную связь между общественными отношеніями, съ одной стороны, и умственными теченіями, съ другой. Политическая полемика дала ему лишній случай высказать свой взглядъ на этотъ счетъ. Онъ заявляетъ, что «идеи, ученія и самыя конституціи» подчиняются обстоятельствамъ и принимаются народами только тогда, когда они являются орудіемъ и обезпеченіемъ ихъ интересовъ⁴³⁾. Исторія англійской конституціи особенно хорошо показываетъ, по его мнѣнію, «до какой степени обстоятельства господствуютъ надъ мнимыми теоріями представительной системы»⁴⁴⁾. Мы видимъ зданіе англійской конституціи и забываемъ о томъ, какъ оно строилось. «Мы приписываемъ челоуѣ-

³⁹⁾ Du gouvernement de la France, pp. 1--2.

⁴⁰⁾ Ibid., p. 5.

⁴¹⁾ Ibid., p. 22.

⁴²⁾ Ibid., p. 108.

⁴³⁾ Ibid., p. 91.

⁴⁴⁾ Ibid., p. 127.

ческой мудрости прогрессивное развитіе, бывшее плодомъ одной необходимости» ⁴⁵). Теоретики революціи ошибались «или лгали» (курсивъ нашъ), провозглашая самодержавіе народа. На самомъ дѣлѣ рѣчь шла не о самодержавіи всего народа, а о побѣдѣ одной части народа надъ другой его частью. Такъ какъ на сторонѣ третьяго сословія было огромное численное превосходство, то и возникла теорія народнаго самодержавія. Эта теорія была нужна въ то время, потому что силѣ необходима доктрина: «людямъ непременно нужно думать и показать другимъ, что они правы» ⁴⁶).

Сторонники контръ-революціи всегда отлично понимали, что для достиженія своей цѣли они должны захватить власть и воспользоваться ею сообразно своимъ интересамъ. Средній классъ съ своей стороны долженъ помнить, что ему нужно не разрушать власть, а овладѣть ею ⁴⁷).

Представительное правленіе существуетъ затѣмъ, чтобы сосредоточить въ себѣ и выразить общественныя нужды и стремленія, а также затѣмъ, чтобы облекать властью тѣхъ, которые умѣютъ понимать и удовлетворять эти стремленія и нужды ⁴⁸). Само собой разумѣется, что, по мнѣнію Гизо, такимъ умѣньемъ обладаютъ лишь представители «средняго класса», а оттого и власть должна, по его теоріи, принадлежать именно этому классу, а не той *population extérieure* (такъ называетъ Гизо рабочую массу), права которой нужно признавать и защищать, но которая можетъ погубить и себя, и все государство, если только доберется до власти! ⁴⁹).

⁴⁵) Ibid., p. 290.

⁴⁶) Ibid., p. 188.

⁴⁷) Ibid., p. 287.

⁴⁸) Ibid., p. 288.

⁴⁹) Ibid., p. 326, note.

Когда Марксъ и Энгельсъ писали въ предлагаемомъ произведеніи, что современная государственная власть есть не болѣе, какъ комитетъ, выбранный для завѣдыванія общественными дѣлами буржуазіи, они высказывали тотъ же самый взглядъ на созданное буржуазіей представительное правленіе. Только они оцѣнивали его уже не съ точки зрѣнія «*средняго класса*», а съ точки зрѣнія того именно «*внѣшняго населенія*» (*population extérieure*), о господствѣ котораго Гизо не могъ и подумать безъ страха.

Какъ бы тамъ ни было, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію то обстоятельство, что Гизо очень хорошо сознавалъ классовый характеръ представляемыхъ и защищаемыхъ имъ соціально-политическихъ тенденцій. Когда сторонники стараго порядка стали обвинять его въ томъ, что, проповѣдуя борьбу классовъ, онъ разжигаетъ дурныя страсти, онъ отвѣчалъ, что ему хотѣлось только резюмировать исторію Франціи. Она полна борьбой сословій или, вѣрнѣе, *сдѣлана ею*. «Это знали и это говорили за много вѣковъ до революціи. Это знали и говорили въ 1789 г. Это знали и это говорили три мѣсяца тому назадъ⁵⁰). Я думаю, что и теперь все помнятъ объ этомъ, хотя меня и упрекаютъ въ томъ, что я высказалъ это. Факты не уничтожаютъ по желанію и для удобства министерствъ и партій... Что сказали бы все тѣ мужественные буржуа, которыхъ посылали въ Генеральныя Штаты для защиты и завоеванія правъ третьяго сословія, если бы, воскреснувъ теперь, они услышали, что дворянство никогда не воевало съ третьимъ сословіемъ; что оно не чувствовало безпокойства при его возникновеніи, что оно не возмущалось при видѣ его роста, что оно не мѣшало его соціаль-

нымъ и политическимъ уснѣхамъ?... Выродившіеся потомки расы, нѣкогда господствовавшей надъ великой страной и заставлявшей трепетать королей, вы отречаетесь отъ своихъ предковъ и отъ своей исторіи! Вы сознаете свое паденіе и потому протестуете противъ своего былого величія!» Поднимая рѣчь о борьбѣ классовъ, Гизо совѣтъ не имѣлъ въ виду высказать что-либо новое: борьба классовъ не теорія и не гипотеза; это самый простой фактъ. «И я повторяю,—восклицаетъ Гизо,—что не только нѣтъ никакой заслуги за тѣмъ, которые его видятъ, но почти смѣшно отрицать его». Гизо стыдится того, что ему, буржуа, приходится читать дворянству уроки французской исторіи и доказывать ему, что оно стало «слишкомъ смиренно въ своихъ воспоминаніяхъ». А на обвиненіи его въ томъ, что онъ разжигаетъ страсти и сѣетъ раздѣленіе между гражданами, онъ отвѣчаетъ восклицаніемъ: «Какъ! Мы должны забыть нашу исторію только потому, что ея выводы оказались неблагопріятными для васъ?»

Эти выписки ⁵¹⁾ достаточно характеризуютъ тогдашнее боевое настроеніе Гизо. Для болѣе полной характеристики укажемъ, впрочемъ, еще на эпиграфъ цитируемаго здѣсь сочиненія его «Du gouvernement de la France». Онъ взятъ изъ Паскаловыхъ «Pensées» и гласитъ такъ: *«Пріятно находится на корабль во время бури, когда знаешь, что не погибнешь!»*

Во всемъ этомъ классовое самосознаніе буржуазіи выражается такъ ярко, что мы не нуждаемся въ дальнѣйшихъ выпискахъ. Поэтому мы не станемъ говорить здѣсь ни о книгѣ Армана Карреля «Histoire de la contre-revolution en Angleterre» (Paris 1827), ни объ относящихся къ болѣе позднему времени сочине-

⁵¹⁾ Сдѣланныя изъ Avant-propos третьяго изданія брошюры «Du gouvernement de la France».

ніяхъ Алексиса Токвиля. Мы считаемъ твердо установленнымъ тотъ фактъ, что уже во время реставраціи Сентъ-Симонъ и многіе ученые представители французской буржуазіи видѣли въ борьбѣ классовъ главнѣйшую пружину историческаго развитія народовъ новаго времени.

Мы думали, что полезно установить этотъ фактъ, такъ какъ онъ, повидимому, остался неизвѣстнымъ многимъ критикамъ Маркса и Энгельса. Вотъ, напр., Эмиль Вандервельдъ категорически утверждаетъ, что понятіе о классовой борьбѣ есть «пробный камень демократическаго социализма въ отличіе его отъ всѣхъ другихъ настоящихъ и прошедшихъ формъ социализма буржуазнаго и утопическаго», и что это понятіе «впервые было развито со всѣми его послѣдствіями въ предлагаемомъ произведеніи»⁵²). Признаемся, что отъ человѣка, написавшаго, такъ сказать, юбилейную брошюру по поводу этой работы, можно требовать болѣе внимательнаго отношенія къ своему предмету.

Точно такъ-же и г. Вернеръ Зомбартъ, критикуя высказанный тамъ-же взглядъ на великое историческое значеніе борьбы классовъ, ни единымъ словомъ не указываетъ на то, что въ сороковыхъ годахъ взглядъ этотъ далеко не былъ новымъ въ политической литературѣ⁵³).

⁵²) «Золотая свадьба международнаго социализма». — Въ русскомъ переводѣ брошюры снабжена маленькимъ предисловіемъ издателей, въ которомъ «эволюція здоровой социалистической мысли въ Европѣ» противопоставляется «догмамъ германскаго социализма». Почтенные сторонники «здоровой социалистической мысли» не замѣтили ни вышеуказанной, ни другихъ ошибокъ Вандервельда и даже кое-что прибавили къ нимъ изъ собственнаго запаса. Такъ, они называютъ Вандервельда «марксистомъ», и притомъ однимъ изъ наиболѣе ученыхъ и талантливыхъ представителей парламентарнаго социализма». Последнее справедливо! Вандервельдъ, дѣйствительно, одинъ изъ наиболѣе ученыхъ и талантливыхъ представителей социализма (парламентарнаго и всякаго другого) въ Бельгій. Но марксистомъ онъ никогда не былъ, какъ могли-бы убѣдиться въ этомъ его русскіе издатели, ознакомившись съ другими его сочиненіями.

⁵³) См. Sozialismus und soziale Bewegung im 19 Jahrhundert, SS. 1 и 2.

Вернеръ Зомбартъ придасть большое значеніе «исторіи догмъ» (Dogmengeschichte) въ новѣйшемъ социализмѣ. Отъ него тоже можно было-бы требовать лучшаго знакомства съ этой исторіей.

Въ статьѣ «Essai d'interprétation et de critique de quelques concepts du marxisme», напечатанной въ февральской книжкѣ «Devenir social» за 1898 годъ, г. Бенедетто Кроче чрезвычайно старательно «критикуетъ» ученіе Маркса и Энгельса о борьбѣ классовъ. Но и этотъ старательный критикъ, какъ видно, очень далекъ отъ мысли о томъ, что борьбу классовъ проповѣдывали еще теоретики буржуазіи.

Укажемъ еще на Томаса Кэркопа, который, «критикуя» ученіе Маркса съ самыхъ различныхъ сторонъ и довольно подробно останавливаясь на предлагаемомъ произведеніи, не догадывается спросить себя, точно-ли мысль о классовой борьбѣ принадлежитъ исключительно Марксу ⁵⁴).

Съ критиками марксизма до сихъ поръ почти всегда происходили такія оказіи: они не замѣчали дѣйствительныхъ промаховъ Маркса и Энгельса, но зато записывали на ихъ счетъ такія ошибки, которыхъ тѣ никогда не дѣлали.

Но промахъ промаху рознь. Разумѣется, очень хорошо, когда основатели данной теоріи знаютъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и не ошибаются въ своихъ сужденіяхъ о нихъ. Однако, никто не поставилъ Дарвину въ большую вину тѣхъ ошибокъ, которыя онъ сдѣлалъ бы, говоря о мѣстѣ, занимаемомъ его собственнoй теоріей въ исторіи ученій объ эволюціи. Но, если кто-нибудь взялся за *критику* дарвинизма, а особенно, если-бы онъ захотѣлъ написать *исторію трансформизма*,

⁵⁴) См. A History of Socialism by Thomas Kirkop, Loudon 1900, главы 7, 8 и 9.

то онъ *обязанъ* былъ-бы знать предшественниковъ Дарвина, и тогда было-бы въ высшей степени странно, если бы онъ, говоря объ этихъ предшественникахъ, удовольствовался простымъ повтореніемъ того, что сказалъ о нихъ самъ Дарвинъ.

То-же можно замѣтить о критикахъ марксизма и объ историкахъ социализма. Подъ ихъ перомъ совершенно непростительны такіе промахи по части «исторіи догмы», которые были вполне понятны и извинительны подъ перомъ Энгельса или Маркса.

Но оставимъ пока *критиковъ* и вернемся къ *предшественникамъ*.

Во время реставраціи французская буржуазія пережила не одну бурю. Но, ободряемая своими недавними колоссальными побѣдами надъ аристократіей, она вѣрила, что нѣтъ силы, способной положить предѣлъ ея господству, и бодро смотрѣла въ будущее, находя, что очень пріятно быть на кораблѣ во время бури, когда знаешь, что не погибнешь. Она не боялась тогда говорить о классовой борьбѣ и насмѣшливо отказывалась позабыть исторію своей собственной классовой борьбы въ угоду выродившейся аристократіи. Но увы! Все течетъ, все измѣняется. Прошло какихъ-нибудь два-три десятка лѣтъ, и буржуазія была вынуждена взглянуть на классовую борьбу съ другой точки зрѣнія. Рабочій классъ, — внѣшнее населеніе, какъ называлъ его Гизо, — началъ борьбу противъ ея собственнаго классоваго господства. Велѣдствіе этого кореннымъ образомъ измѣнилось настроеніе буржуазіи: изъ *революціоннаго* оно превратилось въ *консервативное*. Сорокъ восьмой годъ былъ страшнымъ урокомъ для буржуазіи. Какъ хорошо она поняла смыслъ этого урока, видно изъ того, что съ этого времени ея теоретики стали проповѣдывать «соціальный миръ». Всегда чрезвычайно внимательно и чутко относившійся къ

положенію и нуждамъ «средняго класса», Гизо уже въ январѣ 1849 г. выпустилъ брошюру: «De la Démocratie», въ которой воспѣвается социальный миръ, ведущій къ «свободѣ, спокойствію, благоденствію, достоинству» и ко веѣмъ другимъ «вещественнымъ и духовнымъ благамъ». Гизо и въ 1849 г. помнилъ, что социальная война «сдѣлала» исторію Франціи; но теперь война эта представляется ему уже не двигателемъ прогресса, а какимъ-то ящикомъ Пандоры, изъ котораго сыплются на его страну ужаснѣйшія бѣдствія. «Борьба различныхъ классовъ нашего общества наполняетъ собою нашу исторію»,—повторяетъ онъ.—«Революція 1789 г. была самымъ общимъ и самымъ могучимъ ея проявленіемъ. Дворянство и третье сословіе, аристократія и демократія, буржуазія и работники, собственники и пролетаріи—все это лишь различныя формы и различныя фазы социальной борьбы, отъ которой мы такъ долго страдаемъ... Это бичъ, это стыдъ, недостойный нашего времени. Внутренній миръ, миръ между различными классами гражданъ, социальный миръ! Это самая важная потребность Франціи, это крикъ спасенія!»⁵⁵).

Преобладаніе среднихъ классовъ составляетъ характеристическую черту французской исторіи послѣ 1789 г. Указавъ на это, Гизо пишетъ цѣлый панегирикъ буржуазіи. Но онъ ясно видитъ, что ея господству грозитъ страшная опасность. «Теперь на арену вышелъ новый борецъ. Демократическій элементъ подраздѣлился. Противъ среднихъ классовъ выдвигаютъ рабочіе классы, противъ буржуазіи—пролетаріатъ. И эта новая война тоже ведется на смерть, потому что новый претендентъ такъ же исключителенъ, какъ и всѣ прочіе»⁵⁶).

⁵⁵) De la Démocratie, Paris 1849, p. 35.

⁵⁶) Ibid., p. 107.

Пролетаріатъ грозитъ уничтожить господство «среднихъ классовъ». «Средніе классы» боятся пролетаріата, и потому ихъ теоретики проповѣдуютъ *миръ*. Но прочный миръ можетъ быть заключенъ только тогда, когда пролетаріатъ перестанетъ оспаривать право буржуазіи на существованіе. Гизо прекрасно понимаетъ это. Онъ доказываетъ теперь, что все классы, существующіе во Франціи, составляютъ «естественные, глубокіе элементы французскаго общества»⁵⁷⁾. И онъ утверждаетъ, что признаніе справедливости этой мысли всеми борющимися между собою сторонами было бы огромнымъ шагомъ впередъ въ направленіи къ социальному миру. Въ самомъ дѣлѣ, признавъ справедливость этой мысли, пролетаріатъ тѣмъ самымъ призналъ бы «естественность» своего подневольнаго положенія. Но это-то и нужно было перепуганному идеологу буржуазіи.

Не одинъ Гизо проповѣдывалъ социальный миръ и не одинъ Гизо измѣнилъ свое отношеніе къ классовой борьбѣ, послѣ того какъ на арену выступилъ «новый борецъ». Мы уже знаемъ, какъ относился Минье къ «безчинствамъ» парижской Коммуны. Что касается Огюстэна Тьерри, то для его настроенія послѣ 1848 г. характерно предисловіе его къ «Essai sur l'histoire du Tiers-Etat», вышедшему въ 1853 г. Исторія третьяго сословія была исторіей социальной войны средняго класса съ аристократіей. Ог. Тьерри былъ, какъ мы знаемъ, однимъ изъ первыхъ, обратившихъ вниманіе читающей публики на классовый характеръ этой войны. Отрицать этотъ характеръ значило бы лишитъ исторію третьяго сословія всего ея значенія. Но съ другой стороны, въ 1853 г. Тьерри уже не могъ говорить о классовой борьбѣ безъ серьезныхъ оговорокъ. И вотъ онъ огова-

⁵⁷⁾ Ibid., p. 105.

ривается. Онъ замѣчаетъ, что классовая борьба, составляющая предметъ его книги, не имѣетъ ничего общаго съ классовой борьбой пролетаріата противъ буржуазіи. Описываемая имъ борьба была благодѣтельна по своимъ послѣдствіямъ и велась въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, а борьба пролетаріата съ буржуазіей началась «только вчера и совершенно нарушаетъ общественную безопасность». Классовой интересъ пролетаріата кажется ему *узкимъ*, классовой интересъ третьяго сословія очень *широкимъ*, потому что третье сословіе охватывало всю націю, за исключеніемъ дворянства и духовенства.

Это разсужденіе чрезвычайно характерно въ психологическомъ отношеніи, хотя, — какъ мы увидимъ ниже, — сторонникамъ революціонной борьбы съ буржуазіей очень легко было опровергнуть Ог. Тьерри его же собственными доводами.

Научное убѣжденіе въ исторической важности классовой борьбы было, однако, такъ сильно у французскихъ историковъ временъ реставраціи, что, когда у нихъ проходилъ страхъ передъ революціоннымъ движеніемъ пролетаріата, они снова начинали говорить своимъ прежнимъ языкомъ. Для примѣра мы опять сошлемся на Гизо.

Въ 1858 г. онъ издалъ свои «Воспоминанія», въ первомъ томѣ которыхъ рѣчь идетъ именно о томъ времени, когда онъ съ пылкимъ энтузіазмомъ молодости проповѣдывалъ классовую борьбу средняго класса съ аристократіей. Упомянувъ о своей брошюрѣ «Du gouvernement de la France», представляющей, какъ мы уже знаемъ, самое горячее воззваніе къ такой борьбѣ, Гизо признается, что, перечитавъ ее черезъ 36 лѣтъ послѣ ея выхода, онъ вынесъ такое впечатлѣніе: «Разсматривая вещи по существу и въ нихъ самихъ, какъ историкъ и какъ философъ, я не вижу въ своей брошюрѣ ничего такого, что я долженъ былъ бы взять назадъ.

Я продолжаю думать, что высказанныя въ ней общія идеи справедливы, великіе соціальныя факты правильно оцѣнены, политическіе дѣятели хорошо поняты и вѣрно изображены... Но... я слишкомъ много требовалъ отъ людей».

Научная добросовѣстность взяла верхъ надъ страхомъ передъ «новымъ борцомъ», и престарѣлый теоретикъ буржуазіи уже не смотритъ на классовую борьбу, какъ на стыдъ и горе Франціи. Онъ утверждаетъ, что въ брошюрѣ «Du gouvernement» соціальныя факты оцѣнены вѣрно, а это значить, что соціальная война—борьба классовъ—*сдѣлала исторію Франціи*. Откровенно высказывая это, Гизо обнаружилъ несомнѣнно больше уваженія къ научной истинѣ, чѣмъ всѣ тѣ нынѣшніе «ученые», которые избѣгаютъ упоминанія о классовой борьбѣ съ такимъ же стараніемъ, съ какимъ христіане должны, по совѣту апостола Павла, избѣгать всякихъ разговоровъ о «мерзостяхъ», запрещенныхъ седьмой заповѣдью.

Итакъ, было время, когда буржуазія прекрасно понимала историческую роль классовой борьбы. Если она теперь не понимаетъ или дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ этой роли, если она проповѣдуетъ «соціальный миръ», то это очень хорошо объясняется дальнѣйшей исторіей буржуазнаго общества, страхомъ передъ «новымъ борцомъ». И если въ настоящее время теоретики буржуазіи охотно распространяются на тему о «соціальному мирѣ» и ставятъ въ тяжелую вину соціалъ-демократамъ ихъ проповѣдь классовой борьбы, то соціалъ-демократы могутъ отвѣтить имъ, какъ отвѣчалъ Гизо теоретикамъ аристократіи: «Выродившіеся потомки класса, нѣкогда безраздѣльно господствовавшего надъ цивилизованнымъ міромъ и заставлявшего трепетать королей, вы отрекаетесь отъ своихъ предковъ и отъ своей исторіи!» И, по-

добно Гизо, мы имѣемъ право насмѣшливо удивляться тому, что наши противники стали слишкомъ смиренны въ своихъ воспоминаніяхъ, и проницески спрашивать ихъ: «Неужели мы должны забыть исторію только потому, что ея выводы оказались неблагоприятными для васъ?».

А какъ понимать тѣхъ социалистовъ, которые, подъ предлогомъ критики марксизма, хотятъ умалить значеніе классовой борьбы и, подобно Его Превосходительству Господину Министру Милльрану, заявляютъ, что не слѣдуетъ возстановлять рабочихъ противъ буржуазіи? Предоставляемъ судить объ этомъ самому читателю.

Въ настоящее время социализмъ не можетъ не стоять на точкѣ зрѣнія классовой борьбы. Но социалисты не всегда стояли на ней. Пока социализмъ находился въ дѣтскомъ періодѣ своего развитія, его приверженцы тоже готовы были оплакивать классовую борьбу, какъ стыдъ и горе человѣчества. Этому какъ-будто противорѣчатъ вышеизложенные взгляды Сень-Симона. Но не нужно забывать, что у Сень-Симона рѣчь вездѣ идетъ о борьбѣ *промышленниковъ* противъ *феодаловъ*, а не о борьбѣ *пролетаріата съ буржуазіей*. Пролетаріатъ не существуетъ для Сень-Симона, какъ классъ, способный играть роль въ исторіи. Въ «Женевскихъ Письмахъ» онъ говоритъ «ненмущимъ», что, захвативъ власть во время революціи, они сумѣли создать только *голодъ*. А въ своей «Промышленной системѣ» онъ, желая побудить буржуазію къ принятію его воззрѣній, пугаетъ ее рабочимъ классомъ, въ средѣ котораго идеи равенства («турецкаго равенства», какъ выражается онъ) могутъ, по его словамъ, получить широкое, но вредное для цивилизаціи значеніе⁵⁸⁾. Буржуа-предприниматели были въ глазахъ Сень-Симона естественными руководи-

58) Du système industriel, Paris 1821, pp. 205—207.

телями рабочихъ. Марксъ и Энгельсъ справедливо говорятъ, что творцы утопическихъ системъ «видѣли уже антагонизмъ классовъ, равно какъ и вліяніе разрушительныхъ элементовъ въ средѣ самого господствующаго общества. Но они не видѣли въ пролетаріатѣ никакой исторической самостоятельности, никакого свойственнаго ему политическаго движенія». Вѣрные этому воззрѣнію, социалисты-утописты обращались не къ пролетаріату, а ко всему современному имъ обществу. Такъ, Ж. Перейръ въ своихъ лекціяхъ о промышленности, читанныхъ въ парижскомъ «Атенеѣ» въ 1831 г., категорически заявлялъ отъ лица сенъ-симонистовъ, что они, какъ «люди прогресса», хотятъ спасти все человѣчество, «а не тотъ или другой народъ, тотъ пли другой классъ»⁵⁹). Подобно этому, и въ глазахъ фурьеристовъ однимъ изъ главныхъ достоинствъ доктрины ихъ учителя являлось то обстоятельство, что она не выражала собою борьбы «противоположныхъ интересовъ въ обществѣ»⁶⁰). Наконецъ, укажемъ еще на Луи Блана, который въ январѣ 1845 года писалъ во введеніи къ своей знаменитой брошюрѣ «Organisation du Travail»: «Въ этой книгѣ я обращаюсь къ вамъ, богатые, потому что въ ней говорится о бѣдныхъ. Ибо ихъ дѣло есть ваше дѣло»⁶¹).

⁵⁹) *Leçons sur l'industrie*, Paris 1832, p. 39.

⁶⁰) V. Considérant, *Destinée sociale*, t. II, 3-е éd., pp. 8 и слѣд.

⁶¹) Судите послѣ этого объ учености и глубокомысліи господина профессора Карѣва, заиѣчающаго въ своей статьѣ о книгѣ «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію»: «Авторъ сдѣлалъ непростительную ошибку, оставивъ безъ разсмотрѣнія историка-социалиста Луи Блана, который выступилъ много раньше Маркса, и въ воззрѣніяхъ котораго мы видимъ, съ одной стороны, дальнѣйшее развитіе взглядовъ О. Тьерри и Гизо на классовую борьбу въ исторіи, а съ другой, и дальнѣйшее развитіе идеи Сенъ-Спюна». (Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. С.-Петербургъ 1896, стр. 211).

О. Тьерри и Гизо въ свое время проповѣдывали классовую борьбу средняго класса съ дворянствомъ. Вся исторія Франціи учла, по ихъ словамъ, тому, что трогче сословіе не дождется никакихъ добровольныхъ усту-

Такіе взгляды соціалистовъ-утопистовъ представляютъ собою и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніи огромный шагъ назадъ въ сравненіи съ вышеизложенными взглядами идеологовъ революціонной буржуазіи и объясняются неразвитостью тогдашняго капитализма. Они не остались, конечно, безъ вреднаго вліянія на развитіе классоваго самосознанія рабочихъ, но они не остановили этого развитія и не могли остановить его. Ростъ капитализма велъ за собою какъ численный ростъ пролетаріата, такъ и умственное его пробужденіе. Уже въ октябрѣ 1836 г. существовавшій въ Лондонѣ «Рабочій Союзъ» принялъ уставъ, который очень недвусмысленно указывалъ на необходимость разрыва рабочаго класса съ партіями господствующихъ классовъ⁶²). Съ другой стороны, во Франціи большинство членовъ тайныхъ революціонныхъ обществъ вербуются въ средѣ рабочаго класса. Какія идеи распространялись между членами этихъ обществъ, показываетъ слѣдующій отрывокъ изъ діалога, происходившаго при принятіи новыхъ членовъ въ коммунистическое общество «Время Года».

«Вопросъ. Изъ кого состоитъ теперь аристократія?

Отвѣтъ. Родовая аристократія была уничтожена въ іюль 1830 г.; теперь аристократами являются богачи, которые составляютъ такую же жадную аристократію, какъ и старая.

В. Можно ли ограничиться низверженіемъ правительства?

покъ отъ аристократіи. Луи Бланъ увѣрялъ, что дѣло бѣдныхъ есть дѣло богатыхъ, и обращался со своимъ проектомъ организаціи труда не къ пролетаріату, а къ буржуазіи. Г. Каръевъ называетъ это дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ Ог. Тьерри и Гизо на классовую борьбу въ исторіи. Это свидѣтельствуетъ лишь о неразвитости его собственныхъ взглядовъ на классовую борьбу и исторію социализма.

⁶²) Die Entstehung und die ökonomische Grundsätze des Chartismus. Von Dr. John L. Tildsley, Jena 1898, стр. 2—4.

О. Надо уничтожить всѣхъ аристократовъ и всѣ привилегіи, иначе ничего не выйдетъ.

В. Принадлежать ли къ народу тѣ, которые, подобно аристократамъ, имѣютъ права, не исполняя никакихъ обязанностей?

О. По настоящему, они не должны принадлежать къ нему. Они представляютъ собою для общественнаго тѣла то же, что парывъ для тѣла отдѣльнаго человѣка. Устраненіе нарыва есть первое условіе выздоровленія. Уничтоженіе аристократіи есть первое условіе возвращенія общественнаго тѣла къ справедливому состоянію», и т. д. ⁶³).

Съ нашей нынѣшней точки зрѣнія, практическія программы тогдашнихъ коммунистовъ - заговорщиковъ являются еще менѣе удовлетворительными, чѣмъ ихъ теоретическія воззрѣнія. И однако ихъ твердая увѣренность въ томъ, что освобожденіе рабочаго класса («народа») немислимо безъ борьбы съ высшими классами («аристократіей») очень выгодно отличаетъ ихъ отъ социалистовъ-утопистовъ. Конечно, борьба кучки людей, составившихъ заговоръ во имя народныхъ интересовъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа *классовой* борьбой. Но когда главный контингентъ заговорщиковъ поставляется рабочими, заговоръ представляетъ собою *зародышъ* революціонной борьбы рабочаго класса. А взглядъ общества «Время Года» на «аристократію» указываетъ на тѣсную генетическую связь идей тогдашнихъ французскихъ революціонеровъ-коммунистовъ съ идеями буржуазныхъ революціонеровъ восемнадцатаго вѣка и либеральной оппозиціи реставраціонной эпохи. Мы видѣли, что *классовой* интересъ пролетаріата казался Ог. Тьерри узкимъ, а интересъ третьяго сословія широкимъ, такъ какъ сословіе это охватывало всю націю, за исклю-

⁶³) De la Hodde, Histoire des sociétés secrètes et du parti républicain. Paris 1850, p. 224.

ченіємъ аристократіи. Французскіе революціонеры-коммунисты исходили, подобно Ог. Тьерри, изъ сознанія необходимости бороться противъ *аристократіи* въ интересахъ *всей остальной части общества*. Но они справедливо указывали на то, что родовая аристократія уступила мѣсто денежной, и что, поэтому, борьба за широкіе общественные интересы должна вестись уже не противъ дворянства, а противъ буржуазіи. Логика была, очевидно, на ихъ сторонѣ, и они имѣли полное право упрекать своихъ буржуазныхъ противниковъ.

По мѣрѣ того, какъ росло и обнаруживалось противорѣчіе интересовъ эксплуатируемыхъ съ интересами эксплуататоровъ, росло и крѣпло сознаніе необходимости борьбы между пролетаріатомъ и буржуазіей. Но въ самомъ сознаніи этомъ было еще очень много утопическихъ элементовъ. Въ коммунистической и социалистической литературѣ сороковыхъ годовъ понятіе о борьбѣ классовъ долеко еще не достигало той степени ясности, какаю была ему свойственна, напр., у Гизо. Въ этомъ отношеніи буржуазная идеологія превзойдена была только Марксомъ и Энгельсомъ.

Взглядъ Маркса и Энгельса на борьбу классовъ, на значеніе политики въ этой борьбѣ и на зависимость государственной власти отъ господствующихъ классовъ тождественъ со взглядами на тѣ же предметы Гизо и его единомышленниковъ. Вся разница въ томъ, что одни отстаиваютъ интересы пролетаріата, между тѣмъ какъ другіе защищали интересы буржуазіи. Мѣстами Марксъ и Энгельсъ въ предлагаемомъ произведеніи говорятъ языкомъ памфлетовъ Гизо, или, если хотите, нѣкоторые памфлеты Гизо отчасти говорятъ языкомъ Маркса и Энгельса⁶⁴). Но у послѣднихъ понятіе о борьбѣ классовъ

⁶⁴) Для примѣра напомнимъ приведенныя выше стрѣки изъ брошюры Гизо о демократіи, написанной въ 1849 году: «Борьба различныхъ классовъ наполняетъ собою всю нашу исторію... Дворянство и третье сословіе,

является составною частью стройной исторической теории, между тѣмъ какъ въ исторической теории Гизо, Тьерри, Минье и другихъ современныхъ имъ идеологовъ буржуазіи еще не сведены концы съ концами. И это составляетъ, разумѣется, огромное преимущество «соціальной философіи» Маркса и Энгельса.

Ниже мы внимательно рассмотримъ это преимущество. Но прежде надо подвергнуть критикѣ нѣкоторыя «критическія» замѣчанія нѣкоторыхъ критиковъ марксизма.

Г. Вернеръ Зомбартъ говоритъ:

«Начиная свое знаменитое произведеніе словами: «*Вся исторія общества была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ*», Карлъ Маркъ высказалъ одну изъ величайшихъ истинъ, наполняющихъ наше столѣтіе. Но онъ высказалъ не всю истину. Ибо не вѣрно то, что вся исторія общества сводится единственно къ борьбѣ классовъ. Если мы вообще хотимъ объять всемірную исторію одной формулой, то мы должны будемъ, я думаю, сказать, что вся исторія общества вращается вокругъ двухъ *противоположностей*, которыя я назову *соціальной* и *національной* противоположностью, понимая слово «*національность*» въ самомъ широкомъ смыслѣ. Человѣчество въ своемъ развитіи сначала собирается въ общества, которыя первоначально ведутъ взаимную борьбу, но потомъ внутри ихъ начинается борьба ихъ членовъ за болѣе высокое положеніе... Такимъ образомъ, мы видимъ, съ одной стороны, стремленіе къ богатству, силѣ и значенію цѣлыхъ обществъ, а съ другой стороны—стремленіе къ тѣмъ же цѣлямъ отдѣльныхъ членовъ. Таковы, кажется мнѣ, двѣ противоположности, наполняющія собою всю исторію» ⁶⁵).

аристократія и демократія, буржуазія и работники,—все это лишь различныя формы и различныя фазы соціальной борьбы... Это почти дословно то, что говорится въ началѣ нижеслѣдующей первой главы.

65) Sozialismus und soziale Bewegung im 19. Jahrhundert, SS. 1 2.

Марксъ нашелъ часть истины. Критически мыслящій г. Зомбартъ съ своей стороны дополнилъ сказанное Марксомъ, и теперь мы, къ нашему счастью и удовольствію, обладаемъ полной истиной, свободной отъ крайностей и преувеличеній. Это очень приятно. Но, во-первыхъ, взаимная борьба отдѣльныхъ членовъ общества за болѣе высокое положеніе не есть еще борьба классовъ, какъ это показываютъ своимъ примѣромъ современные намъ предприниматели, которые ожесточенно борются между собою за покупателей, но чужды всякой мысли о *классовой* борьбѣ съ себѣ подобными. А, во-вторыхъ, что такое «національная борьба» г. Зомбарта? Это есть не что иное, какъ борьба отдѣльныхъ государствъ между собою. Спрашивается, неужели же Марксъ и Энгельсъ упустили изъ виду историческое значеніе этой борьбы? Это было бы странно. Тѣмъ болѣе странно, что тѣ же авторы, и въ томъ же произведеніи, говорятъ, что буржуазія всякаго даннаго государства ведетъ непрерывную борьбу съ буржуазіей другихъ государствъ. Въ чемъ же дѣло? Просто на просто въ томъ, что г. Вернеръ Зомбартъ плохо понялъ мысль Маркса и Энгельса.

Въ какомъ смыслѣ употребляетъ Марксъ слово «общество»? Въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ употреблялъ его Гизо, разсуждая о зависимости *политическаго* строя отъ *общественнаго* ⁶⁶⁾. И у того, и у другого слово «общество» есть сокращенное обозначеніе того, что они же называли гражданскимъ обществомъ *въ отличіе отъ государства*. Когда Марксъ и Энгельсъ говорятъ, что буржуазія каждой данной страны ведетъ непрерывную борьбу съ буржуазіей другихъ странъ, то они имѣютъ въ виду борьбу *между государствами, международную*, или—по терми-

⁶⁶⁾ См. выше стр. 26—27.

нологія г. Вернера Зомбарта — *національну* боротьбу. А когда они говорятъ, что вся исторія *общества*, до сихъ поръ была исторіей борьбы классовъ, они подразумѣваютъ исторію *гражданскаго общества* или, иначе, *внутреннюю исторію государствъ* ⁶⁷⁾. Эта исторія была, по ихъ мнѣнію, исторіей борьбы классовъ, и относительно *этой* исторіи съ ними по существу соглашается ихъ «критикъ». Выходитъ, значить, что сдѣланная г. В. Зомбартомъ поправка есть не болѣе, какъ плодъ недоразумѣнія.

Маркса и Энгельса чаще всего «критикуютъ» такимъ образомъ: сначала ихъ немножко не поймутъ или исказятъ, а потомъ немножко поправятъ. И такъ поступаютъ милостивые критики, а немилостивые совсѣмъ уже не стѣсняются съ ними: они безцеремонно приписываютъ имъ ахиною, глубокомысленно заявляя, что пора уже покончить съ марксовой «догмой».

Бенедетто Кроче находитъ неяснымъ самое понятіе о борьбѣ классовъ. «Я готовъ сказать, — говорить онъ, — что исторія есть борьба классовъ: 1) когда существуютъ классы; 2) когда они имѣютъ противоположные интересы; 3) когда они сознаютъ ихъ противоположность. Но это привело бы насъ къ тому юмористическому положенію, что исторія есть борьба классовъ только тогда, когда она есть... борьба классовъ! Въ дѣйствительности, случалось, что классы не имѣли противоположныхъ интересовъ, и очень часто они не сознаютъ ихъ противоположности, что очень хорошо извѣстно социалистамъ, которые стараются, иногда безуспѣшно (такъ напр., это до сихъ поръ не удава-

⁶⁷⁾ Ср. предисловіе къ «Zur Kritik», гдѣ хорошо видно, какое значеніе придаетъ Марксъ слову «общество». Ср. также «Die heilige Familie», S. 189.

лось имъ въ крестьянской средѣ), породить ея сознание въ новѣйшемъ пролетаріатѣ»⁶⁸).

Эти замѣчанія могутъ показаться на первый взглядъ довольно мѣткими и потому заслуживаютъ вниманія.

Борьба классовъ имѣетъ мѣсто только тамъ и только тогда, гдѣ и когда существуютъ классы. Это, конечно, совершенно вѣрно: странно было бы говорить о классовой борьбѣ въ такомъ обществѣ, въ которомъ отсутствуютъ классы. Но въ какомъ же обществѣ они отсутствуютъ? Только въ самомъ первобытномъ. Въ такомъ обществѣ есть своего рода равновѣсіе интересовъ. Но оно неустойчиво: уже на очень ранней ступени развитія, еще задолго до полного разложенія родовой организаціи, въ средѣ «дикарей» появляется имущественное неравенство, а влѣдъ за нимъ не только антагонизмъ интересовъ, но и *сознаніе этого антагонизма*. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній эскимосской поэзіи является сказка, герой которой, — сынъ *бѣдной* вдовы, — мститъ своимъ *богатымъ* сородичамъ за испытанныя имъ отъ нихъ униженія. А между тѣмъ у эскимосовъ до сихъ поръ еще чрезвычайно сильно чувство солидарности, воспитанное первобытнымъ коммунизмомъ.

Кромѣ того, нужно помнить, что въ первобытномъ обществѣ очень рано возникаетъ раздѣленіе труда между мужчинами и женщинами, чѣмъ порождается *антагонизмъ половъ*, сказывающійся и въ пищѣ, и въ нравахъ, и въ развлеченіяхъ, и въ искусствѣ, и даже въ языкѣ. Тому, кто упуститъ изъ виду матеріальныя и духовныя послѣдствія этого антагонизма половъ, останутся совершенно непонятными многія важныя стороны

⁶⁸) Critique de quelques concepts du marxisme, въ Devenir social. Fevrier 1898, pp. 121—122.

первобытной жизни. А если мы перейдемъ къ болѣе развитымъ обществамъ, то безъ труда замѣтимъ въ нихъ какъ существованіе въ нихъ различныхъ классовъ, такъ и ихъ непрерывную борьбу, отражающуюся и въ государственномъ устройствѣ, и въ правѣ, и въ религіи, и въ поэзи, и во всемъ вообще художественномъ творчествѣ.

Вѣрно и то, что интересы различныхъ общественныхъ классовъ не всегда *противоположны*. Но для возникновенія классоваго антагонизма достаточно простаго *различія* интересовъ. Тамъ, гдѣ между бѣдными и богатыми еще не установилось отношенія наемниковъ къ нанимателямъ, нерѣдко замѣчается именно только это различіе, которое, однако, порождаетъ жестокую борьбу классовъ. А иногда для возникновенія классовой борьбы не нужно и имущественнаго неравенства, и достаточно различія мѣстныхъ интересовъ, какъ это хорошо видно изъ первоначальной исторіи Аѳинъ съ ея борьбой между діакріями, паралиями и педіеями⁶⁹).

Говоря, что антагонизмъ интересовъ не всегда сознается общественными классами, г. Кроче высказываетъ мысль, вѣрную только отчасти. Возьмемъ хоть русскую исторію. Много-ли въ ней можно насчитать открытыхъ, большихъ крестьянскихъ возстаній? Очень немного: возстанія Разина и Пугачева въ Великороссіи и казацкія войны въ Малороссіи наполняютъ собою лишь нѣкоторые, сравнительно весьма непродолжительные періоды, отдѣленные одинъ отъ другого болѣе или менѣе длинными промежутками. Но чѣмъ характеризуются эти проме-

⁶⁹) См. Griechische Geschichte von E. Curtius, I. B., Berlin 1857. SS. 254—255; ср. Hegel's Philosophie der Geschichte (herausgegeben von E. Gans), S. 261: «Der Unterschied der Stände beruht auf der Verschiedenheit der Localität».

жутки? «Соціальнымъ миромъ»? Нѣтъ, о соціальномъ мирѣ, или хотя-бы о перемиріи, и тогда ничего не слышно было. «Соціальная война» не прекращается и въ эти промежутки, она только измѣняетъ свой характеръ, *изъ явной дѣлаясь скрытой*. Общество по прежнему остается раздѣленнымъ на два враждебныхъ лагеря: здѣсь—«паны», «господа»; тамъ—«хлопы», «мужики». Каждый изъ этихъ двухъ лагерей видитъ стѣну враждебныхъ чувствъ, взглядовъ и дѣйствій, отдѣляющую его отъ другого лагеря: «господа» бранятъ «мужиковъ» и стараются «подтянуть» ихъ, какъ можно больше; «мужики» смѣются надъ «господами» и сопротивляются «подтягиванію» всѣми зависящими отъ нихъ способами. И каждый годъ, даже каждый мѣсяцъ скрытая война то тамъ, то здѣсь переходитъ въ явную, ограниченную, правда, малымъ райономъ: мужики «бунтуютъ», господа «усмиряютъ» съ помощью находящейся въ ихъ распоряженіи военной силы. Наши народники были правы, утверждая, что борьба крестьянъ за землю и волю проходитъ красной нитью черезъ всю русскую исторію. Но что-же такое эта борьба за землю и волю, если не классовая борьба съ помѣщиками и государствомъ, въ которомъ распоряжались тѣ-же помѣщики? «Мужикъ» прекрасно сознавалъ противоположность своихъ интересовъ съ интересами помѣщиковъ. И если, тѣмъ не менѣе, борьба, веденная имъ, не можетъ быть названа *сознательной классовой борьбой*, такъ это потому, что для сознательной классовой борьбы недостаточно видѣть антагонизмъ интересовъ, а нужно еще понимать, какими средствами могутъ быть побѣждены люди, защищающіе противоположные интересы. Русское крестьянство, какъ извѣстно, не отличалось этимъ пониманіемъ. Поэтому и веденная имъ борьба была въ значительной степени «стихійной» борьбою. Но она не переставала быть классовой борьбой.

Г. Кроче смѣшиваетъ сознательную борьбу съ сознаниемъ антагонизма и потому думаетъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ *сознательной* классовой борьбы, классовая борьба совершенно не имѣетъ мѣста. Онъ не понимаетъ, что болѣе или менѣе ожесточенная, явная или скрытая, сознательная или бессознательная классовая борьба есть повсемѣстное слѣдствіе раздѣленія общества на классы.

Вѣрно, наконецъ, и то, что современные коллективисты всѣми силами стараются развивать самосознаніе рабочихъ. Но мы не понимаемъ, какимъ образомъ г. Кроче можетъ сослаться на этотъ безспорный фактъ, какъ на доводъ противъ ученія о борьбѣ классовъ. О современныхъ коллективистахъ можно сказать словами предлагаемаго произведенія: они отличаются отъ рабочихъ партій только тѣмъ, что на различныхъ стадіяхъ, черезъ которыя приходитъ борьба пролетаріевъ противъ буржуа, они всегда защищаютъ общіе интересы движенія въ его цѣломъ. Но изъ этого вытекаетъ только тотъ выводъ, что не всѣ рабочіе отличаются одинаковой степенью классового самосознанія и не всѣ одинаково хорошо понимаютъ общіе интересы рабочаго движенія.

Раздѣленіе общества на классы вызывается экономическимъ его развитіемъ. Но ходъ *идей* опережается ходомъ *вещей*. Поэтому *сознаніе людьми* отношеній, существующихъ между ними въ общественномъ процессѣ производства, отстаетъ отъ *развитія* этихъ отношеній. Кроме того, даже въ предѣлахъ одного и того же класса сознаніе развивается не одинаково быстро: одни изъ его членовъ раньше, другіе позже схватываютъ сущность даннаго порядка вещей. Этимъ создается возможность идейнаго воздѣйствія передовыхъ на отсталыхъ, коллективистовъ на такихъ пролетаріевъ, которые еще не дошли до коллективистическаго міросозерцанія ⁷⁰⁾. Г. Кроче

⁷⁰⁾ Что это воздѣйствіе совершается въ общемъ совѣмъ не «безуспѣшно», доказывается повсемѣстнымъ ростомъ социалистической партіи.

хочетъ, повидимому, сказать, что классоваго сознанія совѣмъ нѣтъ тамъ, гдѣ еще нужно развивать его. Но, во-первыхъ, недостаточное развитіе самосознанія еще не означаетъ его отсутствія. А, во вторыхъ, если бы и можно было встрѣтить теперь такихъ рабочихъ, которые бы вѣрили въ гармонию ихъ интересовъ съ интересами предпринимателей, то о такихъ отсталыхъ и совершенно лишенныхъ классоваго самосознанія рабочихъ нужно было бы сказать, что они еще не раздѣлялись съ міросозерцаніемъ, свойственнымъ періоду классовой борьбы другого рода: борьбы третьяго сословія съ аристократіей. Тогда третье сословіе еще не сознавало экономического антагонизма, таившагося въ его собственныхъ нѣдрахъ. Нельзя удивляться, если взгляды, выработавшіяся въ эпоху классовой борьбы одного рода, отчасти сохранились, какъ пережитокъ, до нашей эпохи, ознаменовавшейся классовой борьбой другого рода: въдѣ развитіе сознанія отстаесть отъ развитія экономики.

Выходитъ, что въ современномъ обществѣ, куда ни оглянешься, вездѣ увидишь вліяніе борьбы классовъ. Выходитъ также, что «юмористическія» положенія высказываетъ не кто иной, какъ самъ г. Кроче.

Г. Кроче—умный и способный человѣкъ. Но въ его мышленіи недостаетъ діалектическаго элемента, и этимъ недостаткомъ обуславливаются почти всѣ его «критическія» потуги и неудачи ⁷¹⁾.

Пойдемъ дальше. Выше мы сказали, что Марксъ и Энгельсъ обладали стройной исторической теоріей, между тѣмъ какъ въ историческихъ взглядахъ идеологовъ буржуазіи не были сведены концы съ концами. Теперь намъ надо пояснить и доказать это.

⁷¹⁾ Замѣтимъ мимоходомъ, что отождествленіе «крестьянъ» съ «новѣйшими пролетаріями» въ высшей степени странно со стороны человѣка, все таки недурно знакомаго съ литературой предмета.

Ог. Тьерри, Минье, Гизо и другіе историки, стоявшіе на точкѣ зрѣнія интересовъ «средняго класса», видѣли въ имущественныхъ отношеніяхъ самую главную, самую глубокую основу политическаго строя данной страны и даже взглядовъ, господствовавшихъ въ ней ⁷²). Въ этомъ отношеніи ихъ взгляды мало чѣмъ отличаются отъ взглядовъ, Маркса и Энгельса, и когда Марксъ впоследствии писалъ, что правовыя отношенія и государственныя формы не объясняются ни собственной своей природой, ни такъ называемымъ общимъ развитіемъ чловѣческаго духа, а коренятся въ матеріальныхъ жизненныхъ отношеніяхъ, совокупность которыхъ Гегель назы-

⁷²) Если это предисловіе попадетъ въ руки ученаго профессора Карьева, то онъ воскликнетъ по нашему адресу, какъ воскликнулъ уже по адресу другого писателя: «Это говорится о Гизо, признававшемъ такую важную роль за индивидуальнымъ развитіемъ! Это говорится объ Ог. Тьерри съ его теоріей расъ, играющей такую роль въ объясненіи событій (Старые и новые этюды, стр. 209). Но ученый профессоръ воскликнетъ такъ только по незнанію дѣла. Гизо, дѣйствительно, приписывалъ большое значеніе индивидуальному развитію, но это развитіе фигурируетъ у него, какъ желательное послѣдствіе общественнаго развитія, а не какъ одна изъ его основныхъ причинъ. Что касается Тьерри, то въ его исторической теоріи отводится большое мѣсто не «расамъ», а завоеванію одной расы другою. Съ какой же цѣлью совершаются завоеванія? На этотъ вопросъ Тьерри, не колеблясь, отвѣтилъ бы: ради положительныхъ (имущественныхъ) интересовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, отвѣчаетъ его знаменитая книга «Histoire de la conquête d'Angleterre par les Normands». Вспомните слѣдующее мѣсто. Передъ гастингской битвой одинъ изъ англовъ говоритъ: «Мы должны защищаться потому, что дѣло идетъ не о новомъ королѣ, а совсѣмъ о другомъ предметѣ... Норманнъ раздалъ земли своимъ военачальникамъ, своимъ всадникамъ, всѣмъ своимъ людямъ... И если онъ сдѣлается нашимъ королемъ, онъ вынужденъ будетъ передать въ распоряженіе своихъ людей наше имущество, нашихъ женъ и дочерей». Съ своей стороны Вильгельмъ Завоеватель, говоритъ своимъ воинамъ: «Сражайтесь хорошенко и убивайте всѣхъ, ибо если мы побѣдимъ, мы всѣ будемъ богаты. То, что я приобретаю, приобретете и вы; то, что я завоюю, завоюете и вы; если у меня будетъ земля, будетъ она и у васъ» (См. стр. 300 перваго тома парижскаго изданія 1825 г.). Возраженія г. Карьева противъ «экономическаго матеріализма» такъ полны недоразумѣній и такъ безсодержательны, что заставляютъ вспоминать слова Прудона: «Il faut qu'un professeur parle, parle, parle, non pas pour dire quelque chose, mais pour ne pas rester muet».

валъ гражданскимъ обществомъ ⁷³⁾),—онъ только повторялъ выводы, къ которымъ значительно раньше его пришла, подъ влияніемъ общественнаго развитія и связанной съ нимъ борьбы классовъ, историческая наука. Вся разница сводилась къ тому, что у предшественниковъ Маркса происхожденіе имущественныхъ отношеній и интересовъ оставалось совсѣмъ невыясненнымъ, между тѣмъ какъ у Маркса оно выходило совершенно понятнымъ.

У Гизо, у Минье, у Тьерри и у всѣхъ историковъ и публицистовъ, стоявшихъ на ихъ точкѣ зрѣнія, имущественныя отношенія общества нерѣдко объяснялись *завоеваніемъ*. Но они сами указывали на то, что завоеваніе совершается ради извѣстныхъ *«положительныхъ интересовъ»*. Откуда же берутся эти интересы? Ясно, что ихъ существованіе обусловливается имущественными отношеніями, какъ въ странѣ завоевателей, такъ и въ той странѣ, которая попадаетъ подъ ихъ иго ⁷⁴⁾. Получается заколдованный кругъ: имущественныя отношенія и интересы объясняются завоеваніемъ, а завоеваніе объясняется имущественными отношеніями и интересами. Пока историческая теорія не вышла изъ этого заколдованнаго круга, она по необходимости впадала въ эклектизмъ и въ противорѣчія. Такихъ противорѣчій немало у всѣхъ, вообще, историковъ разсматриваемаго направленія.

Иногда историки апеллировали къ человѣческой природѣ. Но одно изъ двухъ. человѣческая природа или остается неизмѣнной въ продолженіе историческаго процесса, или она измѣняется. Если она остается неизмѣнной, то очевидно, что не ею могутъ быть объясняемы перемѣны, совершающіяся въ исторіи. А если она сама

⁷³⁾ Zur Kritik der politischen Oekonomie, Vorwort.

⁷⁴⁾ См. примѣчаніе 72.

измѣняется, то ссылки на нее ничего не объясняютъ, такъ какъ намъ надо прежде всего объяснить причины ея собственныхъ измѣненій: новый заколдованный кругъ, новый источникъ противорѣчій и эклектизма въ исторической наукѣ.

Яркимъ примѣромъ такого эклектизма и такихъ противорѣчій можетъ служить знаменитая книга Токвиля «О демократіи въ Америкѣ», которую Ройе-Колляръ называлъ продолженіемъ книги Монтескье «О духѣ законовъ». Токвиль говоритъ, что разъ данъ извѣстный социальный строй, его можно разсматривать какъ первую причину большей части законовъ, обычаевъ и идей, «опредѣляющихъ собою поведеніе націй». Чтобы понять законодательство и нравы даннаго народа, надо начать съ изученія социальнаго строя⁷⁵). Но откуда же берется социальный строй? Въ отвѣтъ на это Токвиль ссылается на человѣческую природу. Мы уже знаемъ, что такія ссылки ничего не объясняютъ. Зналъ, или, по крайней мѣрѣ, подозрѣвалъ это и самъ Токвиль, который еще въ своихъ письмахъ изъ Америки говорилъ: «Здѣсь процвѣтаютъ такія учрежденія, которыя непременно вызвали бы переворотъ во Франціи. Люди здѣсь такіе же, какъ и у насъ, но только они поставлены въ другія условія»⁷⁶).

Изъ этихъ словъ вытекаетъ тотъ неизбѣжный и несомнѣнный выводъ, что человѣческая природа совсѣмъ не даетъ намъ ключа для пониманія американскихъ учрежденій.

Въ другихъ мѣстахъ Токвиль старается объяснить происхожденіе социальнаго строя дѣйствіемъ *законовъ*. Но такъ какъ, по его словамъ, законодательство страны

⁷⁵) См. De la Démocratie en Amérique, Paris 1836, t. I, p. 74.

⁷⁶) Nouvelle correspondance de Alexis Tocqueville, Paris 1866; письмо къ отцу отъ 3-го іюня 1830 г.

объясняется ея соціальнымъ строемъ, то мы опять наталкиваемся на противорѣчіе. Самъ Токвиль болѣе или менѣе смутно сознавалъ это противорѣчіе и старался справиться съ нимъ. Но всѣ его усилія остались напрасными: его анализъ оказался въ этомъ случаѣ совершенно безсильнымъ.

Историческая теорія Маркса разрѣшаетъ это противорѣчіе и тѣмъ самымъ вноситъ ясность и послѣдовательность туда, гдѣ до тѣхъ поръ было много важныхъ частныхъ, глубокихъ мыслей и вѣрныхъ замѣчаній, но не было основного принципа, способнаго связать всѣ эти важныя частности, глубокія мысли и вѣрныя замѣчанія въ одно стройное цѣлое.

По теоріи Маркса, соціальный строй — общественныя отношенія людей — объясняется ихъ *экономическими отношеніями*: «анатомію гражданскаго общества надо искать въ его экономіи». Чѣмъ же создаются отношенія этого рода? Если бы Марксъ сталъ объяснять ихъ происхожденіе взглядами, чувствами или вообще «природой» людей, то онъ попалъ бы въ тѣ же самыя противорѣчія, въ какихъ вращались его предшественники. Но Марксъ объясняетъ его совершенно иначе.

Чтобы *жить*, люди должны *производить*. Чтобы производить, они должны извѣстнымъ образомъ сочетать свои усилія, установить другъ съ другомъ извѣстныя отношенія, которыя у Маркса называются *производственными отношеніями*. Союзность этихъ отношеній и составляетъ *экономическую структуру* общества, на основѣ которой вырастаютъ всѣ другія (соціальныя) отношенія людей и, между прочимъ, весь «*гражданскій бытъ*», игравшій такую важную роль въ теоріяхъ французскихъ историковъ временъ реставраціи.

Въ каждую данную эпоху характеръ производственныхъ отношеній опредѣляется не «случаемъ» и не «при-

родой» людей, а тѣми естественными условіями, среди которыхъ людямъ приходится бороться за свое существованіе. Отъ этихъ условій, — и прежде всего отъ свойствъ географической среды, — зависитъ состояніе *производительныхъ силъ*, находящихся въ распоряженіи людей. Данному состоянію производительныхъ силъ соотвѣтствуютъ данныя отношенія производства, а даннымъ отношеніямъ производства соотвѣтствуетъ данный социальный строй, свойства котораго, влияя на психику людей, обусловливаютъ собою умственное, нравственное и все, вообще, такъ называемое *духовное* развитіе людей.

Но самый процессъ производства и сочетаніе человѣческихъ усилій въ этомъ процессѣ, увеличивая запасъ опыта, ведутъ къ дальнѣйшему развитію производительныхъ силъ, влѣдствіе котораго возникаетъ и постепенно усиливается *несоотвѣтствіе* между этими силами съ одной стороны и производственными отношеніями съ другой. Прежде эти отношенія содѣйствовали дальнѣйшему росту производительныхъ силъ, теперь они начинаютъ задерживать его. Тогда начинается *революціонная эпоха* общественнаго развитія, которая рано или поздно заканчивается разрушеніемъ устарѣлыхъ производственныхъ, — а слѣдовательно, и имущественныхъ — отношеній и всего «гражданскаго быта».

Борьба противъ устарѣлыхъ производственныхъ отношеній заставляетъ людей стать въ критическое отношеніе не только къ старому общественному порядку, но также къ тѣмъ идеямъ, къ тѣмъ чувствамъ и вообще къ той «психикѣ», которая выросла на почвѣ стараго порядка. Революціонному движенію въ области общественныхъ отношеній соотвѣтствуетъ, поэтому, революціонное движеніе въ области духовной жизни. «Трудно ли понять, — говорятъ Марксъ и Энгельсъ во второй главѣ настоящаго труда, — что съ образомъ жизни людей, съ

ихъ общественными отношеніями, съ ихъ общественнымъ положеніемъ мѣняются также ихъ представленія, воззрѣнія, понятія, словомъ— все ихъ міросозерцаніе? Что же доказываетъ исторія идей, если не то, что уметвенная дѣятельность преобразуется вмѣстѣ съ матеріальной?»

Такова историческая теорія Маркса и Энгельса. Эта теорія пропитываетъ собою все предлагаемое произведеніе и составляетъ то, что можно, не рискуя ошибиться, назвать его основною мыслью.

Съ точки зрѣнія этой основной мысли Марксъ и Энгельсъ оцѣниваютъ и свою собственную эпоху. Если они считаютъ ее революціонной, то именно и единственно потому, что они замѣчаютъ несоотвѣтствіе между созданными капитализмомъ производительными силами и собственными капитализму отношеніями производства. «Современное буржуазное общество, съ его организацией производства и обмѣна, — говорятъ они, — какъ бы волшебствомъ создавшее такіа могущественныя средства производства и сообщенія, находится въ положеніи волшебника, который не въ состояніи справиться съ вызванными его заклинаніями подземными силами. Вотъ уже нѣсколько десятилѣтій, исторія промышленности и торговли представляетъ собою исторію возмущенія современныхъ производительныхъ силъ противъ современной организациі производства, противъ имущественныхъ отношеній, этихъ условій жизни для буржуазіи и ея господства. Чтобы пояснить это, достаточно назвать торговые кризисы, которые, возвращаясь періодически, все болѣе и болѣе угрожаютъ существованію всего буржуазнаго общества».

Такъ, какъ буржуазныя отношенія производства ставятъ рабочихъ въ тяжелую зависимость по отношенію

къ капиталу, то неудивительно, что въ ихъ средѣ существуетъ недовольство, которое растетъ вмѣстѣ съ ростомъ указаннаго противорѣчія и переходитъ въ революціонное движеніе, направляющееся противъ всего нынѣшняго общественнаго порядка. Буржуазія «не только выковала оружіе, которое нанесетъ ей смертельный ударъ, она породила также людей, которые направятъ это оружіе—современныхъ работниковъ, пролетаріевъ».

Все это показываетъ, до какой степени невѣрно характеризуется историческая теорія Маркса и Энгельса общеупотребительнымъ терминомъ: *экономическій материализмъ*. Если онъ долженъ обозначать теорію, признающую имущественный интересъ главнѣйшимъ двигателемъ историческаго прогресса, то французскихъ историковъ временъ реставраціи можно съ полнымъ правомъ назвать экономическими материалистами. Но эти «экономическіе материалисты» были на самомъ дѣлѣ совершенно чужды материализма и оставались *идеалистами*, поскольку не дѣлались эклектиками. Происхожденіе имущественныхъ отношеній и интересовъ получало у нихъ совсѣмъ не материалистическое объясненіе. Если же теорія Маркса была насквозь пропитана материализмомъ, то вовсе не потому, что она отводила въ исторіи чрезвычайно важную роль имущественнымъ интересамъ, а потому, что, пріурочивая развитіе этихъ интересовъ къ развитію производственныхъ отношеній, вызываемому ростомъ производительныхъ силъ, она впервые дала материалистическое объясненіе эволюціи общественной жизни и общественной мысли, совершенно устранивъ идеалистическое объясненіе этой эволюціи свойствами человѣческаго «духа» или вообще человѣческой «природы». Неудивительно, поэтому, что *полумарксисты*, встающіе противъ *материализма*, упорно держатся за выраженіе: «*экономическій материализмъ*».

Они понимаютъ, что подъ этимъ выраженіемъ могутъ укрыться совершенно идеалистическіе взгляды ⁷⁷⁾).

Бывшій марксистъ и социалдемократъ, г. Э. Бернштейнъ находитъ, что историческая теорія Маркса и Энгельса наиболѣе точно обозначается предложеннымъ Бартомъ названіемъ: *экономическое пониманіе исторіи*. Послѣ всего сказаннаго излишне, говорить что это мнѣніе г. «критика» основывается лишь на полномъ непониманіи истиннаго характера «критикуемой» имъ теоріи ⁷⁸⁾).

Разъ заговоривъ объ этомъ «критикѣ», напомнимъ читателю, что, по его мнѣнію, историческая теорія Маркса и Энгельса сама прошла черезъ процессъ развитія, въ результатъ котораго получилось нѣкоторое ограниченіе роли экономического «фактора» въ исторіи въ пользу другихъ, *не-экономическихъ* «факторовъ». Въ пользу этого своего мнѣнія г. Бернштейнъ приводитъ такіе доводы. Въ 1859 году, въ предисловіи къ «*Zur Kritik der politischen Oekonomie*», Марксъ «признаетъ за опредѣляющій факторъ данныя матеріальныя производительныя силы и производственныя отношенія людей», между тѣмъ какъ позже, въ спорѣ съ Дюрингомъ, Энгельсъ, «еще при жизни Маркса и въ согласіи съ нимъ», даетъ историческому матеріализму другое «объясненіе». Именно: „Тамъ значитъ, что *«послѣднія причины всѣхъ общественныхъ перемѣнъ и переворотовъ»* надлежитъ искать не въ головахъ людей, а въ «измѣненіяхъ способа производства и обмѣна». Но «послѣднія

⁷⁷⁾ Хорошій примѣръ: историческіе взгляды Сень-Симона имѣли идеалистическую основу, а между тѣмъ и онъ, какъ мы видѣли, былъ экономическимъ матеріалистомъ не меньше Минье, Гизо или Ог. Тьерри.

⁷⁸⁾ Г. Бернштейнъ утверждаетъ, что «на основѣ матеріалистическаго пониманія исторіи поконтся ученіе о классовой борьбѣ». Читатель знаетъ теперь, что ученіе о классовой борьбѣ возможно не только на основѣ матеріалистическаго пониманія исторіи. Но какое дѣло до этого г. Бернштейну? и «критикуетъ», а не изучаетъ.

причины» не исключаютъ одновременно дѣйствующихъ другихъ причинъ,—причинъ второй, третьей и другихъ степеней,—и ясно, что чѣмъ значительнѣе рядъ такихъ причинъ, тѣмъ сильнѣе ограничивается какъ качественно, такъ и количественно опредѣляющая сила послѣднихъ причинъ. Фактъ вліянія ихъ остается, но окончательная форма вещей зависитъ не отъ него одного“.

Г. Бернштейнъ думаетъ, что «въ позднѣйшихъ работахъ Энгельсъ еще больше ограничилъ опредѣляющую силу производственныхъ отношеній». Въ доказательство онъ указываетъ на два письма Энгельса, напечатанныхъ въ «*Sozialistischer Akademiker*» за октябрь 1895 г. и написанныхъ—одно въ 1890 г., а другое въ 1894 г. Содержаніе этихъ писемъ хорошо характеризуется двумя цитатами, сдѣланными изъ нихъ г. Бернштейномъ.

Первая изъ нихъ гласитъ: «Такимъ образомъ, имѣются безчисленныя, взаимно-скрещивающіяся силы, безконечная группа паралеллограммовъ силъ, дающихъ *равнодѣйствующую*,—историческое событіе — которая сама опять можетъ разсматриваться, какъ продуктъ силы, работающей, какъ цѣлое, безъ сознанія и воли, ибо то, что каждый въ отдѣльности желаетъ, встрѣчаетъ помѣху со стороны всѣхъ другихъ, и то, что получается, есть нѣчто, чего не желалъ никто» (письмо 1890 г.).

Во второй цитатѣ мы читаемъ слѣдующее: «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и проч. развитіе покоится на экономическомъ. Но всѣ они реагируютъ одно на другое и на экономическій базисъ» (письмо 1895 г.).

Сдѣлавъ эти цитаты, г. Бернштейнъ замѣчаетъ: «Читатель согласится, что это звучитъ нѣсколько иначе, чѣмъ приведенное въ началѣ мѣсто изъ Маркса».—«Въ началѣ» имъ приведено мѣсто изъ знаменитаго предисловія къ «*Zug Kritik*», говорящее о томъ, что способъ

производства матеріальной жизни обусловливаетъ собою процессъ соціальной, политической и умственной жизни. Допустимъ на минуту, что мѣсто это дѣйствительно «звучить» иначе, чѣмъ вышеприведенныя цитаты изъ писемъ Энгельса, и посмотримъ, какъ «звучить» предлагаемое произведеніе Маркса и Энгельса, написанное за одиннадцать лѣтъ до выхода въ свѣтъ книги «Zur Kritik der politischen Oekonomie».

Мы уже обращали вниманіе читателя на то, что развитіе производительныхъ силъ признается тамъ самой глубокой причиной общественнаго развитія. Въ этомъ отношеніи точка зрѣнія этого сочиненія *тождественна* съ точкой зрѣнія предисловія къ «Zur Kritik». А какъ обстоитъ дѣло съ «паралелограммами сплъ» и со взаимодѣйствіемъ различныхъ «факторовъ» общественнаго развитія?

Наши авторы показываютъ, какимъ образомъ успѣхи буржуазіи въ экономической области вели ее къ политической борьбѣ и къ политическимъ завоеваніямъ, которыя въ свою очередь ложились въ основу ея дальнѣйшихъ успѣховъ въ области экономіи. Они объявляютъ, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, и указываютъ пролетаріату на захватъ имъ политической власти, какъ на необходимое условіе его экономическаго освобожденія. Словомъ, насчетъ политическаго «фактора» мы читаемъ здѣсь то же самое, что и въ письмѣ Энгельса 1895 г.: «политическое развитіе покоится на экономическомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ реагируетъ на экономическій базисъ».

Выходитъ, что взглядъ, который кажется г. Бернштейну довольно позднимъ результатомъ эволюціи исторической теоріи Маркса и Энгельса, въ дѣйствительности былъ высказанъ еще съ 1848 г., т. е. въ такое время,

когда, по гипотезѣ г. Бернштейна, Марксъ и Энгельсъ должны были быть—если здѣсь можно такъ выразиться,— «чистыми экономистами».

Но вѣдь это выходитъ пока еще только по отношенію къ политическому «фактору», а по отношенію къ другимъ это, можетъ быть, и не вѣрно?

Посмотримъ. Въ предлагаемомъ произведеніи говорится, что умственная дѣятельность преобразуется вмѣстѣ съ матеріальной. «Когда древній міръ пришелъ въ упадокъ, древнія религіи были побѣждены христіанствомъ. Когда христіанскія идеи уступили мѣсто просвѣтительнымъ идеямъ XVIII в., феодальное общество вело борьбу на жизнь и смерть съ революціонной тогда буржуазіей». Уже въ этихъ словахъ заключается признаніе взаимодѣйствія между экономическимъ развитіемъ общества, съ одной стороны, и умственнымъ его развитіемъ, съ другой. Но признаніе остается здѣсь открытымъ, и потому его можно еще оспаривать. Зато послѣдняя глава не оставляетъ уже ровно никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. Въ этой главѣ, выясняя отношеніе коммунистовъ къ другимъ рабочимъ партіямъ, авторы говорятъ, что коммунисты стремятся выработать въ умахъ рабочихъ какъ можно болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата. Почему же коммунисты дѣлаютъ это? Очевидно, потому что признаютъ значеніе идей. Впрочемъ, авторы и сами спѣшатъ пояснить ихъ цѣль. Коммунистическая партія, говорятъ они, «хочетъ, чтобы общественныя и политическія условія, которыя припесетъ съ собою господство буржуазіи, могли послужить нѣмецкимъ рабочимъ оружіемъ противъ той же буржуазіи, чтобы борьба противъ нея началась тотчасъ же послѣ паденія реакціонныхъ классовъ въ Германіи». Здѣсь обнаруживается совершенно тотъ же взглядъ на значеніе *умственного* «фактора», который мы отмѣтили по отношенію къ «фак-

тору» *политическому*: умственное развитіе основывается на экономическомъ, но затѣмъ, въ свою очередь, вліяетъ на него (черезъ посредство соціально-политической дѣятельности людей). Выходить, что и идейный «факторъ» былъ признаваемъ Марксомъ и Энгельсомъ не только во время полемики съ Дюрингомъ, но еще въ 1848 г., и даже не только въ 1848 г., а еще въ эпоху изданія «*Deutsch-Französische Jahrbücher*». По крайней мѣрѣ, относительно Маркса это ставятъ вѣдъ всякаго сомнѣнія слѣдующія замѣчательныя строки изъ его статьи о гегелевской философіи права:

«Ни одинъ классъ не можетъ сыграть этой (освободительной) роли, не вызвавъ на время энтузіазма въ себѣ и въ массѣ. Въ теченіе этого времени онъ братается со всѣмъ обществомъ, его признаютъ *всеобщимъ представителемъ*, ему сочувствуютъ, какъ таковому; въ теченіе этого времени права и требованія этого класса являются правами и требованіями всего общества, а самъ онъ—головой общества и его сердцемъ».

Какъ видите, общественно-преобразовательная роль сознанія вообще, и даже энтузіазма въ частности, признается здѣсь самымъ категорическимъ образомъ. Психическій «факторъ» реагируетъ на общественныя (а, слѣдовательно, и на экономическія) отношенія. А затѣмъ Марксъ поясняетъ, какимъ образомъ указанное имъ отношеніе всего общества къ «классу - освободителю» вырастаетъ на почвѣ борьбы классовъ: «чтобы одно сословіе явилось сословіемъ-освободителемъ *par excellence*, нужно, чтобы какое-нибудь другое сословіе явилось въ общемъ сознаніи, наоборотъ, сословіемъ-поработителемъ. Отрицательно-универсальное значеніе французскаго дворянства и духовенства обусловило положительно-универсальное зна-

ченіе стоявшаго рядомъ съ ними и противъ нихъ класса буржуазіи» ⁷⁹).

Выводъ: Уже съ самаго начала своей дѣятельности, основатели научнаго социализма выражали совершенно тотъ же взглядъ на взаимное отношеніе различныхъ «факторовъ» историческаго развитія, какой мы встрѣчаемъ въ выпискахъ, дѣлаемыхъ г. Бернштейномъ изъ писемъ Энгельса, писанныхъ въ 90-хъ годахъ. Да иначе и быть не могло: если бы въ началѣ своей политической карьеры Марксъ и Энгельсъ, въ самомъ дѣлѣ, не придавали значенія политическому и духовному «факторамъ» и не допускали бы воздѣйствія ихъ на экономическое развитіе общества, то ихъ практическая программа было бы совершенно другая: они не говорили бы, что рабочій классъ не можетъ освободиться отъ экономическаго ига буржуазіи, не захвативъ въ свои руки политической власти. И точно также они не говорили бы о необходимости развитія самосознанія рабочихъ: зачѣмъ развивать его, если оно не играетъ никакой роли въ общественномъ движеніи, и если все дѣлается въ исторіи независимо отъ сознанія, одною силою экономической необходимости? Но кто же не знаетъ, что развитіе самосознанія рабочихъ было ближайшей практической задачей Маркса и Энгельса съ самаго начала ихъ общественной дѣятельности? А г. Бернштейну, какъ бывшему «марксисту», не мѣшало бы также знать и то, что энергичная умственная работа, совершавшаяся въ началѣ сороковыхъ годовъ въ средѣ французскихъ и англійскихъ рабочихъ, служила Марксу однимъ изъ главныхъ доводовъ противъ тѣхъ писателей, которые, подобно Бруно Бауэру, не хотѣли знать «массы» и возлагали

⁷⁹) Deutsch-Französische Jahrbücher, S. 82.

всѣ свои упованія на «критически-мыслящихъ личностей»⁸⁰⁾.

Попробуемъ построить другую гипотезу. Въ началѣ своей дѣятельности Марксъ и Энгельсъ смотрѣли на «факторы» тѣми самыми глазами, какими смотрѣлъ на нихъ Энгельсъ въ 90-хъ годахъ. А въ серединѣ этой дѣятельности, около времени выхода «Zur Kritik», Марксъ — одинъ или вмѣстѣ съ Энгельсомъ — почему либо измѣнилъ этотъ свой взглядъ и вдался въ ту крайность, которую открылъ г. Бернштейнъ въ предисловіи къ названной книгѣ.

Но и эта гипотеза не выдерживаетъ критики. Не выдерживаетъ по той причинѣ, что въ названномъ предисловіи высказывается какъ разъ тотъ же взглядъ на «факторы», который, по мнѣнію г. Бернштейна, возникъ лишь въ результатѣ *эволюціи* исторической теоріи Маркса. Читатель безъ труда согласится съ нами, если дастъ себѣ трудъ вдуматься въ ту самую цитату, на которую ссылается нашъ глубокомысленный «критикъ»: «Способъ производства матеріальной жизни вообще обусловливаетъ собою процессъ соціальной, политической и умственной жизни». Это значитъ, что соціальный, политическій и умственный «факторы» вырастаютъ на экономической почвѣ.

Далѣе: «На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями или... съ отношеніями собственности, внутри которыхъ онѣ до сихъ поръ развивались. Эти отношенія перестаютъ быть формами, способствовавшими развитію производительныхъ силъ и становятся препятствіемъ для него. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи».

⁸⁰⁾ Die heilige Familie, S. 125.

Имущественныя отношенія относятся къ области *права*. Въ данное время данныя имущественныя отношенія способствуютъ развитію производительныхъ силъ. Это значитъ, что правовыя формы, выросшія на данномъ экономическомъ базисѣ, въ свою очередь, реагируютъ на развитіе экономики. Потомъ,—и между прочимъ, благодаря этому реагированію,—наступаетъ такое время, когда данныя правовыя формы начинаютъ мѣшать развитію производительныхъ силъ. Это опять значитъ, что эти формы реагируютъ,—хотя теперь уже въ обратномъ смыслѣ,—на развитіе общественно-экономическихъ отношеній. Вслѣдствіе противорѣчія между производительными силами и имущественными отношеніями, наступаетъ эпоха социальнаго переворота. Что достигается этимъ переворотомъ? Какая цѣль преслѣдуется имъ? Устраненіе старыхъ и установленіе новыхъ отношеній производства, новыхъ правовыхъ учрежденій. Для чего же нужно это устраненіе и это установленіе? Для дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ. Это снова и снова означаетъ, что правовыя формы, выросшія на данной экономической основѣ, съ своей стороны вліяютъ на эту основу. Неужели это не то же самое, что было высказано въ предлагаемомъ трудѣ Маркса и Энгельса, повторялось почти во всѣхъ другимъ сочиненіяхъ Маркса и было указано въ цитируемыхъ г. Бернштейномъ письмахъ Энгельса?

А психическій «факторъ»? Можетъ быть, о немъ въ предисловіи говорится не то, что въ другихъ сочиненіяхъ Маркса и Энгельса? О немъ мало говорится въ предисловіи, но то, что говорится тамъ, нисколько не противорѣчитъ тому, что сказано въ письмахъ Энгельса. Развитіе производительныхъ силъ ставитъ людей въ извѣстныя отношенія производства, ведетъ къ возникновенію извѣстныхъ правовыхъ формъ. Даннымъ право-

вымъ формамъ соотвѣтствуютъ извѣстныя правовыя понятія людей. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ производительныхъ силъ, по мѣрѣ того, какъ ихъ состоянію перестаютъ соотвѣтствовать старыя правовыя формы, въ головахъ тѣхъ людей, интересы которыхъ нарушаются такимъ несоотвѣстіемъ, возникаетъ сомнѣніе въ пригодности и справедливости старыхъ правовыхъ учреждений, у нихъ являются новыя понятія о правѣ и о справедливости, соотвѣтствующія вновь достигнутой обществомъ ступени развитія производительныхъ силъ. Въ сторону этихъ новыхъ понятій о правѣ и о справедливости направляется практическая дѣятельность борцовъ противъ стараго порядка, ведущая къ созданію новыхъ правовыхъ учреждений, дающихъ новый толчокъ развитію производительныхъ силъ, и т. д. и т. д. Это говорится въ предисловіи, и мы спрашиваемъ безпристрастнаго читателя, противорѣчитъ ли это хоть на волосъ тому, что высказалъ Энгельсъ въ своихъ письмахъ?

Конечно, не противорѣчитъ. Но предисловіе написано болѣе отвлеченнымъ языкомъ и притомъ по совершенно другому поводу. Именно, въ предисловіи Марксъ хотѣлъ отмѣтить, что общественныя отношенія «не объясняются ни своей собственной природой, ни такъ называемымъ общимъ развитіемъ человѣческаго духа». Съ этой цѣлью онъ выставлялъ на видъ преимущественно *экономическую основу* развитія названныхъ отношеній. А Энгельсъ въ своихъ письмахъ обращался къ человѣку, который, — подобно многимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, — думалъ, что въ теоріи «экономическаго матеріализма» нѣтъ мѣста для дѣйствій политическаго, правового и духовнаго «факторовъ», и потому онъ, мимоходомъ указавъ на экономическую основу всѣхъ этихъ «факторовъ», особенно отгѣнялъ то обстоятельство, что эти «факторы», выросши на экономической почвѣ, воз-

дѣйствуютъ на нее съ своей стороны. Вотъ только и всего. Если бы г. Бернштейнъ былъ способенъ пойти хоть немного дальше *словъ* разбираемой имъ теоріи и проникнуть въ ея *содержаніе*, то онъ съ большой легкостью понялъ бы, что историческіе взгляды, изложенные въ предисловіи «Zur Kritik», оставляютъ ровно столько же мѣста для дѣйствія «причинъ второй, третьей и т. д. степеней», какъ и ученіе, содержащееся въ Анти-Дюрингъ; а заключающееся въ письмѣ отъ 1890 г. разсужденіе Энгельса о томъ, что историческія событія могутъ разсматриваться, какъ продуктъ силы, работающей безсознательно, есть то же самое, что въ предисловіи говоритъ Марксъ о дѣйствіи основной причины общественнаго развитія, независимой отъ сознанія и воли людей. Здѣсь—полнѣйшее тождество, а г. Бернштейнъ ухитрился понять слова Энгельса, какъ нѣчто, измѣняющее смыслъ предисловія и дополняющее его. () , «критика»!

Въ другомъ мѣстѣ своей брошюры нашъ «критикъ» указываетъ на преувеличенную оцѣнку Марксомъ «творческой способности революціонной силы въ дѣлѣ социалистическаго преобразованія современнаго общества» *). Но революціонная сила есть сила политическая. Выходить, стало быть, что Марксъ грѣшилъ преувеличенной оцѣнкой политической силы. Но тотъ же Марксъ, въ то же время и по словамъ того же «критика», грѣшилъ тѣмъ, что не придавалъ значенія никакимъ другимъ «факторамъ», кромѣ экономическаго. Пойми, кто можетъ!

Г. Бернштейнъ критикуетъ не только историческую теорію Маркса и Энгельса, но также и ихъ ученіе о борьбѣ классовъ. По его словамъ, борьба классовъ ставитъ въ настоящее время передъ пролетаріатомъ уже не тѣ практическія задачи, на какія указывали Марксъ и

*) Русск. пер., Москва, 1901, стр. 68.

Энгельсъ. Борьба пролетаріата съ буржуазіей въ наиболѣе развитыхъ странахъ цивилизованнаго міра не можетъ повести теперь къ диктатурѣ пролетаріата, и потому разговоры о ней становятся простымъ фразерствомъ. Но пусть лучше говорятъ самъ г. Бернштейнъ.

«Имѣеть ли, напр., смыслъ повторять фразу о диктатурѣ пролетаріата въ такое время, когда во всевозможныхъ учрежденіяхъ представители социалъдемократіи практически становятся на почву парламентской борьбы, пропорціональнаго представительства и народнаго законодательства, противорѣчащихъ диктатурѣ? Она въ настоящее время настолько пережита, что иначе нельзя согласить ее съ дѣйствительностью, какъ путемъ отнятія у слова «диктатура» его истиннаго значенія и приданія ему какого-нибудь смягченнаго смысла».

Во второй половинѣ 80-хъ годовъ у насъ появился особый видъ «соціалиста», главная и, можно сказать, мучительная забота котораго заключалась въ томъ, чтобы не испугать либерала. Призракъ испуганнаго либерала до такой степени пугалъ социалистовъ этого вида, что вносилъ неслыханную путаницу во всѣ ихъ теоретическія и практическія разсужденія. Г. Бернштейнъ очень напоминаетъ такихъ «соціалистовъ». Его главная забота состоитъ въ томъ, чтобы какъ-нибудь не испугать демократическую буржуазію. Если онъ отказывается отъ матеріализма и рекомендуетъ вернуться къ Канту, то единственно потому, что кантіанизмъ оставляетъ мѣсто для религіознаго суевѣрія, а г. Бернштейну не хочется шокировать религіозныя суевѣрія современныхъ буржуа. Если г. Бернштейнъ возстаетъ противъ историческаго ученія о необходимости, то лишь потому, что, будучи примѣрно къ общественнымъ явленіямъ, это ученіе не оставляетъ никакого мѣста для упованій пролетаріата на благожелательность буржуазіи, а, слѣдовательно, и для взаимнаго

сближенія этихъ двухъ классовъ. Наконецъ, если г. Вернштейнъ не любитъ «фразы» насчетъ диктатуры пролетариата, то это опять-таки единственно потому, что она непріятно рѣжетъ слухъ даже самой «демократической» буржуазіи. Но людямъ, не пугающимся призрака испуганныхъ буржуа, вопросъ о диктатурѣ пролетариата представляется совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ его видитъ г. «критикъ».

Диктатура всякаго даннаго класса означаетъ—какъ это прекрасно зналъ еще Минье—*господство* этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своихъ интересовъ и для прямого или косвеннаго подавленія всѣхъ тѣхъ общественныхъ движеній, которыя нарушаютъ эти интересы⁸¹⁾. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что, напр., французская буржуазія добилась диктатуры еще въ эпоху перваго Учредительнаго Собранія и затѣмъ, съ нѣкоторыми перерывами, продолжала пользоваться ею вплоть до нашихъ дней, когда даже такъ называемый г. Жорэсомъ социалистическій министръ г. Милльранъ не можетъ воспрепятствовать разстрѣливанію рабочихъ, осмѣливающихся не повиноваться капиталистамъ. При такомъ положеніи дѣлъ, задача французскаго пролетариата состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы устранить «условія возможности» этой диктатуры буржуазіи. Къ числу важнѣйшихъ изъ этихъ условій принадлежитъ неразвитость классоваго самосознанія производителей, значительная часть которыхъ до сихъ поръ еще находится подъ вліяніемъ эксплуататоровъ. Одна изъ важнѣйшихъ практическихъ задачъ

⁸¹⁾ Просимъ читателя припомнить вышеприведенное положеніе Минье: «Извѣстно, что сила, достигшая господства, всегда овладѣваетъ учрежденіями». Когда данный классъ совладѣваетъ учрежденіями, наступаетъ эпоха его диктатуры.

партиі заключается, поэтому, въ просвѣщеніи непросвѣщенныхъ, въ подталкиваніи отсталыхъ, въ доразвитіи недоразвитыхъ. Парламентская и всякая другая легальная дѣятельность представителей рабочей демократіи содѣйствуетъ осуществленію этой важной задачи, и потому *заслуживаетъ всякаго уваженія и одобренія*. Но она хороша тѣмъ, что устраняетъ духовныя «условія возможности» диктатуры буржуазіи и создаетъ духовныя «условія возможности» будущей диктатуры пролетаріата. Она не противорѣчитъ диктатурѣ пролетаріата; она подготавливаетъ ее. Называть *фразой* указаніе рабочимъ на необходимость диктатуры ихъ класса можетъ только тотъ, кто утратилъ всякое представленіе объ «окончательной цѣли» (Endziel) и думаетъ лишь о «движеніи» (Bewegung)... въ сторону буржуазнаго социализма.

Но, по словамъ г. Бернштейна, классовая диктатура принадлежитъ къ болѣе низкой культурѣ, «и... надобно признать за шагъ назадъ, за политическій атавизмъ мысль о томъ, будто переходъ изъ капиталистическаго общества въ социалистическое долженъ непремѣнно совершиться подъ формами развитія эпохи, которой еще незнакомы были или знакомы были лишь въ самой несовершенной формѣ современные методы пропаганды и проведенія законовъ и недоставало необходимыхъ къ тому органовъ».

Диктатура даннаго класса есть, какъ мы сказали, господство этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своихъ интересовъ и для подавленія всѣхъ общественныхъ движеній, прямо или косвенно угрожающихъ этимъ интересамъ. Спрашивается, можно ли назвать политическимъ атавизмомъ стремленіе къ такому господству того или другого класса современнаго общества? Нѣтъ, нельзя. Въ этомъ обществѣ существуютъ *классы*. Тамъ, гдѣ существуютъ классы, неизбежна *классовая борьба*.

Тамъ, гдѣ есть классовая борьба, необходимо и естественно *стремленіе каждаго изъ борющихся классовъ* къ полной побѣдѣ надъ своимъ противникомъ и къ полному надъ нимъ господству. Буржуазія и ея идеологи могутъ осуждать — во имя «нравственности» и «справедливости» — такое стремленіе всякій разъ, когда пролетаріатъ обнаруживаетъ его съ замѣтной силой. Мы знаемъ, что уже въ январѣ 1843 г. Гизо называлъ классовую борьбу стыдомъ и горемъ Франціи. Но мы знаемъ также, что это осужденіе классовой борьбы и завоевательныхъ стремленій рабочаго класса было подсказано буржуазіи лишь инстинктомъ самосохраненія, и что классовая диктатура представлялась ей совѣмъ въ другомъ свѣтѣ, когда она еще вела свою многовѣковую тяжбу съ аристократіей и была твердо убѣждена въ томъ, что ея корабля не потопитъ никакая буря. Рабочему классу не можетъ и не должна импонировать та будто бы нравственность и та якобы справедливость, къ которымъ взываютъ буржуа временъ упадка ⁸²⁾).

Минье говорилъ, что только силой можно добиться своихъ правъ, и что до сихъ поръ нѣтъ другого вер-

⁸²⁾ И это тѣмъ болѣе, что диктатура пролетаріата положить конецъ существованію классовъ, а слѣдовательно ихъ борьбѣ, со всеми вызываемыми ею и неизбѣжными теперь страданіями. Но буржуазія не хочетъ и, по своему общественному положенію, *не можетъ* понять это. Она стремилась къ диктатурѣ и находила ее необходимымъ и вполне позволительнымъ средствомъ достиженія цѣли во время своей борьбы съ аристократіей. Но она стала осуждать это средство и находить его излишнимъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ зашла рѣчь о диктатурѣ рабочаго класса. Это напоминаетъ дикаря, слѣдующимъ образомъ поясниваго различіе между добромъ и зломъ: добро, это—когда я что-нибудь отниму у другихъ; а зло, это—когда у меня что-нибудь отнять. И нужно имѣть много доброй воли, чтобы, подобно г. Бернштейну, находить убѣдительными доводы буржуазіи, пугающей мысли о диктатурѣ пролетаріата.

ховнаго владыки, кромѣ силы. Это было какъ нельзя болѣе справедливо въ эпоху борьбы третьяго сословія съ аристократіей, и это осталось какъ нельзя болѣе справедливымъ въ наше время борьбы пролетаріата съ буржуазіей. Если бы вздумали увѣрять рабочихъ, что въ буржуазномъ обществѣ сила уже не имѣетъ того значенія, какое она имѣла при «старомъ порядкѣ», то мы сказали бы имъ явную и вопіющую неправду, которая—какъ и всякая неправда—только удлинила бы и увеличила бы «мученія родовъ».

Правда, сила и насиліе совѣмъ не одно и то же. Въ международныхъ политическихъ отношеніяхъ значеніе каждаго государства опредѣляется его силой, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что признаніе права сильнаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предполагаетъ насильственныя дѣйствія. Тоже—и въ междуклассовыхъ отношеніяхъ. Значеніе каждаго даннаго класса всегда опредѣляется его силой, но для признанія его значенія далеко не всегда нужно насиліе. Роль насилія иногда суживается, иногда расширяется,—въ зависимости отъ политическаго устройства данной страны. Г. Бернштейнъ думаетъ, что въ современныхъ демократическихъ странахъ рабочій классъ для достиженія своихъ цѣлей не имѣетъ надобности въ насиліи. Это слишкомъ оптимистическій взглядъ, внушенный нашему «критику» его постоянной заботой о томъ, чтобы не испугать буржуазныхъ демократовъ. Современная Франція обладаетъ демократической конституціей, и однако никто изъ людей, знакомыхъ съ внутренней жизнью этой страны, не поручится за то, что она пролетаріатъ не будетъ вынужденъ сопротивляться открытой силой насилію, испытываемому имъ со стороны буржуазіи. Болѣе того. Всякій, знакомый съ конституціей Франціи, скажетъ, что въ этой странѣ къ возстанію пролетаріата легко можетъ

привести сама логика избирательного права⁸³). Или возьмите хоть Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Это — тоже демократическая страна. Но въ этой демократической странѣ освобожденіе негровъ могло быть куплено лишь цѣною междоусобія, и нельзя поручиться за то, что американскому пролетаріату не придется *насиліемъ* расчищать себѣ путь къ своему экономическому освобожденію. По мнѣнію г. Бернштейна, «вся практическая дѣятельность социалдемократіи сводится къ тому, чтобы создать такія обстоятельства и условія, которыя сдѣлали бы возможнымъ и необходимымъ переходъ современнаго общественнаго строя въ высшій безъ конвульсивныхъ потрясеній». Въ этихъ словахъ есть доля истины. Социалдемократія дѣйствительно заинтересована въ томъ, чтобы переходъ въ высшій общественный порядокъ совершился безъ потрясеній. Но значить-ли это, что она должна отказаться отъ мысли о диктатурѣ пролетаріата? Совсѣмъ нѣтъ! Идя въ Пекинъ, союзныя европейско-американско-японскія войска были чрезвычайно заинтересованы въ томъ, чтобы занятіе китайской столицы совершилось безъ пролитія крови, но тѣмъ не менѣе они ни на одну минуту не покидали мысли объ ея занятіи. Никакая цѣль не можетъ измѣниться отъ того, что люди стремятся достигнуть ея съ наименьшими усиліями. Но когда люди твердо рѣшили во что бы то ни стало достигнуть данной цѣли, выборъ средствъ зависитъ уже не отъ нихъ самихъ, а отъ обстоятельствъ. И именно потому, что рабочая демократія не въ состояніи предвидѣть всѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ рабочему классу придется завоевывать свое *господство*⁸⁴), она не можетъ прин-

⁸³) Ср. J. Jaurès, Le socialisme français, въ Cosmopolis, janvier 1898, pp. 119—121.

⁸⁴) Мы уже сказали раньше, *зачѣмъ* нужно пролетаріату такое господство.

ципально отказываться отъ того способа дѣйствій, который не нравится г. Бернштейну. Она должна помнить старое, испытанное правило: если хочешь мира, готовься къ войнѣ.

Намъ скажутъ, можетъ быть, что самъ Энгельсъ подѣ конецъ жизни настоятельно совѣтовалъ рабочимъ партіямъ всѣхъ странъ избѣгать насильственныхъ дѣйствій и оставаться на почвѣ мирной борьбы законными средствами ⁸⁵). На это мы отвѣтимъ вотъ что.

Энгельсъ далъ этотъ свой совѣтъ, основываясь на трехъ соображеніяхъ: 1) на томъ, что коллективистическое преобразованіе предполагаетъ высокое развитіе сознанія рабочей массы, для котораго нужно время ⁸⁶); 2) на томъ, что нѣмецкіе охранители всѣми силами стараются теперь толкнуть нѣмецкую рабочую партію на возстаніе, надѣясь разбить ее и тѣмъ положить коноцъ ея непрерывнымъ успѣхамъ ⁸⁷), и 3) на томъ, что современное вооруженіе войска дѣлаетъ безнадежными всякія попытки уличныхъ возстаній ⁸⁸).

Первыя два изъ этихъ соображеній не нуждаются ни въ какихъ «поправкахъ» и ни въ какихъ «комментаріяхъ». Они изложены такъ ясно и такъ очевидно справедливы, что противъ нихъ не стануть возражать ни тѣ, которые дѣйствительно умѣютъ критиковать Маркса

⁸⁵) См. его (помѣченное мартомъ 1895 г.) предисловіе къ сочиненію Маркса о классовой борьбѣ во Франціи въ 1848—1850 гг.

⁸⁶) «Die Zeit der Übrumpelungen, der von kleinen bewussten Minoritäten an der Spitze bewusstloser Massen durchgeführten Revolutionen ist vorbei. Wo es sich um eine vollständige Umgestaltung der gesellschaftlichen Organisation handelt, da müssen die Massen selbst dabei sein, selbst schon begriffen haben, worum es sich handelt, für was sie eintreten sollen... Damit aber die Massen verstehen, was zu thun ist, dazu bedarf es langer, ausdauernder Arbeit» etc. Die Klassenkämpfe in Frankreich. Vorwort. S. 16.

⁸⁷) Ibid., S. 17.

⁸⁸) Ibid., SS. 14—15.

и Энгельса, ни даже тѣ, которые годны только на то, чтобы красоваться «подъ знакомъ критики». Но эти два соображенія осуждаютъ не насильственные дѣйствія вообще, а только преждевременныя насильственные дѣйствія, и потому не имѣютъ ничего общаго съ доводами сторонниковъ «мирнаго развитія» *quand même*.

Что касается третьяго соображенія, то при внимательномъ анализѣ смыслъ его оказывается не совсѣмъ такимъ, какимъ онъ представляется на первый взглядъ.

Развивая это соображеніе, Энгельсъ говоритъ, что до 1848 года уличныя битвы нерѣдко приводили къ побѣдѣ инсургентовъ, но что это обуславливалось дѣйствіемъ весьма различныхъ причинъ. Въ Парижѣ, въ іюль 1830 и въ февралѣ 1848 года, и въ большинствѣ испанскихъ уличныхъ битвъ дѣло рѣшалось національной гвардіей, которая обезкураживала регулярное войско своимъ нерѣшительнымъ поведеніемъ или даже прямо переходила на сторону возставшихъ. Тамъ же, гдѣ она сразу и рѣшительно выступала противъ инсургентовъ, возстанія оканчивались неудачей. Такъ было, напр., въ Парижѣ въ іюнь 1848 г. Во всякомъ случаѣ инсургенты побѣждали только тамъ и только тогда, гдѣ и когда имъ удавалось поколебать нравственную твердость войска. Даже въ классическое время уличной битвы баррикады имѣли болѣе нравственное, чѣмъ матеріальное значеніе. Затрудняя движеніе войска, онѣ давали инсургентамъ время подѣйствовать на его нравственное настроеніе. Но если войско не поддавалось влиянію инсургентовъ, оно всегда оставалось побѣдителемъ...

Къ концу своей жизни Энгельсъ значительно измѣнилъ свой взглядъ на роль открытыхъ возстаній въ освободительной борьбѣ пролетаріата. Между тѣмъ какъ въ эпоху опубликованія предлагаемаго произведенія онъ и Марксъ считали открытое возстаніе неизбѣжнымъ

условіемъ побѣды рабочаго класса, Энгельсъ къ концу своей жизни призналъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ легальный путь тоже можетъ привести къ побѣдѣ, а на возстаніе сталъ смотрѣть, какъ на такой способъ дѣйствій, который, при современной technikѣ военнаго дѣла, сулитъ коллективистамъ не побѣду, а жестокое пораженіе, и не перестанетъ судить его имъ до тѣхъ поръ, пока сама армія не проникнется коллективистскимъ духомъ.

Этотъ новый взглядъ Энгельса заслуживаетъ, разумѣется, полнаго вниманія и уваженія, но онъ нимало не противорѣчитъ тому, что мы сказали выше о возможномъ значеніи насильственныхъ дѣйствій.

Къ этому надо добавить, что иное дѣло диктатура даннаго класса, а иное дѣло насильственныя дѣйствія, предпринимаемая этимъ классомъ въ своемъ стремленіи къ диктатурѣ. Во время реставраціи, Гизо и его единомышленники чрезвычайно энергично и вполне сознательно стремились къ установленію диктатуры «средняго класса», но никто изъ нихъ не думалъ о насильственныхъ дѣйствіяхъ. Гизо навѣрное рѣзко осудилъ бы тогда всякій планъ уличнаго возстанія. Но это не мѣшало ему быть революціонеромъ, потому что онъ ни на минуту не переставалъ развивать въ умахъ людей «средняго класса» сознаніе враждебной противоположности ихъ интересовъ съ интересами аристократіи и доказывать имъ, что всякая мысль о примиреніи съ ней есть вредная химера. Совершенно такими же по духу (только стоявшими на точкѣ зрѣнія другого класса) были Марксъ и Энгельсъ, и совершенно такими же остались они до послѣдняго своего издыханія. Въ этомъ отношеніи взгляды ихъ не измѣнились ни на волосъ, вопреки увѣреніямъ тѣхъ «критиковъ», которые цѣликомъ состоятъ, по выраженію Маркса, изъ «съ одной стороны»

и «съ другой стороны», которымъ очень хотѣлось бы освободить пролетаріатъ, не обидѣвъ этимъ буржуазіи, и о которыхъ можно сказать словами Ницше: «*Selig sind diese Schläfrigen, denn sie sollen bald einnicken*».

Вотъ все, что намъ хотѣлось бы сказать объ основной мысли предлагаемаго произведенія и о выводахъ, непосредственно изъ нея вытекающихъ.

Г. Плехановъ.

I. Буржуа и пролетаріи.

Исторія всякаго общества ¹⁾ была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ.

Свободный и рабъ, патрицій и плебей, помѣщикъ и крѣпостной, мастеръ и подмастерье, словомъ, угнетатель и угнетенный питали другъ къ другу вѣчную вражду и вели непрерывную войну, — то явную, то скрытую; война эта всегда оканчивалась либо кореннымъ переустройствомъ всего общественнаго строя, либо гибелью обоихъ борющихся классовъ.

Въ прежнія историческія эпохи мы встрѣчаемъ почти повсюду іерархическое раздѣленіе общества, цѣлую лѣстницу различныхъ общественныхъ положеній. Въ древнемъ Римѣ мы находимъ патриціевъ, всадниковъ, плебеевъ и рабовъ; въ средніе вѣка—феодалныхъ сеньоровъ, вассаловъ, цеховыхъ мастеровъ, подмастерьевъ,

¹⁾ Точнѣе говоря: исторія, начиная съ того періода, о которомъ сохранились *письменные памятники*. Въ 1847 году (годъ появленія настоящаго произведенія) первобытная исторія общества, — общественная организація, предшествовавшая какой-бы то ни было писанной исторіи, — была почти что неизвестна. Съ тѣхъ поръ Гакетгаузенъ открылъ общинное землевладѣніе въ Россіи; Мауреръ показалъ, что оно составляетъ общественную основу, съ которой началась исторія всѣхъ нѣмецкихъ племенъ, и мало по малу стало выясняться, что деревенскія общины съ общиннымъ владѣніемъ земель были первичной формой общества повсюду, отъ Индіи до Ирландіи; и, наконецъ, внутреннее строеніе этого первобытнаго коммунистическаго общества, въ его типической формѣ, было раскрыто Морганомъ, обнаружившимъ истинное значеніе рода и положеніе его въ племени; этимъ былъ увѣнчанъ весь рядъ открытій. Съ момента разложенія этихъ первобытныхъ общинъ начинается дробленіе общества на классы, а впоследствии и на антигонистическіе классы.

крѣпостныхъ; а въ каждомъ изъ этихъ классовъ существовали еще особыя подраздѣленія.

Современное буржуазное общество, выросшее на развалинахъ общества феодальнаго, не уничтожило антагонизма классовъ. Оно только замѣнило старыя классы, старыя условія угнетенія и старыя формы борьбы новыми.

Однако же, характернымъ отличіемъ нашей, буржуазной эпохи является то, что антагонизмъ классовъ теперь упростился. Нынѣ общество все больше и больше раздѣляется на два обширные вражескія лагеря, на два враждующіе класса—буржуазію и пролетаріатъ.

Средневѣковые крѣпостные выдѣлили изъ своей среды тѣ элементы, изъ которыхъ образовались первыя городскія общины; а изъ населенія этихъ городовъ выдѣлились тѣ элементы, изъ которыхъ образовалась буржуазія.

Открытіе Америки и морского пути вокругъ Африки создало для нарождавшейся буржуазіи новое поле дѣятельности. Остъ-индійскій и китайскій рынки, колонизація Америки, колониальная торговля, умноженіе орудій обмѣна, а также товаровъ, дали безпримѣрный толчекъ развитію торговли, мореплаванія и промышленности, а тѣмъ самымъ обезпечили быстрое развитіе элементовъ разложенія феодальнаго общества.

Старый способъ производства не могъ уже удовлетворять потребностямъ, которыя съ открытіемъ новыхъ рынковъ стали возрастать. Ремесло, опутанное феодальными привилегіями, уступило свое мѣсто мануфактурѣ. Мелкая промышленная буржуазія вытѣснила цеховыхъ мастеровъ. Раздѣленіе труда между отдѣльными цехами исчезло и замѣнилось раздѣленіемъ труда внутри мастерской.

Но рынки росли непрерывно, и спросъ, не переставая, увеличивался. И мануфактура, въ свою очередь,

перестала удовлетворять всѣмъ потребностямъ; и вотъ, паръ и машина произвели революцію въ промышленномъ производствѣ. Мануфактуру вытѣснила современная крупная промышленность; мелкая буржуазія эпохи мануфактуры уступила мѣсто современнымъ промышленнымъ буржуа, милліонерамъ, командирамъ цѣлыхъ армій рабочихъ.

Крупная промышленность создала міровой рынокъ, для котораго была подготовлена почва открытіемъ Америки. Міровой рынокъ въ сильнѣйшей степени ускорилъ развитіе торговли, мореплаванія и всякаго рода путей сообщенія. Развитіе же этихъ факторовъ въ свою очередь воздѣйствовало на развитіе промышленности; а соотвѣтственно развитію промышленности, торговли, мореплаванія и желѣзныхъ дорогъ, росла буржуазія, росли ея капиталы, и она отодвигала на задній планъ классы, перешедшіе въ новое общество отъ эпохи средневѣковья.

Итакъ, современная буржуазія, какъ мы видимъ, является продуктомъ долгаго историческаго развитія, продуктомъ цѣлаго ряда революцій въ способахъ производства и обмѣна.

Каждый новый этапъ, пройденный буржуазіей въ ходѣ ея развитія, знаменовалъ новый ея успѣхъ въ политическомъ отношеніи. Она являлась то сословіемъ, угнетаемымъ феодальнымъ деспотизмомъ, то вооруженной ассоціаціей, сплотившеюся въ самоуправляющуюся комму²⁾, тамъ она составляла независимую муниципальную республику, здѣсь—податное сословіе монархическаго государства; затѣмъ, въ теченіе мануфактурнаго періода она представляла противовѣсъ дворянству въ ограниченныхъ или абсолютныхъ монархіяхъ; она являлась устоємъ

²⁾ Такъ называли горожане Италіи и Франціи свою городскую общину, послѣ того какъ добыли себѣ за деньги или силою вынудили у своихъ феодальныхъ сеньеровъ первыя права самоуправленія.

большихъ монархій; съ появленіемъ-же крупной промышленности и мірового рынка она завладѣла, наконецъ, политической властью въ современномъ конституціонномъ государствѣ, властью, которую она уже не раздѣляетъ ни съ однимъ изъ другихъ классовъ. Современная государственная власть — не что иное, какъ комитетъ для завѣдыванія общими дѣлами всего класса буржуазіи.

Буржуазія играла въ исторіи въ высшей степени разрушительную роль.

Повсюду, гдѣ она завоевала власть, она уничтожила патріархальныя, идиллическія отношенія эпохи феодализма. Она безжалостно разбила всѣ многообразныя связи, соединявшія въ феодальную эпоху низшихъ съ высшими, и не оставила иной связи между людьми, кромѣ холоднаго расчета, равнодушной «наличности». Въ людскихъ водахъ эгоистическаго расчета она утопила религиозный экстазъ, рыцарскій энтузіазмъ и сантиментальность мелкаго буржуа. Честь и достоинство человѣческой личности она сдѣлала простой мѣновой цѣнностью, и многочисленныя свободы, приобретенныя дорогою цѣной, замѣнила одною свободой, — безстрастной свободой торговли. Словомъ, эксплуатацію, замаскированную религиозными и политическими соображеніями, она замѣнила открытой, прямой, грубой и безстыдной эксплуатаціей.

Буржуазія сорвала ореолъ со всѣхъ тѣхъ профессій, которыя до сихъ поръ считались почетными. Она превратила въ наемныхъ работниковъ врача, юриста, священника, поэта, ученаго.

Буржуазія сорвала покровъ сантиментальности, прикрывавшій семейныя отношенія, и свела ихъ къ простымъ денежнымъ отношеніямъ.

Буржуазія показала, какимъ образомъ въ средніе вѣка грубое проявленіе силы, которымъ такъ восхищаются реакціонеры, имѣло своимъ естественнымъ дополненіемъ

самую крайнюю лѣность. Она впервые показала, какихъ результатовъ можетъ достигнуть человѣческая дѣятельность. вмѣсто египетскихъ пирамидъ, римскихъ водопроводовъ и готическихъ соборовъ, она создала свои чудеса; она организовала новыя экспедиціи вмѣсто переселеній народовъ и крестовыхъ походовъ.

Буржуазія можетъ существовать лишь при условіи непрерывнаго революціонированія орудій труда, а слѣдовательно, и способовъ производства и вообще всей совокупности общественныхъ отношеній. Напротивъ, сохраненіе стараго способа производства было необходимымъ-и-шпимъ условіемъ существованія всѣхъ старыхъ промышленныхъ классовъ. Эти постоянные перевороты въ способахъ производства, безпрестанное потрясеніе всего общественнаго строя, вѣчное возбужденіе и необезпеченность отличаютъ буржуазную эпоху отъ всѣхъ предыдущихъ. Всѣ традиціонныя, застывшія соціальныя отношенія, съ соотвѣтствующими имъ общепринятыми и всѣми почитаемыми вѣрованіями и идеями, разрушаются, а тѣ, которыя приходятъ имъ на смѣну, оказываются устарѣвшими еще прежде, чѣмъ успѣютъ окристаллизоваться. Все, что было прочнымъ и устойчивымъ, колеблется; все, что было священнымъ, оскверняется, и люди приходятъ, наконецъ, къ необходимости взглянуть трезвыми глазами на свои условія существованія и свои взаимныя отношенія.

Подталкиваемая все дальше потребностью въ новыхъ рынкахъ, буржуазія распространяется по всему лицу земли. Ей необходимо всюду проникать, всюду утверждаться, повсюду завязывать связи.

Благодаря существованію мірового рынка, буржуазія придаетъ производству во всѣхъ странахъ космополитическій характеръ. Къ величайшей досадѣ реакціонеровъ, она лишила промышленность національной почвы.

Старыя національныя отрасли промышленности исчезли или близки къ гибели; они вытѣснены новыми отраслями промышленности, введеніе которыхъ становится условіемъ существованія для всѣхъ цивилизованныхъ націй; новая промышленность потребляетъ сырые матеріалы уже не мѣстнаго происхожденія, но привозимые изъ самыхъ отдаленныхъ странъ; равнымъ образомъ, ея продукты потребляются не только населеніемъ данной страны, но проникаютъ во всѣ уголки земного шара.

На мѣсто старыхъ потребностей, удовлетворявшихся продуктами національнаго производства, нарождаются новыя, требующія для своего удовлетворенія продуктовъ самыхъ отдаленныхъ странъ и самыхъ разнообразныхъ климатовъ. Въмѣсто старой національной изолированности, когда каждая страна удовлетворяла сама всѣ свои потребности, развивается міровая торговля, взаимная зависимость всѣхъ націй. Съ произведеніями умственнаго труда происходитъ то же, что и съ продуктами труда матеріальнаго. Произведенія духовной дѣятельности данной націи становятся общей собственностью. Національная исключительность и самобытность становятся со дня на день все болѣе и болѣе невозможными; множество національныхъ и мѣстныхъ литературъ сливаются въ одну общую всемірную литературу.

Благодаря быстрому развитію орудій производства и путей сообщенія, буржуазія вовлекаетъ въ потокъ цивилизаціи всѣ, даже самые варварскіе народы. Дешевизна ея продуктовъ является ея тяжелой артиллеріей, съ помощью которой она пробиваетъ бреши во всякихъ китайскихъ стѣнахъ и принуждаетъ къ капитуляціи даже наиболѣе враждебныхъ къ иностранцамъ варваровъ. Подъ страхомъ смерти она принуждаетъ всѣ народы принять буржуазный способъ производства. Словомъ, она перестраиваетъ весь міръ на свой образецъ.

Буржуазія подчинила деревню городу. Она создала огромные города; она въ громадной степени увеличила городское населеніе на счетъ деревенскаго и тѣмъ избавила большую часть населенія отъ идиотизма деревенской жизни. Подчиняя деревню городу, варварскіе или полудивилизованные народы — цивилизованнымъ, она въ то же время подчиняла земледѣльческія страны промышленнымъ, Востокъ—Западу.

Буржуазія все сильнѣе и сильнѣе уничтожаетъ раздробленіе средствъ производства, собственности и населенія. Она увеличила плотность населенія, централизовала средства производства и концентрировала собственность въ рукахъ немногихъ индивидовъ. Фатальнымъ результатомъ этихъ измѣненій была также централизація политическая. Независимыя провинціи, связанные одна съ другой федеральными узами, но имѣющія различныя интересы, законы, правительства и таможенныя пошлины, слились въ одну націю, съ однимъ правительствомъ, общими законами, общимъ таможеннымъ тарифомъ и однимъ національнымъ классовымъ интересомъ.

Съ того времени, какъ буржуазія достигла господства, прошло два сто лѣтъ, а между тѣмъ она создала болѣе разнообразныя и болѣе колоссальныя производительныя силы, чѣмъ всѣ предшествующія поколѣнія, вмѣстѣ взятая. Подчиненіе человѣческой власти силъ природы, машинъ, приложеніе химіи къ промышленности и земледѣлію, изобрѣтеніе пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, электрической телеграфъ, вовлеченіе въ обработку цѣлыхъ частей свѣта, проведеніе каналовъ между рѣками, появленіе цѣлыхъ народовъ, выросшихъ какъ бы изъ-подъ земли по знаку волшебнаго жезла, — въ какомъ изъ предыдущихъ вѣковъ можно было бы предполагать, что общественные трудъ таить въ себѣ такого рода производительныя силы?

Итакъ, къ какимъ выводамъ мы приходимъ? Средства производства и обмѣна, давшія почву для развитія буржуазіи, были созданы въ нѣдрахъ феодальнаго общества. На извѣстной ступени развитія этихъ средствъ производства и обмѣна, условія, при которыхъ феодальное общество производило и обмѣнивало свои продукты, т. е. феодальная организація промышленности и мануфактуры, словомъ, феодальныя отношенія производства оказались несовмѣстимыми съ вновь народившимися производительными силами. Они не только перестали содѣйствовать развитію производства, но даже стали его задерживать. Они стали его цѣпами. Эти цѣпи нужно было разбить, и они были разбиты. На ихъ мѣсто водворилась свободная конкуренція съ соотвѣтствующимъ ей общественнымъ и политическимъ строемъ, при которомъ политическое и экономическое господство попало въ руки буржуазіи.

На нашихъ глазахъ происходитъ теперь подобное же явленіе Современное буржуазное общество, создавшее столь могущественныя средства производства и обмѣна, подобно магу, не умѣющему справиться съ вызванными имъ же самимъ подземными силами. Въ теченіе, по крайней мѣрѣ, трехъ послѣднихъ десятилѣтій исторія промышленности и торговли представляетъ собою исторію возмущенія производительныхъ силъ противъ современной организаціи производства, противъ отношеній собственности, которыя являются условіемъ существованія для буржуазіи и ея господства. Достаточно упомянуть объ однихъ торговыхъ кризисахъ, которые періодически повторяются и все болѣе и болѣе угрожаютъ самому существованію буржуазнаго общества. Каждый кризисъ систематически уничтожаетъ не только массу уже созданныхъ продуктовъ, но и значительную часть самихъ производительныхъ силъ. Общество поражаетъ эпидемія, которая показала бы нелѣпостью въ всякую другую историческую

эпоху, — эпидемія перепроизводства. Общество вдругъ возвращается къ состоянію варварства; можно было бы предположить, что голодъ или истребительная война лишили его всѣхъ средствъ къ существованію; кажется, будто вся его промышленность и торговля окончательно погибли. А почему? Потому, что общество обладаетъ излишкомъ цивилизаціи, избыткомъ средствъ къ существованію, излишне развитою промышленностью и торговлей. Производительныя силы, которыми оно располагаетъ, уже не только не способствуютъ развитію буржуазныхъ отношеній собственности, но, напротивъ, стали слишкомъ могучи для этихъ отношеній, которыя для нихъ превращаются въ путы; и всякій разъ, когда общественнымъ производительнымъ силамъ удастся освободиться отъ этихъ путъ, это освобожденіе сопровождается потрясеніемъ всего общественного строя и угрожаетъ существованію буржуазной собственности. Буржуазный строй оказывается слишкомъ тѣснымъ для того, чтобы вмѣстить богатства, созданныя въ его же нѣдрахъ.

Какимъ же образомъ буржуазія преодолеваетъ эти кризисы? Съ одной стороны, путемъ насильственнаго уничтоженія цѣлой массы производительныхъ силъ; съ другой стороны, путемъ завоеванія новыхъ рынковъ и болѣе совершенной эксплуатаціи старыхъ. Иными словами, она создаетъ предпосылки новыхъ кризисовъ, еще болѣе всеобщихъ и грозныхъ, и уменьшаетъ возможность предотвращать ихъ.

Оружіе, которымъ воспользовалась буржуазія для того, чтобы убить феодализмъ, обращается теперь противъ самой буржуазіи.

Но буржуазія не только выковала оружіе, которое должно нанести ей смертельный ударъ; она создала также и людей, которые направятъ это оружіе, именно, современныхъ рабочихъ, пролетаріевъ.

Развитіе буржуазіи, т. е. капитала, сопровождается развитіемъ пролетаріата, класса современныхъ рабочихъ, которые могутъ поддерживать свое существованіе только тогда, когда находятъ себѣ работу, но которые лишаются ея, какъ только перестаютъ увеличивать своимъ трудомъ капиталъ. Рабочіе, вынужденные изо дня въ день продавать себя, являются, подобно всякому другому предмету торговли, товаромъ; поэтому они подвержены всѣмъ случайностямъ конкуренціи, всѣмъ колебаніямъ рынка.

Введеніе машинъ и раздѣленія труда лишило трудъ работника его индивидуальнаго характера, и онъ потерялъ поэтому всю свою привлекательность. Производитель сталъ простымъ придаткомъ машины; отъ него требуется только исполненіе простѣйшихъ однообразныхъ операцій, которымъ онъ научается весьма быстро. Поэтому издержки производства самого рабочаго сводятся почти исключительно къ средствамъ существованія, необходимымъ ему для жизни и продолженія своего рода. А цѣна труда, какъ и всякаго другого товара, равняется издержкамъ его производства. Итакъ, чѣмъ болѣе неприятнымъ становится трудъ, тѣмъ ниже падаетъ заработная плата. Мало того, сумма истрачиваемаго рабочимъ труда, съ развитіемъ машинъ и раздѣленія труда, возрастаетъ, частью благодаря удлиненію рабочаго дня, частью благодаря ускоренію хода машинъ.

Современная индустрія превратила маленькую мастерскую стараго патріархальнаго мастера-ремесленника въ крупную фабрику капиталиста-буржуа. Массы рабочихъ, скученныя на фабрикѣ, организованы на военный ладъ. Въ качествѣ простыхъ солдатъ промышленной арміи, они становятся подъ надзоръ цѣлой іерархіи офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Они не только являются рабами класса буржуазіи и буржуазнаго государства, но ежедневно и

ежечасно порабощаются машиной, надсмотрщикомъ и особенно хозяиномъ фабрики. И чѣмъ откровеннѣе провозглашаетъ этотъ деспотизмъ своею единственной цѣлью барышъ, тѣмъ болѣе становится онъ жаднымъ, ненавистнымъ и раздражающимъ.

Чѣмъ менѣе сноровки и силы требуютъ трудъ, т. е. чѣмъ далѣе идетъ впередъ современная промышленность, тѣмъ болѣе мужской трудъ вытѣсняется женскимъ. Различія пола и возраста теряютъ для рабочаго класса всякое общественное значеніе. Рабочій превращается въ простое орудіе труда, цѣна котораго измѣняется въ зависимости отъ возраста и пола.

Когда фабрикантъ выжметъ все, что можно, изъ рабочаго, и послѣдній получить свою заработную плату, онъ дѣлается добычей другихъ элементовъ изъ среды буржуазіи—лавочника, домовладѣльца, ростовщика и пр.

Мелкая буржуазія, мелкіе промышленники, купцы и рантье, ремесленники и крестьяне низвергаются въ ряды пролетаріата, частью потому, что ихъ мелкіе капиталы недостаточны для организаціи производства въ крупныхъ размѣрахъ, такъ что они не могутъ выдержать конкуренціи съ крупными капиталистами; частью же потому, что ихъ специальная сноровка обезцѣнивается новыми способами производства. Такимъ образомъ, пролетаріатъ рекрутируется во всѣхъ классахъ населенія

Пролетаріатъ проходитъ различныя фазы развитія. Его борьба противъ буржуазіи начинается со дня его появленія на свѣтъ.

Сначала борьба ведется поодиночкѣ каждымъ отдѣльнымъ рабочимъ, затѣмъ—рабочими одной и той же фабрики, наконецъ—рабочими одной и той же профессіи, въ данной мѣстности,—противъ того буржуа, который непосредственно ихъ эксплуатируетъ. Они направляютъ свою борьбу не только противъ буржуазныхъ отношеній

производства, но и противъ самыхъ орудій производства; они уничтожаютъ заграничные товары, съ которыми имъ приходится конкурировать, разбиваютъ машины, поджигаютъ фабрики и стараются отвоевать назадъ потерянную позицію средневѣковаго ремесленника.

На этой ступени развитія пролетаріатъ представляетъ собой несвязную массу, разсѣянную по всей странѣ и разъединенную конкуренціей. Если рабочіе иногда объединяются, чтобы дѣйствовать сплоченной массой, то это является результатомъ не ихъ самостоятельнаго объединенія, но объединенія буржуазіи, которая для достиженія своихъ политическихъ цѣлей должна приводить въ движеніе весь пролетаріатъ, и которой въ данный моментъ это можетъ еще удаваться. На этой ступени развитія рабочіе сражаются еще не со своими собственными врагами, но съ врагами своихъ враговъ, т. е. съ остатками абсолютной монархіи, поземельными собственниками, непромышленными буржуа, мелкими буржуа. Все историческое движеніе концентрируется, такимъ образомъ, въ рукахъ буржуазіи; каждая побѣда, одерживаемая при этихъ условіяхъ, есть побѣда буржуазіи.

Между тѣмъ, съ развитіемъ промышленности, пролетаріатъ не только численно растетъ, но и концентрируется въ болѣе значительныхъ массахъ; растетъ сила пролетаріевъ, и они начинаютъ сознавать эту силу. Интересы и условія существованія пролетаріевъ все болѣе и болѣе выравниваются, по мѣрѣ того какъ машина сглаживаетъ всякія различія разныхъ видовъ труда и приводитъ заработную плату почти повсюду къ одинаково низкому уровню. Вслѣдствіе все усиливающейся конкуренціи между самими буржуа и порождаемыхъ ею торговыхъ кризисовъ, заработокъ становится все болѣе и болѣе невѣрнымъ; непрерывное совершенствованіе машинъ дѣлаетъ положеніе рабочаго все болѣе и болѣе шаткимъ; индивидуальныя

столкновения между рабочимъ и буржуа принимаютъ все въ большей и большей степени характеръ столкновений между двумя классами. Рабочіе начинаютъ образовывать коалиціи для борьбы противъ буржуа съ цѣлью поддержанія даннаго уровня заработной платы. Они доходятъ даже до образованія постоянныхъ ассоціаций, предвидя эту случайную борьбу. Мѣстами борьба эта переходитъ въ открытыя возстанія.

Иногда рабочимъ удастся одержать побѣду, но эта побѣда бываетъ эфемерна. Дѣйствительнымъ результатомъ ихъ борьбы является не столько непосредственный успѣхъ, сколько ростъ солидарности рабочихъ. Укрѣпленію чувства солидарности способствуетъ усовершенствованіе путей сообщенія, позволяющее рабочимъ различныхъ областей завязывать сношенія другъ съ другомъ. А одного простого соприкосновенія бываетъ уже достаточно для того, чтобы превратить борьбу рабочихъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, повсюду имѣющую одинъ и тотъ же видъ, въ національную борьбу, въ борьбу классовую. Но всякая классовая борьба есть борьба политическая. И то объединеніе, которое создавалось средневѣковой буржуазіей, имѣвшей въ своемъ распоряженіи лишь проселочныя дороги, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, совершается современными пролетаріями, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, за нѣсколько лѣтъ.

Организація пролетаріата въ классъ, а слѣдовательно и въ политическую партію, безпрестанно разрушается конкуренціей, возникающей между самими рабочими. Но она возрождается снова, каждый разъ въ болѣе сильной, болѣе прочной и болѣе грозной формѣ. Эта организація рабочихъ пользуется внутренними раздорами въ средѣ буржуазіи, чтобы вынудить ее къ признанію извѣстныхъ интересовъ рабочаго класса со стороны за-

кона; такъ возникъ, напр., законъ о десятичасовомъ рабочемъ днѣ въ Англии.

Вообще, раздоры внутри стараго общества во многихъ отношеніяхъ благопріятствуютъ развитію пролетаріата. Буржуазія ведетъ постоянную войну, сначала противъ аристократіи, потомъ противъ той части буржуазіи, интересы которой стоятъ на пути промышленному прогрессу; наконецъ, она ведетъ непрерывную войну противъ чужеземной буржуазіи. Каждая изъ этихъ формъ борьбы вынуждаетъ ее обращаться къ пролетариату, пользоваться его содѣйствіемъ и вовлекать его въ политическое движеніе; такимъ образомъ, буржуазія снабжаетъ пролетаріатъ элементами своего собственнаго воспитанія, т. е. даетъ ему въ руки оружіе противъ самой себя.

Мало того, какъ мы только что видѣли, съ развитіемъ крупной промышленности цѣлые слои господствующаго класса толкаются въ ряды пролетаріата или, по крайней мѣрѣ, подвергаются опасности лишиться своего положенія. И они также вносятъ въ среду пролетаріата многочисленные элементы прогресса.

Наконецъ, въ тотъ моментъ, когда борьба классовъ приближается къ своему рѣшительному часу, процессъ разложенія охватываетъ цѣликомъ весь господствующій общественный классъ и достигаетъ такой силы и до такой степени обостряется, что часть господствующаго класса откалывается отъ него и присоединяется къ возставшему классу, несущему знамя будущаго. Такъ нѣкогда часть дворянства стала на сторону буржуазіи, и точно такъ-же въ наши дни часть буржуазіи примыкаетъ къ пролетариату; таковы буржуазные идеологи, которымъ удалось дойти до теоретическаго пониманія общаго хода историческаго развитія. Изъ всѣхъ классовъ, которые въ настоящее время противостоятъ буржуазіи, только пролетариатъ дѣйствительно стремится къ коренному перево-

роту. Всѣмъ прочимъ классамъ крупная промышленность угрожаетъ смертью, и съ ея развитіемъ они погибаютъ; пролетаріатъ же, напротивъ, является именно ея дѣтищемъ.

Средніе слои, какъ-то: мелкіе фабриканты, мелочные торговцы и крестьяне, борются противъ буржуазіи, такъ какъ она угрожаетъ ихъ существованію въ качествѣ мелкихъ слоевъ. Поэтому они не революціонны, но консервативны; мало того, они реакціонны; они хотятъ повернуть назадъ исторію; если ихъ дѣятельность иногда получаетъ прогрессивное значеніе, то лишь постольку, поскольку имъ угрожаетъ переходъ въ ряды пролетаріата, т. е. поскольку они защищаютъ свои будущіе интересы, а не настоящіе, поскольку они оставляютъ свою собственную точку зрѣнія и становятся на точку зрѣнія пролетаріата.

«Пролетаріатъ босакъ» или люмпенпролетаріатъ (Lumpenproletariat) большихъ городовъ, этотъ пассивный продуктъ гніенія, эти подонки самыхъ низшихъ слоевъ общества, кое-гдѣ вовлекается въ пролетарское движеніе, хотя условія его существованія предрасполагаютъ его скорѣе продаваться реакціи.

Условія существованія пролетаріата въ настоящее время не имѣютъ уже ничего общаго съ условіями существованія стараго общества. Пролетарій не имѣетъ собственности; его семейныя отношенія въ корнѣ отличны отъ тѣхъ, которыя господствуютъ въ буржуазной семьѣ. Современный промышленный трудъ, сопровождаемый одинаково повсюду—во Франціи, Англии, Америкѣ или Германіи—порабощеніемъ рабочаго капиталомъ, уничтожаетъ всякія національныя отличія пролетаріевъ. Законы, мораль и религія является для него лишь буржуазными предразсудками, прикрывающими буржуазные интересы.

Всѣ прежніе общественные классы, добившись господства, старались упрочить свое положеніе, распространяя свой собственный способъ присвоенія на все общество. Пролетаріи же могутъ овладѣть общественными производительными силами лишь тогда, когда они уничтожатъ свой собственный способъ присвоенія, который господствуетъ въ современномъ обществѣ. Пролетаріямъ нечего упрочивать; они должны, напротивъ, разрушить всѣ упрочившіеся способы частнаго обогащенія и частнаго обезпеченія.

Всѣ предшествующія историческія движенія совершались меньшинствомъ и преслѣдовали интересы меньшинства. Пролетарское же движеніе есть движеніе огромнаго большинства и въ интересахъ огромнаго большинства. Пролетаріатъ, самый низшій слой современнаго общества, можетъ подняться и выпрямиться лишь путемъ кореннаго переустройства оффиціального общества.

Хотя борьба пролетаріата противъ буржуазіи, по своей сущности, не есть борьба національная, однако она вначалѣ принимаетъ національныя формы. Само собою понятно, что пролетаріатъ каждой страны долженъ прежде всего покопчить со своей собственной буржуазіей.

Всѣ существовавшія до сихъ поръ формы общественнаго строя, какъ мы видѣли, покоились на антагонизмѣ угнетающаго и угнетаемаго класса. Но чтобы угнетать какой-либо классъ, необходимо, по крайней мѣрѣ, обезпечить ему такія условія существованія, которыя позволяли бы ему жить въ рабствѣ. Въ цвѣтущую эпоху феодализма крѣпостному удавалось сдѣлаться гражданиномъ городской общины, а эмбріональный буржуа среднихъ вѣковъ сдѣлался настоящимъ буржуа подъ игомъ феодальнаго абсолютизма. Современный рабочій, напротивъ, не только не возвышается съ прогрессомъ промышленности, но все ниже и ниже опускается, опу-

скается даже ниже жизненнаго уровня всего собственнаго класса. Рабочій впадаетъ въ нищету, нищета растетъ еще быстрѣе, тѣмъ населеніе и богатство. Такимъ образомъ, становится очевиднымъ, что буржуазія неспособна выполнять роль правящаго класса и возводить условія своего классовою существованія въ высшій законъ, управляющій всѣмъ обществомъ. Она не можетъ править потому, что неспособна обезпечить существованіе своему рабу, даже въ условіяхъ его подневольной жизни, потому, что она заставляетъ его опуститься до такого положенія, при которомъ ей самой приходится кормить его, а не кормиться отъ него. Общество не можетъ болѣе существовать подъ господствомъ буржуазіи, иными словами, ея существованіе несовмѣстимо болѣе съ существованіемъ общества.

Существеннѣйшимъ условіемъ существованія класса буржуазіи и его господства является накопленіе богатства въ рукахъ частныхъ лицъ, образованіе и возрастаніе капитала; а капиталъ не можетъ существовать безъ наемнаго труда; но самый фактъ существованія наемнаго труда возможенъ лишь при господствѣ конкуренціи въ средѣ рабочихъ. Прогрессъ промышленности, пассивнымъ и бессознательнымъ агентомъ котораго является буржуазія, ставитъ на мѣсто разъединенія рабочихъ посредствомъ конкуренціи ихъ объединеніе съ помощью ассоціаціи. Такимъ образомъ, съ развитіемъ крупной промышленности, у буржуазіи ускользаетъ изъ подъ ногъ та почва, на которой зиждутся ея отношенія производства и способъ присвоенія.

Буржуазія производитъ прежде всего своихъ собственныхъ могильщиковъ. Ея поражение и побѣда пролетаріата одинаково неизбѣжны.

II. Пролетаріи и коммунисты.

Какое положеніе занимаютъ коммунисты по отношенію къ пролетаріямъ вообще?

Коммунисты не составляютъ особой партіи, въ противовѣсъ другимъ рабочимъ партіямъ.

У нихъ нѣтъ интересовъ, отличныхъ отъ интересовъ всего пролетаріата.

Они не провозглашаютъ сектантскихъ принциповъ, съ которыми они хотѣли бы собразовать рабочее движеніе.

Они отличаются отъ другихъ рабочихъ партій только въ двухъ отношеніяхъ: 1) въ разнородной національной борьбѣ они выдвигаютъ на первый планъ общіе интересы всего пролетаріата; 2) въ различныя фазы борьбы между пролетаріями и буржуа они всегда и повсюду являются представителями общихъ интересовъ движенія.

На практикѣ коммунисты представляютъ самую рѣшительную, самую передовую часть рабочихъ партій во всякой странѣ, ту часть, которая воодушевляетъ всѣхъ другія; теоретически же они имѣютъ передъ остальной частью пролетаріевъ то преимущество, что ясно сознаютъ условія, ходъ и общія цѣли пролетарскаго движенія.

Непосредственная цѣль коммунистовъ—та же, что и всѣхъ прочихъ фракцій пролетаріата: организація пролетаріевъ въ классовую партію, лишеніе буржуазіи господства, приобрѣтеніе пролетаріатомъ политической власти.

Основаніемъ теоретическихъ положеній коммунистовъ отнюдь не служатъ какіе-нибудь идеи или принципы, изобрѣтенные или открытые тѣмъ или инымъ реформаторомъ міра.

Они являются лишь обобщеніемъ реальныхъ условій происходящей передъ нами классовой борьбы, развиваю-

щагося па нашихъ глазахъ историческаго движенія. Стремленіе къ уничтоженію существовавшихъ донинѣ отношеній собственности отнюдь не представляетъ отличительной черты коммунизма.

Отношенія собственности постоянно подвергались измѣненіямъ, постоянно претерпѣвали историческія превращенія.

Такъ напримѣръ, французская революцію уничтожила феодальную собственность, чтобы дать просторъ развитію собственности буржуазной.

Отличительной чертой коммунизма является не уничтоженіе собственности вообще, но только буржуазной собственности.

Но современная частная собственность, собственность буржуазная, есть послѣднее и самое совершенное выраженіе способа производства и присвоенія, основаннаго на антагонизмѣ классовъ, на эксплуатаціи чловѣка чловѣкомъ.

Въ этомъ смыслѣ коллективисты могутъ формулировать свою теорію въ слѣдующемъ положеніи: уничтоженіе *частной собственности*.

Коммунистовъ упрекали въ томъ, что они хотятъ уничтожить личную собственность, пріобрѣтенную съ помощью упорнаго труда, собственность, которую объявляютъ основой всякой свободы, самодѣятельности и личной независимости.

Личная собственность, плодъ личнаго труда! Имѣете ли вы при этомъ въ виду собственность мелкаго буржуа, мелкаго крестьянина, — форму собственности, предшествовавшую собственности буржуазной? Намъ нѣтъ надобности уничтожать ее, промышленный прогрессъ уже уничтожилъ ее, либо уничтожаетъ непрерывно. Или же вы имѣете въ виду частную собственность, современную буржуазную собственность?

Но развѣ трудъ наемаго рабочаго, пролетарія, приноситъ ему собственность? Никоимъ образомъ. Онъ создаетъ капиталъ, т. е. такую собственность, которая эксплуатируетъ наемный трудъ и которая можетъ возрастать, только снова создавая наемный трудъ, чтобы снова и снова его эксплуатировать. Въ современномъ видѣ отношенія собственности несутъ на себѣ печать противоположности между капиталомъ и трудомъ. Разсмотримъ обѣ стороны этой промышленности.

Быть капиталистомъ значить не только занимать извѣстнаго рода личное положеніе, но и играть общественную роль въ системѣ производства. Капиталъ есть продуктъ коллективнаго труда; онъ можетъ быть приведенъ въ движеніе только совокупными усиліями многихъ членовъ общества, и даже, въ концѣ концовъ, всѣхъ членовъ общества.

Итакъ, капиталъ является силой не личнаго характера, но общественнаго.

Тогда, когда капиталъ превратится въ общественную собственность, принадлежащую всѣмъ членамъ общества, такое превращеніе произойдетъ совсѣмъ не съ личной собственностью. Измѣнится только общественный характеръ собственности. Она потеряетъ нынѣшній характеръ собственности классовой.

Перейдемъ къ наемному труду.

Средняя цѣна наемнаго труда есть минимумъ заработной платы, то-есть та сумма средствъ къ существованію, которая необходима для поддержанія жизни рабочаго. Слѣдовательно, рабочій пріобрѣтаетъ своимъ личнымъ трудомъ какъ разъ то, что ему необходимо для поддержанія своего жалкаго существованія и для продолженія своего рода.

Мы совсѣмъ не намѣрены уничтожать такого рода личное присвоеніе продуктовъ труда, необходимыхъ для

поддержанія и воспроизведенія человѣческой жизни, ибо это присвоеніе не приноситъ никакого чистаго дохода, дающаго власть надъ трудомъ другого лица. Мы хотимъ только уничтожить нежелательный характеръ этого присвоенія, благодаря которому рабочій живетъ только ради того, чтобы увеличивать капиталъ, и живетъ только до тѣхъ поръ, пока этого требуютъ интересы господствующаго класса.

Въ буржуазномъ обществѣ живой трудъ представляеть только средство къ увеличенію накопленнаго труда. Въ обществѣ коммунистическомъ накопленный трудъ является только средствомъ къ тому, чтобы сдѣлать человѣческое существованіе болѣе содержательнымъ, богатымъ и красивымъ.

Въ буржуазномъ обществѣ прошедшее господствуетъ надъ настоящимъ, въ обществѣ коммунистическомъ настоящее господствуетъ надъ прошедшимъ. Въ буржуазномъ обществѣ капиталъ обладаетъ независимостью и самъ какъ-бы является особой индивидуальностью, между тѣмъ какъ трудящійся индивидуумъ находится въ зависимости и лишенъ личной самобытности.

И вотъ уничтоженіе такого положенія вещей буржуазія называетъ уничтоженіемъ индивидуальности и свободы. И она права, такъ какъ дѣло идетъ дѣйствительно объ уничтоженіи буржуазной индивидуальности, буржуазной независимости и буржуазной свободы.

Подъ свободой, при существующихъ условіяхъ буржуазнаго производства, понимается свобода торговли, свобода купли-продажи.

Но съ исчезновеніемъ торговли исчезнетъ и свобода торговли. Красивыя слова въ пользу свободы торговли, равно какъ и весь шарлатанскій либерализмъ нашихъ буржуа, вообще имѣютъ смыслъ лишь постольку, поскольку они направлены противъ ограниченія торговли,

противъ средневѣковыхъ условій, поработающихъ буржуазію, но они лишаются всякаго смысла, какъ только заходитъ рѣчь объ уничтоженіи въ коммунистическомъ обществѣ торговли, буржуазныхъ производственныхъ отношеній и самой буржуазіи.

Вы приходите въ ужасъ отъ того, что мы хотимъ уничтожить частную собственность. Но въ вашемъ обществѣ она уже уничтожена для девяти десятыхъ его членовъ. А для васъ она существуетъ именно потому, что не существуетъ для этихъ девяти десятыхъ. Итакъ, вы ставите намъ въ упрекъ наше желаніе уничтожить собственность, которая возможна лишь при условіи отсутствія всякой собственности у огромнаго большинства членовъ общества.

Словомъ, вы обвиняете насъ въ томъ, что мы хотимъ уничтожить вашу собственность. Да, мы намѣрены сдѣлать это.

Когда трудъ нельзя будетъ превращать въ капиталъ, въ деньги, въ поземельную собственность, словомъ, въ такую социальную силу, которая можетъ быть монополизирована, иными словами, когда личную собственность нельзя будетъ превращать въ собственность буржуазную, — тогда, утверждаете вы, будетъ подавлена человѣческая личность.

Итакъ, вы сами сознаетесь, что подъ человѣческою личностью вы понимаете только буржуа, только собственника. Да, такая личность безспорно будетъ подавлена.

Коммунизмъ не лишитъ никого возможности присваивать себѣ свою долю продуктовъ общественнаго труда, онъ отниметъ лишь возможность поработать себѣ, съ помощью этой доли, трудъ другого лица.

Попадались еще такого рода возраженія, что съ уничтоженіемъ частной собственности исчезнетъ всякая трудовая дѣятельность и наступитъ царство поголовной лѣни.

Еслибы это было такъ, то буржуазное общество уже давно должно было бы погибнуть отъ праздности, такъ какъ въ немъ тѣ, которые работаютъ, ничего не приобрѣтаютъ, а тѣ, которые приобрѣтаютъ, не работаютъ.

Всѣ эти возраженія сводятся къ слѣдующей тавтологіи: тамъ, гдѣ не будетъ капитала, не будетъ и наемнаго труда.

Всѣ возраженія, приводимыя противъ коммунистическаго способа производства и присвоенія матеріальныхъ продуктовъ, выдвигаются также и противъ производства и распредѣленія продуктовъ духовнаго творчества. Какъ мы видѣли, уничтоженіе классовой собственности означаетъ для буржуа уничтоженіе всякой собственности; точно также уничтоженіе современной духовной культуры, культуры классовой, кажется ему уничтоженіемъ всякой культуры вообще.

Культура, гибель которой онъ оплакиваетъ, является для огромнаго большинства населенія только дорогой къ превращенію въ машину.

Но не спорьте же съ нами, прилагая къ уничтоженію частной собственности мѣрку, пригодную для вашихъ буржуазныхъ понятій о свободѣ, культурѣ, правѣ и проч. Ваши понятія сами являются продуктами буржуазныхъ производственныхъ и имущественныхъ отношеній, подобно тому, какъ ваше право есть воля вашего класса, возведенная въ законъ, — воля, содержаніе которой опредѣляется матеріальными условіями существованія вашего класса.

Возводя въ вѣчные законы природы и разума общественныя отношенія, порожденныя вашимъ способомъ производства, — преходящія общественныя отношенія, которыя создаются и уничтожаются развитіемъ производства, — вы обнаруживаете пристрастіе, общее всѣмъ

классамъ, которые когда-то господствовали, а теперь исчезли. Что вы находите вполне естественнымъ для античной или феодальной собственности, того вы не хотите допустить по отношенію къ собственности буржуазной.

Уничтоженіе семьи! Даже самые радикальные господа возмущаются этимъ гнуснымъ намѣреніемъ коммунистивистовъ.

Но какова основа современной буржуазной семьи? Капиталь, промышленная прибыль. Только буржуазія можетъ пользоваться всеми благами семейной жизни; но дополненіемъ этой буржуазной семьи является вынужденный отказъ отъ семьи со стороны пролетарія и открытая проституція.

Буржуазная семья, конечно, исчезнетъ съ исчезновеніемъ ея необходимаго дополненія, а то и другое исчезнетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ капитала.

Вы ставите намъ въ упрекъ еще то, что мы желаемъ положить конецъ эксплуатаціи дѣтей ихъ родителями? Да, мы сознаемся въ этомъ преступленіи.

Но мы разрушаемъ,—говорите вы,—самыя священные узы, замѣняя семейное воспитаніе общественнымъ.

Но развѣ ваше воспитаніе не опредѣляется общественными условіями, тѣми условіями, при которыхъ вы воспитываете своихъ дѣтей, прямымъ или косвеннымъ вмѣшательствомъ общества въ школьное дѣло и проч.? Вліяніе общества на воспитаніе изобрѣтено не коммунистами; послѣдніе стараются только измѣнить его характеръ и положить конецъ вліянію господствующаго класса на воспитаніе.

Буржуазныя декламаціи о семьѣ и воспитаніи, о сладкихъ узахъ, соединяющихъ дѣтей съ родителями, становятся тѣмъ болѣе отвратительными, чѣмъ полнѣе крупная промышленность вазрушаетъ всѣ семейныя узы

для пролетарія и превращать его дѣтей въ обыкновенные предметы торговли, въ простыя орудія труда.

Но вы, коммунисты, — кричить въ одинъ голосъ вся буржуазія, — хотите ввести общность женъ!

Буржуа видитъ въ своей женѣ простое орудіе производства. Онъ слышалъ, что орудія производства должны стать общою собственностью, и потому естественно дѣлаетъ отсюда тотъ выводъ, что и жены будутъ общими.

Онъ не подозрѣваетъ, что дѣло идетъ какъ разъ о томъ, чтобы отвести женщинѣ иную роль, чѣмъ роль простого орудія производства.

Впрочемъ, нѣтъ ничего смѣшнѣе, чѣмъ тотъ высоко-нравственный ужасъ, который внушаетъ нашимъ буржуа официальная общность женъ, къ которой якобы стремятся коммунисты. Коммунистамъ нѣтъ надобности вводить общность жепъ. Она существовала почти всегда.

Наши буржуа не довольствуются тѣмъ, что имѣютъ въ своемъ распоряженіи женъ и дочерей пролетаріевъ, не говоря уже объ официальной проституціи; они находятъ особенное удовольствіе въ томъ, чтобы развращать женъ другъ у друга.

Буржуазный бракъ является въ дѣйствительности общностью замужнихъ женщинъ. Въ чемъ возможно было бы обвинять коммунистовъ, такъ это въ томъ, что лицемѣрную, замаскированную общность женъ они хотятъ замѣнить открытою, официально признанною. Очевидно, впрочемъ, что съ уничтоженіемъ современныхъ отношеній производства исчезнетъ и ихъ результатъ — общность женъ, т. е. официальная и неофициальная проституція.

Далѣе, коммунистовъ обвиняютъ въ томъ, что они хотятъ уничтожить отечество, народность.

Рабочіе не имѣють отечества. Нельзя отнять у нихъ того, чего у нихъ нѣтъ. Но такъ какъ пролетаріатъ каждой страны долженъ прежде всего завоевать политическую власть, превратиться въ господствующій классъ націи, то поэтому онъ остается еще національнымъ, хотя совсѣмъ не въ буржуазномъ смыслѣ этого слова.

Національныя отличія и національный антагонизмъ и теперь все болѣе и болѣе исчезаютъ по мѣрѣ развитія буржуазіи, свободы торговли и мірового рынка, по мѣрѣ того какъ условія производства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соотвѣтствующія имъ условія существованія, становятся повсемѣстно одинаковыми.

Господство пролетаріата ускоритъ ихъ исчезновеніе. Объединеніе дѣятельности пролетаріата разныхъ странъ, по крайней мѣрѣ, цивилизованныхъ, является однимъ изъ необходимѣйшихъ условій его освобожденія.

Уничтожьте эксплуатацію человѣка человѣкомъ, и вы уничтожите эксплуатацію одной націи другою.

Съ исчезновеніемъ антагонизма классовъ внутри націй, исчезнутъ и враждебныя отношенія одной націи къ другой.

Что касается до обвиненій, выдвигаемыхъ противъ коммунизма съ точки зрѣнія религіи, философіи и идеологіи вообще, то они не заслуживаютъ подробнаго обсужденія.

Нужна ли большая мудрость, чтобы понять, что взгляды, понятія и идеи, словомъ, сознаніе людей измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ ихъ общественныхъ отношеній, ихъ общественнаго бытія?

Чему же учить вся исторія мысли, какъ не тому, что интеллектуальное производство претерпѣваетъ измѣненія параллельно съ измѣненіями производства мате-

ріального? Господствующими идеями данной эпохи всегда были идеи господствующаго класса.

Когда говорятъ объ идеяхъ, революціонизирующихъ все общество, то этимъ указываютъ только на тотъ фактъ, что въ нѣдрахъ стараго общества уже образовались элементы новаго, и что параллельно съ разложениемъ старыхъ общественныхъ отношеній совершается разложеніе старыхъ идей.

Когда древній міръ склонился къ упадку, старыя религіи были побѣждены христіанствомъ; когда христіанскія идеи уступили въ XVIII вѣкѣ мѣсто идеямъ просвѣтительной философіи, феодальное общество давало послѣднюю битву революціонной буржуазіи. Идеи религіозной свободы и свободы совѣсти только провозглашали господство свободной конкуренціи въ области знанія.

«Разумѣется, — скажутъ намъ, — религіозныя, моральныя, философскія, политическія и юридическія понятія измѣнялись въ ходѣ историческаго развитія, но религія, мораль, философія, политика и право всегда сохранялись, несмотря на всѣ эти измѣненія.

«Далѣе, существуютъ вѣчныя истины, какъ то: свобода, справедливость и пр., присущія людямъ при всякомъ социальномъ строѣ. А коммунизмъ уничтожаетъ вѣчныя истины, онъ уничтожаетъ религію и нравственность, вмѣсто того, чтобы возродить ихъ на новомъ основаніи; слѣдовательно, онъ идетъ наперекоръ всему предшествовавшему историческому развитію».

Къ чему же сводится это возраженіе? Исторія всякаго существовавшаго до сихъ поръ общества сводится къ развитію антагонизма классовъ, антагонизма, принимавшаго въ разные эпохи разные формы.

Но, какова бы ни была форма, которую принималъ этотъ антагонизмъ, — эксплуатаціи одной части

общества другою является фактомъ, общимъ всѣмъ предшествовающимъ вѣкамъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что общественное сознание, несмотря на всѣ свои различія и многообразія, всегда вращалось въ извѣстныхъ общихъ формахъ; эти формы сознания исчезнуть окончательно только съ полнымъ исчезновеніемъ антагонизма классовъ.

Коммунистическое преобразование означаетъ самый радикальный разрывъ съ традиционными имущественными отношеніями; и неудивительно, что въ ходѣ своего развитія, оно самымъ рѣшительнымъ образомъ порываетъ со старыми традиционными идеями.

Однако, оставимъ возраженія, выдвигаемыя буржуазіей противъ коммунизма.

Какъ мы уже видѣли выше, первымъ этапомъ пролетарскаго преобразования является конституированіе пролетаріата въ господствующій классъ, завоеваніе демократіей общественной власти.

Пролетаріатъ воспользуется своимъ политическимъ господствомъ для того, чтобы постепенно вырвать изъ рукъ буржуазіи весь капиталъ, концентрировать всѣ средства производства въ рукахъ государства, т. е. организованнаго въ господствующій классъ пролетаріата, и возможно скорѣе увеличить массу производительныхъ силъ.

Разумѣется, это не можетъ быть выполнено вначалѣ иначе, какъ путемъ деспотическихъ посягательствъ на права собственности и на буржуазныя производственныя отношенія, т. е. путемъ такихъ мѣропріятій, которыя, съ экономической точки зрѣнія, должны казаться недостигающими цѣли и невыносимыми, но которыя съ дальнѣйшимъ ходомъ вещей перерастутъ свои собственные рамки, а кромѣ того являются неизбѣжными въ качествѣ средства къ коренному преобразованію способа производства.

Само собой разумѣется, что эти мѣропріятія будутъ въ различныхъ странахъ различны.

Однако, въ наиболѣе передовыхъ странахъ могутъ быть приняты въ общемъ слѣдующія мѣры:

1) Экспропріація поземельной собственности и конфискація земельной ренты въ пользу государства.

2) Прогрессивно-подоходный налогъ, въ сильной степени возрастающій для крупныхъ состояній.

3) Уничтоженіе права наслѣдства.

4) Конфискація собственности всѣхъ эмигрантовъ и повстанцевъ.

5) Централизація кредита въ рукахъ государства въ формѣ національнаго банка съ государственнымъ капиталомъ, — банка, обладающаго исключительной монополіей.

6) Централизація въ рукахъ государства всѣхъ путей сообщенія.

7) Увеличеніе числа государственныхъ фабрикъ и орудій производства, обработка невоздѣланныхъ земель и амеліорація воздѣланныхъ, производимыя по одному общему плану.

8) Обязательность труда для всѣхъ, организація промышленныхъ армій, въ частности для земледѣлія.

9) Соединеніе промышленнаго труда съ земледѣльческимъ, мѣропріятія въ видахъ уничтоженія различія между городомъ и деревней.

10) Даровое общественное воспитаніе всѣхъ дѣтей, воспрещеніе дѣтскаго труда на фабрикахъ въ его нынѣшней формѣ. Соединеніе воспитанія съ матеріальнымъ производствомъ, и пр., и пр.

Когда классовыя отличія съ дальнѣйшимъ ходомъ развитія уничтожатся, и все производство будетъ концентрировано въ рукахъ ассоціированныхъ индивидовъ, тогда исчезнетъ и политическій характеръ общественной

власти. Политическая власть есть, собственно говоря, власть, организованная однимъ классомъ для угнетенія другихъ. Если пролетаріатъ въ своей борьбѣ противъ буржуазіи организуется въ классъ, достигнетъ классоваго господства и, въ качествѣ господствующаго класса, уничтожитъ старыя производственныя отношенія, то вмѣстѣ съ этими производственными отношеніями онъ уничтожитъ также и условія существованія антагонизма классовъ, уничтожитъ самые классы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое собственное классовое господство.

Мѣсто стараго буржуазнаго общества, съ его классами и ихъ антагонизмомъ, займетъ ассоціація, въ которой свободное развитіе каждаго явится условіемъ свободного развитія всѣхъ.

Ш. Соціалистическая и коммунистическая литература.

1. Реакціонный соціализмъ.

А. Феодальный соціализмъ.

По своему историческому положенію французская и англійская аристократія были какъ бы призваны къ тому, чтобы писать памфлеты противъ современнаго буржуазнаго общества. Во время французской революціи 1830 г. и англійскаго движенія въ пользу реформы, аристократія эта еще разъ была побѣждена ударами ненавистнаго ей выскочки. Съ этой минуты для нея не могло быть и рѣчи о серьезной политической борьбѣ; на ея долю осталась лишь борьба литературная. Но даже и въ чисто литературной сферѣ фразеологія времени реставраціи стала уже невозможной. Чтобы завоевать себѣ симпатіи, аристократія было необходимо сдѣлать видъ, будто она отказывается отъ своихъ собственныхъ интересовъ и

направляетъ свой обвинительный актъ противъ буржуазіи исключительно для защиты интересовъ эксплуатируемаго рабочаго класса. Такимъ образомъ, она находила себѣ удовлетвореніе въ томъ, что сочиняла сатирическіе куплеты о своемъ новомъ господинѣ и нашептывала ему на ухо пророчества о великихъ бѣдствіяхъ.

Таково было происхожденіе феодальнаго социализма, этой смѣси іереміадъ съ пасквилями, отголосковъ прошедшаго и младенческаго лепета будущаго. Если порою его ѣдкая и остроумная критика поражаетъ буржуазію въ самое сердце, то его абсолютная неспособность понять ходъ новѣйшей исторіи всегда дѣлаетъ его въ концѣ концовъ смѣшнымъ.

Чтобы привлечь къ себѣ народъ, эти господа выбрали себѣ знаменемъ нищенскую суму; но какъ только народъ начиналъ собираться подъ это знамя, онъ тотчасъ замѣчалъ, что у этихъ знаменосцевъ спины украшены старыми феодальными гербами, и онъ тотчасъ же покидалъ это знамя съ громкимъ и непочтительнымъ смѣхомъ.

Такого рода веселый спектакль дали всему міру часть французскихъ легитимистовъ и «молодая Англія».

Когда ратоборцы феодализма доказываютъ, что феодальный способъ эксплуатаціи былъ отличенъ отъ буржуазнаго, то они забываютъ только объ одномъ, именно, что тогда эксплуатація производилась при другихъ условіяхъ, совершенно отличныхъ отъ нынѣшнихъ и теперь уже отжившихъ. Когда они указываютъ на то, что въ эпоху феодализма современнаго пролетаріата не было, они забываютъ, что буржуазія была необходимымъ отпрыскомъ феодальнаго общества.

Впрочемъ, они и сами мало скрываютъ реакціонный характеръ своей критики, что явствуетъ уже изъ кардинальнаго обвиненія, которое они выдвигаютъ про-

тивъ буржуазіи: они обвиняютъ ее какъ разъ въ томъ, что при ея господствѣ развился классъ, который низвергнетъ старый социальный строй.

Они ставятъ въ вину буржуазіи не столько то обстоятельство, что она создала пролетаріатъ вообще, какъ то, что она создала революціонный пролетаріатъ.

Поэтому въ политической дѣятельности они принимаютъ активное участіе во всѣхъ насильственныхъ мѣропріятіяхъ противъ рабочаго класса. А въ повседневной жизни они, несмотря на свой высокій штиль, умѣютъ унижаться и подхватывать золотыя яблоки, умѣютъ также мѣнять всѣ свои рыцарскія доблести, честь, любовь и вѣрность на овечью шерсть, свекловицу и водку.

Подобно тому, какъ нѣкогда попъ шелъ рядомъ съ феодальнымъ сеньеромъ, такъ и теперь клерикальный поповскій социализмъ идетъ рука объ руку съ феодальнымъ.

Нѣтъ ничего легче, какъ покрыть социалистическимъ флеромъ христіанскій аскетизмъ. Развѣ христіанство не возставало противъ частной собственности, брака и государства? Развѣ оно не проповѣдывало милосердія и отказа отъ богатствъ, безбрачія и умерщвленія плоти, монашеской жизни и отказа отъ міра ради церкви? Христіанскій социализмъ—не что иное, какъ святая вода, которою попъ кропитъ недовольство аристократа.

В. Мелкобуржуазный социализмъ.

Феодальная аристократія—не единственный классъ, сокрушенный буржуазіей, не единственный классъ, условія существованія котораго все болѣе и болѣе ухудшаются въ современномъ буржуазномъ обществѣ. Средневѣковая мелкая буржуазія и мелкое крестьянство были предшественниками современной буржуазіи. Въ странахъ съ мало развитою промышленностью и торговлей этотъ классъ

продолжаетъ еще прозябать бокъ-о-бокъ съ развивающеюся буржуазіей.

Въ странахъ, гдѣ современная цивилизація достигла расцвѣта, образовался новый мелко-буржуазный классъ, который стоитъ на полъ-дорогѣ между пролетаріатомъ и буржуазіей; будучи необходимымъ дополненіемъ буржуазнаго общества, этотъ классъ постоянно образуется вновь. Но отдѣльныя личности, составляющія этотъ классъ, непрерывно низвергаются въ ряды пролетаріата вслѣдствіе конкуренціи; болѣе того, по мѣрѣ развитія крупнаго производства они сами замѣчаютъ приближеніе той минуты, когда они окончательно исчезнутъ въ качествѣ самостоятельнаго слоя современнаго общества и будутъ вытѣснены въ торговлѣ, промышленности и земледѣліи надсмотрщиками и домашними слугами.

Въ такихъ странахъ, какъ Франція, гдѣ крестьяне составляютъ значительное большинство населенія, писатели, принимавшіе сторону пролетаріата противъ буржуазіи, естественно, должны были критиковать буржуазный строй и защищать рабочее дѣло съ точки зрѣнія мелкаго буржуа или крестьянина. Такъ возникъ мелко-буржуазный социализмъ. Главою этой литературы, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, является Сисмонди.

Этотъ социализмъ съ большою глубиной анализировалъ противорѣчія, присущія современнымъ отношеніямъ производства. Онъ обнажилъ все лицемѣріе ихъ апологетовъ—экономистовъ. Онъ доказалъ неоспоримымъ образомъ губительное вліяніе машины и раздѣленія труда на рабочаго, выяснилъ значеніе концентраціи капиталовъ и поземельной собственности, перепроизводства, кризисовъ, неизбежнаго упадка мелкой буржуазіи и крестьянства, нищеты пролетаріата, анархіи въ производствѣ, вопіющаго неравенства въ распредѣленіи богатствъ, истребительной промышленной войны націй: онъ показалъ, какъ

разлагаются старые нравы, старыя семейныя отношенія, старыя національности.

Съ другой стороны, однако, положительныя требованія этого мелкобуржуазнаго социализма состоятъ либо въ возстановленіи старыхъ способовъ производства и обмѣна, а вмѣстѣ съ тѣмъ старыхъ имущественныхъ отношеній и всего стараго общественнаго строя, либо въ стремленіи насильственно вогнать современные способы производства и обмѣна въ тѣсныя рамки старыхъ имущественныхъ отношеній, которыя были ими разбиты и неизбежно должны были быть разбиты. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ этотъ социализмъ въ одно и то же время оказывается и реакціоннымъ, и утопическимъ.

Для него послѣднимъ словомъ въ области промышленности является система ремесленныхъ цеховъ, а въ области земледѣлія—патріархальныя отношенія.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи онъ утратилъ всякую бодрость и весь отдался меланхолической грусти.

С. Нѣмецкій или «истинный» социализмъ.

Французская социалистическая и коммунистическая литература, возникшая подъ давленіемъ правящей буржуазіи, является литературнымъ выраженіемъ возмущенія противъ буржуазнаго господства. Литература эта перенеслась и въ Германію, когда буржуазія начала здѣсь свою борьбу противъ феодальнаго абсолютизма.

Нѣмецкіе философы, полуфилософы и просто люди доброй души съ жадностью набросились на эту литературу; однако, они позабыли объ одномъ: что переселеніе французской литературы въ Германію совсѣмъ не означало такого же переселенія и французскихъ общественныхъ отношеній. А при германскихъ общественныхъ отношеніяхъ французская литература теряла все свое непосредствен-

но-практическое значеніе и превращалась въ явленіе чисто литературнаго порядка. Она неизбѣжно должна была превратиться въ праздныя умозрѣнія объ условіяхъ, соотвѣтствующихъ человѣческой природѣ. Такъ, требованія, выставленныя первой французской революціей, казались нѣмецкимъ философамъ XVIII в. требованіями «практическаго разума» вообще, а проявленія воли французской революціонной буржуазіи были въ ихъ глазахъ равнозначущи проявленію законовъ чистой воли, — воли, какою она должна быть, — истинно-человѣческой воли.

Вся задача нѣмецкихъ литераторовъ ограничивалась тѣмъ, чтобы привести французскія идеи въ согласіе со своей старой философской совѣстью, или, скорѣе, усвоить себѣ французскія идеи, приспособивъ ихъ къ своей философской точкѣ зрѣнія.

Они усваивали ихъ себѣ подобно тому, какъ усваиваютъ иностранный языкъ, т. е. переводили ихъ на свой собственный языкъ.

Какъ извѣстно, средневѣковыя монахи покрывали манускрипты классическихъ авторовъ язычества нелѣпыми легендарными жизнеописаніями католическихъ святыхъ. Нѣмецкіе литераторы поступали съ французской литературой какъ разъ наоборотъ. Французскій оригиналь служилъ у нихъ надстройкой на фундаментѣ ихъ собственныхъ философскихъ безмыслицъ. Такъ, французскую критику экономической роли денегъ они снабжали подписью: «Отчужденіе человѣческаго существа»; подъ французской критикой буржуазнаго государства они подписывали: «Уничтоженіе категоріи абстрактной всеобщности», и т. д.

Такое привнесеніе во французскую критику философской фразеологіи они называли «философіей дѣйствія»,

«истиннымъ социализмомъ», «нѣмецкой наукой социализма», «философскимъ обоснованіемъ социализма», и т. д.

Такимъ образомъ, французская социалистическая и коммунистическая литература подверглась кастраціи. А такъ какъ въ рукахъ нѣмецкихъ литераторовъ она перестала служить выраженіемъ борьбы одного класса противъ другого, то они стали гордиться тѣмъ, что возвысились надъ «французской односторонностью» и тѣмъ, что они защищаютъ не истинныя потребности, но «потребности истины», не интересы пролетаріата, но интересы человѣческаго существа, человѣка вообще, человѣка, не принадлежаго ни къ какому классу и вообще существующаго не въ реальной дѣйствительности, но въ туманныхъ высяхъ филофской фантазіи.

Нѣмецкій социализмъ, который вполне серьезно гордился своими неумѣлыми, чисто школьными упражнениями, потерялъ, однако, мало по мало свою педантическую невинность.

Борьба нѣмецкой, особенно прусской, буржуазіи противъ абсолютной и феодальной монархіи, т. е. либеральное движеніе усилилось.

«Истинный» социализмъ получилъ, такимъ образомъ, столь желанную возможность противопоставить политическому движенію социалистическія требованія. Теперь онъ имѣлъ поводъ провозглашать традиціонныя проклятія либерализму, представительному правленію, буржуазной конкуренціи, буржуазной свободѣ печати, буржуазному праву, буржуазной свободѣ и равенству; онъ получилъ поводъ проповѣдывать народнымъ массамъ, что онѣ ничего не могутъ выиграть, но, напротивъ, все должны потерять отъ этого буржуазнаго движенія. Нѣмецкій социализмъ весьма кстати позабылъ, что предпосылкой французской критики, которую онъ самъ неразумно повторялъ, является современное буржуазное общество съ соот-

вѣтствующими матеріальными условіями существованія и политической конституціей; а именно этой предпосылки и не существовало въ Германіи, именно ее она и должна была завоевать себѣ.

Нѣмецкимъ абсолютнымъ правительствамъ, со всею ихъ свитой поповъ, педагоговъ, помѣщиковъ и бюрократовъ, этотъ социализмъ служилъ иугаломъ противъ занявшей угрожающее положеніе буржуазіи.

Онъ служилъ сладкой приправой къ горькимъ ударамъ кнута и ружейнымъ пулямъ, съ помощью которыхъ эти правительства обрабатывали рабочія возстанія. Если «истинный» социализмъ сталъ, такимъ образомъ, оружіемъ въ рукахъ правительствъ противъ нѣмецкой буржуазіи, то, съ другой стороны, онъ и непосредственно служилъ выраженіемъ реакціонныхъ интересовъ, — интересовъ мелкой буржуазіи. Оставленный намъ въ наслѣдіе XVI в. и съ тѣхъ поръ постоянно возрождавшійся въ разнообразныхъ формахъ, классъ мелкой буржуазіи является въ Германіи истинной соціальной основой существующаго порядка вещей.

Сохраненіе мелкой буржуазіи означаетъ сохраненіе въ Германіи этого порядка. Экономическое и политическое господство буржуазіи грозитъ этому классу вѣрной гибелью, съ одной стороны, вслѣдствіе концентраціи капиталовъ, съ другой — вслѣдствіе выступленія революціоннаго пролетаріата. Мелкая буржуазія ожидала, что «истинный» социализмъ однимъ выстрѣломъ убьетъ двухъ зайцевъ. И потому онъ распространялся съ быстротою эпидеміи.

Сотканный изъ безплотной пряжи умозрѣнія, вышитый цвѣтами реторики и насквозь пропитанный розовой сантиментальностью, трансцендентный костюмъ, въ который нѣмецкіе социалисты нарядили пару своихъ убогихъ «вѣчныхъ истинъ», только усиливаль сбытъ ихъ товара въ средѣ такого рода публики.

Нѣмецкій социализмъ, съ своей стороны, начиналъ все лучше и лучше понимать, что онъ призванъ быть торжественнымъ представителемъ этой мелкой буржуазіи.

Нѣмецкую націю онъ провозгласилъ нормальной націей, нѣмецкаго филистера—нормальнымъ чело-вѣкомъ, всякой низости, совершенной этимъ нормальнымъ чело-вѣкомъ, онъ придавалъ скрытый смыслъ, выспій, соціа-листическій смыслъ, превращавшій ее въ прямую проти-воположность того, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Онъ послѣдовательно шелъ до самаго конца, выступая противъ «грубо-разрушительныхъ» тенденцій коммунизма и объявляя, что самъ онъ—виѣ партій, и потому стоитъ выше всякаго рода классовой борьбы. За немногими исключениями, все такъ называемыя соціалистическія и ком-мунистическія произведенія, циркулировавшія (въ 1847 г.) въ Германіи, нужно отнести къ этой грязной, разсла-бляющей умъ литературѣ.³⁾

II. Консервативный или буржуазный социализмъ.

Часть буржуазіи старается уврачевать соціальные недуги, съ цѣлью упрочить существованіе буржуазнаго общества.

Зуда относятся экономисты, филантропы, гумани-сты, люди, желающіе улучшенія участи рабочаго класса, организаторы благотворительности, покровители живот-ныхъ, основатели обществъ трезвости, кабинетные рефор-маторы всевозможнаго рода. Эти люди создали даже цѣ-лыя системы буржуазнаго социализма.

Ради примѣра назовемъ «Философію Нищеты» Прудона.

³⁾ Ураганъ революціи 1848 г. смель все это гнусное направленіе и лишилъ приверженцевъ его всякой охоты продолжать игру въ социализмъ. Главнымъ представителемъ и классическимъ типомъ этого направленія яв-ляется Карлъ Грюнъ.

Буржуазные социалисты желают сохранения современного общественного строя, но не желают опасностей и борьбы, необходимо порождаемых имъ. Они желают сохранить современное общество, но устранить изъ него революціонные и разлагающіе его элементы. Они хотятъ буржуазіи безъ пролетаріата. Вполнѣ естественно, что буржуазія считаетъ лучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ тотъ міръ, въ которомъ она господствуетъ. Буржуазный социализмъ развилъ это утѣшительное представленіе въ цѣлыя системы или полу-системы. Когда онъ приглашаетъ пролетаріатъ осуществить эти системы и вступить въ новый Иерусалимъ, онъ приглашаетъ его, въ сущности оставаться въ существующемъ обществѣ, но отказаться отъ ненависти къ нему.

Другая форма этого социализма, менѣе систематическая, зато болѣе практическая, старалась внушить рабочимъ отвращеніе къ революціонному движенію, доказывая, что имъ можетъ принести пользу не та или иная политическая перемѣна, но только измѣненія въ условіяхъ матеріальной жизни, въ экономическихъ отношеніяхъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что подъ измѣненіемъ матеріальныхъ условій общественной жизни этотъ социализмъ понимаетъ отнюдь не уничтоженіе буржуазныхъ отношеній производства, возможное только путемъ переворота, но исключительно административныя реформы, основой которыхъ служить само буржуазное производство, которыя, слѣдовательно, не затрагиваютъ отношеній между капиталомъ и наемнымъ трудомъ и, въ лучшемъ случаѣ, только уменьшаютъ расходы и упрощаютъ административный трудъ буржуазнаго управленія.

Наиболѣе точное выраженіе находитъ себѣ буржуазный социализмъ тогда, когда становится простой исторической фигурой.

Свобода торговли въ интересахъ рабочаго класса! Покровительственныя пошлины въ интересахъ рабочаго класса! Одиночныя тюрьмы въ интересахъ рабочаго класса! Вотъ послѣднее слово буржуазнаго социализма и единственное его слово, которое онъ произноситъ въ серьезъ.

Да, весь буржуазный социализмъ резюмируется въ одной фразѣ: буржуа сдѣлались буржуа въ интересахъ рабочаго класса.

III. Критически-утопическій социализмъ и коммунизмъ.

Мы не будемъ говорить здѣсь о той литературѣ, которая въ періоды всѣхъ значительныхъ революцій новѣйшей исторіи формулировала требованія пролетаріата (сочиненія Бабефа и др.).

Первыя попытки пролетаріата, имѣвшія непосредственной цѣлью доставить торжество его классовымъ интересамъ въ періодъ общаго возбужденія, въ періодъ крушенія феодальнаго общества, неизбѣжно должны были потерпѣть фіаско, съ одной стороны, вслѣдствіе крайне низкой степени развитія самого пролетаріата, съ другой— вслѣдствіе отсутствія матеріальныхъ условій его освобожденія, условій, которыя могли быть созданы только въ буржуазную эпоху. Революціонная литература, сопутствовавшая этимъ первымъ движеніямъ пролетаріата, по своему содержанію, неизбѣжно должна была носить реакціонный характеръ. Она проповѣдывала всеобщій аскетизмъ и равенство въ самой грубой его формѣ.

Соціалистическія и коммунистическія системы въ собственномъ смыслѣ, каковы системы Сень-Симона, Фурье, Овена и т. д., появляются въ первый, зачаточный періодъ борьбы между пролетаріатомъ и буржуазіей, періодъ, описанный выше (см. главу «Буржуа и пролетаріи»).

Авторы этих системъ прекрасно сознаютъ существованіе антагонизма классовъ, а также и элементовъ разложенія внутри современнаго общества; но они не видятъ со стороны пролетаріата никакой исторической самодѣятельности, они не замѣчаютъ присущаго ему политическаго движенія.

Такъ какъ развитіе антагонизма классовъ идетъ рука объ руку съ развитіемъ промышленности, то они не могли видѣть матеріальныхъ условій освобожденія пролетаріата и бросались въ поиски соціальной науки, соціальныхъ законовъ, которые могли-бы имъ создать эти условія.

Общественная самодѣятельность должна была такимъ образомъ уступить мѣсто дѣятельности ихъ собственной изобрѣтательности, историческія условія эмансипаціи— условіямъ фантастическимъ, постепенно развивающаяся организація пролетаріата въ классъ—организація общества, спитой изъ разныхъ лоскутковъ ими самими. Будущая исторія человѣчества сводится для нихъ въ пропагандѣ и къ практическому осуществленію ихъ проектовъ общественнаго устройства.

Правда, занимаясь изобрѣтеніемъ своихъ плановъ, они все-же сознавали, что защищаютъ прежде всего интересы рабочаго класса, такъ какъ это—классъ, наиболѣе страдающій. Вообще, они видятъ въ рабочемъ классѣ только классъ, наиболѣе страдающій.

Однако же, вслѣдствіе неравитости классовой борьбы, а также вслѣдствіе своего собственнаго соціального положенія, они считаютъ, что сами стоятъ выше всякаго антагонизма классовъ. Они желаютъ улучшенія матеріальныхъ условій жизни для всѣхъ членовъ общества, даже для самыхъ привилегированныхъ. Поэтому они неустанно взываютъ ко всему обществу безразлично,

даже болѣе того, они предпочитаютъ обращаться къ правящему классу. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не довольно понять ихъ систему, чтобы признать въ ней наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ плановъ наилучшаго изъ всѣхъ возможныхъ обществъ?

Поэтому они отвергаютъ всякую политическую дѣятельность, особенно же дѣятельность революціонную, они стараются достичь своихъ цѣлей мирными путями и пытаются расчислить дорогу новому социальному евангелію силою примѣра, прибѣгая для этого къ скромнымъ экспериментамъ, заранѣе осужденнымъ на неудачу.

Фантастическая картина будущаго общества, нарисованная въ то время, когда пролетаріатъ еще недостаточно развитъ и видитъ свое собственное положеніе въ фантастическомъ свѣтѣ,—эта картина соответствуетъ первоначальнымъ, инстинктивнымъ порывамъ рабочихъ къ полнѣйшему преобразованію общественнаго строя.

Но социалистическія и коммунистическія произведенія заключаютъ въ себѣ также элементы критики. Они нападаютъ на существующее общество въ самыхъ его основахъ. Поэтому въ свое время они дали весьма цѣнный матеріалъ для пробужденія сознанія рабочихъ. Ихъ положительныя предположенія относительно будущаго общества, каковы уничтоженіе различія между городомъ и деревней, уничтоженіе семьи, частной собственности, наемнаго труда, провозглашеніе социальной гармоніи и превращеніе государства въ простой административный механизмъ для завѣдыванія производствомъ, — всѣ эти положенія указываютъ только на желаніе уничтожить антагонизмъ классовъ, антагонизмъ, который тогда только начиналъ развиваться, такъ что изобрѣтатели системы были знакомы только съ его первоначальными, неясными и неопредѣленными формами. Такимъ образомъ, ихъ положенія—чисто утопическія по своему смыслу.

Значеніе критически-утопическаго социализма и коммунизма измѣняется въ обратномъ отношеніи къ ходу историческаго развитія. По мѣрѣ того, какъ борьба классовъ обостряется и принимаетъ опредѣленныя формы, эта фантастическая ненависть къ борьбѣ, это фантастическое отрѣшеніе отъ нея теряютъ всякую практическую цѣнность и всякое теоретическое оправданіе, и потому, если основатели этихъ системъ были во многихъ отношеніяхъ революціонерами, то основанныя ихъ учениками секты всегда оказываются реакціонными, такъ какъ эти ученики упрямо противопоставляютъ устарѣлыя представленія своихъ учителей историческому развитію пролетариата. Поэтому они стараются—и вполне послѣдовательно со своей точки зрѣнія — смягчить борьбу классовъ и примирить ихъ антагонизмъ. Они не перестаютъ мечтать объ осуществленіи своихъ социальныхъ утопій на опытѣ, объ устройствѣ отдѣльныхъ фаланстеровъ, объ образованіи home colonies и о созданіи маленькой Икаріи⁴⁾—миниатюрнаго изданія новаго Иерусалима. А чтобы осуществитъ на практикѣ всѣ эти воздушные замки, они вынуждены апеллировать къ сердцу и кошельку буржуа. Мало по малу они переходятъ въ разрядъ обрисованныхъ выше реакціонныхъ или консервативныхъ социалистовъ, и единственнымъ ихъ отличіемъ отъ этихъ послѣднихъ оказывается только болѣе систематическій педантизмъ и фанатическая, слѣпая вѣра въ чудесныя свойства ихъ социальной науки.

И потому они ожесточенно противятся всякой политической дѣятельности рабочаго класса, такъ какъ, по

⁴⁾ *Home colonies*—колоніями внутри государства—Овель называетъ свои образцовыя коммунистическія общества. *Фаланстерами* назывались общественныя дворцы по плану Фурье. *Икарія*—это фантастическая страна съ коммунистическими учрежденіями по плану утописта Каба

ихъ мнѣнію, такого рода дѣятельность можетъ только проистекать отъ слѣпого невѣрія въ новое евангеліе.

Въ Англіи овенисты выступаютъ противъ чартистовъ, во Франціи фурьеристы борются противъ реформистовъ.

IV. Отношеніе коммунистовъ къ различнымъ оппозиціоннымъ партіямъ.

Послѣ сказаннаго нами выше, во II главѣ, само собою ясно отношеніе коммунистовъ къ существующимъ уже рабочимъ партіямъ, а слѣдовательно и ихъ отношеніе къ чартистамъ въ Англіи и къ сторонникамъ аграрной реформы въ Сѣверной Америкѣ.

Они борются за непосредственные интересы и ближайшія цѣли рабочаго класса, но въ то же время въ современномъ намъ движеніи они являютъ защитниками и представителями будущихъ интересовъ движенія. Во Франціи они примыкаютъ къ партіи социалистовъ-демократовъ⁵⁾ противъ консервативной и радикальной буржуазіи, всецѣло сохраняя при этомъ за собою право на критику унаслѣдованныхъ, въ силу революціонной традиціи, фразъ и иллюзій.

Въ Швейцаріи они поддерживаютъ радикаловъ, не забывая, однако, что эта партія слагается изъ противорѣчивыхъ элементовъ, — на половину изъ социалистовъ-демократовъ, во французскомъ смыслѣ этого слова, на половину изъ буржуазныхъ радикаловъ.

Въ Польшѣ коммунисты поддерживаютъ ту партію, которая считаетъ аграрный переворотъ необходимымъ

⁵⁾ Партія, окрестившая себя въ то время во Франціи именемъ социалистовъ-демократовъ, имѣла своими представителями: какъ политика — Ледрю Роллена, какъ литератора — Луи Блана; она, стало быть, чрезвычайно далека отъ современной нѣмецкой социаль-демократіи.

условіемъ національнаго освобожденія, т. е. ту партію, которая устроила краковское возстаніе 1846 г.

Въ Германіи коммунистическая партія борется въ согласіи съ буржуазіей во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняя является прогрессивной силой въ борьбѣ противъ абсолютной монархіи, феодалной поземельной собственности и мелкой буржуазіи.

Однако-же, эта партія никогда, ни на минуту не упускаетъ случая пробуждать въ рабочихъ возможно болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата; она желаетъ, чтобы, когда придетъ время, нѣмецкіе рабочіе сумѣли превратить социальныя и политическія условія, созданныя въ періодъ господства буржуазіи, въ оружіе противъ самой буржуазіи, чтобы тотчасъ-же послѣ того, какъ реакціонные классы въ Германіи будутъ побѣждены, началась борьба противъ самой буржуазіи.

Вниманіе коммунистовъ направленно особенно на Германію, такъ какъ Германія находится наканунѣ буржуазной революціи; послѣдняя совершится въ ней при условіяхъ болѣе высокаго уровня европейской цивилизаціи и несравненно болѣе высокой степени развитія пролетаріата, чѣмъ то было въ Англіи въ XVII и во Франціи въ XVIII в.; поэтому нѣмецкая буржуазная революція можетъ послужить лишь непосредственнымъ прологомъ пролетарской.

Словомъ, коммунисты повсюду поддерживаютъ всякое движеніе противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній.

Во всякомъ изъ этихъ движеній они выдвигаютъ на первый планъ, какъ основной вопросъ движенія, вопросъ о собственности, какова-бы ни была болѣе или менѣе развитая форма, какую онъ имѣетъ при различныхъ условіяхъ.

Наконецъ, коммунисты стремятся къ союзу и соглашенію демократическихъ партій всѣхъ странъ.

Коммунисты не скрываютъ своихъ мнѣній и своихъ цѣлей... Они обращаются со своимъ призывомъ къ пролетариату. Въ грядущей борьбѣ пролетаріямъ нечего терять. А приобретутъ они цѣлый міръ...

Изданія Е. М. Алексѣевой:

КАРЛЬ МАРКСЪ. Ницета Философін. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Фр. Энгельса. Переводъ съ франц. С. А. Алексѣева. Изд. 2-ое Цѣна 50 к.

ФРИДРИХЪ ЭНГЕЛЬСЪ. Отъ классическаго идеализма къ діалектическому матеріализму. Съ 11 тезисами К. Маркса о С. Фейербахѣ. Переводъ съ нѣм. А. Горвицъ и С. Клейнеръ, просмотрѣнн. С. А. Алексѣевымъ. 1905 г. Цѣна 25 коп.

КАРЛЬ МАРКСЪ и ФР. ЭНГЕЛЬСЪ. Буржуазія, пролетаріатъ и коммунизмъ. Съ предисловіями авторовъ къ нѣм изд. и предисловіемъ къ русскому изданію Г. Плеханова. Издан. 2, дополненное. Цѣна 15 коп.

ПОЛЬ ЛАФАРГЪ. Женскій вопросъ. Переводъ съ французскаго. 1905 г. Цѣна 8 коп.

КАРЛЬ МАРКСЪ. Речь о свободѣ торговли. Переводъ съ французск. С. А. Алексѣева. 2-ое изд. Ц. 8 к.

К. КАУТСКІЙ. Автобіографія. Перев. съ нѣмецкаго. Цѣна 8 коп.

ФРИДРИХЪ ЭНГЕЛЬСЪ. Къ аграрному вопросу на Западъ. Переводъ съ нѣмецкаго.

КАРЛЬ МАРКСЪ. Лордъ Пальмерстонъ. Переводъ съ англійскаго.

Адресъ книгоиздательства: **КІЕВЪ**
Софійская, 3.

Изданія книгоиздательства

„ДЕМОСЪ“:

- 1) **Л. ГИЖИЦКАЯ.** (Лили Браунъ). Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ социальномъ строе. Переводъ съ нѣмецкаго М. Поляковой. 2-ое изд. 1905 г. Цѣна 10 коп.
- 2) **В. ЛИБКНЕХТЪ.** Карль Марксъ. Біографическій очеркъ. Съ приложеніемъ портрета Карла Маркса и вида его могилы. Переводъ съ нѣмецкаго М. Поляковой. Изданіе 2-ое. 1905 г. Цѣна 15 коп.
- 3) **ФР. ЭНГЕЛЬСЪ.** Отъ утопін къ наукѣ. Съ портретомъ и біографіей Энгельса. Перев. съ 4-го нѣм. изд. 1905 г. Цѣна 20 коп.
- 4) **П. ЛАФАРГЪ.** Мои воспоминанія о Карль Марксѣ. Съ портретомъ Карла Маркса. Перев. съ нѣмецк. М. Поляковой. 1905 г. Цѣна 10 коп.
- 5) **КАРЛЬ КАУТСКІЙ.** Интеллигенція и пролетаріатъ. Переводъ съ нѣмецкаго М. Левина. 1905 г. Цѣна 15 к.
- 6) **ПРОФ. А. МЕНГЕРЪ.** Государство будущаго. I. Анархизмъ, индивидуалистическое и коммунистическое государство. Перев. со 2-го нѣм. изданія. Цѣна 20 коп.
- 7) **П. ЛАФАРГЪ.** Коммунизмъ. (За и противъ). Перев. М. Медвѣдовой. Цѣна 15 коп.

Складъ изданій книгоиздательствъ Е. М. Алексѣевой и „Демосъ“

при книжномъ магазинѣ „ОБРАЗОВАНИЕ“

ОДЕССА, Ришельевская улица, домъ № 12.